

О.РИХТЕР

Россынь

О.РИХТЕР

Россыпь

Санкт-Петербург
1997 г.

ISBN 5-88560-113-5

© О.Б.Рихтер, 1997

© Художественное оформление дэ Борейша, 1997

О.Б. Рухтер

ОТ АВТОРА

На мой взгляд, самое трудное и неприятное занятие — это писать о себе, свою биографию. Да и слово какое-то мудреное — биологическо-графическое. Всегда, когда мне приходилось к листку по учету кадров прилагать автобиографию, я испытывал настоящую муку. Ограничиваясь только датами основных событий: поступил — окончил, принят — уволен и т. д., я стыдился указать о том, что мне дали медаль, что проявил какую-то инициативу, что являюсь новатором и прочее, что может быть истолковано как хвастовство и желание обратить на себя особое внимание начальства.

Те-же самые чувства я испытываю и теперь, опасаясь осуждения читателей. Пожалуй, написать о себе роман, но только от второго лица, куда легче, чем бахвалиться успехами в настоящем опусе или пускать слезу по поводу неудач. И вот — для меня настал критический момент...

Давайте же знакомиться, дорогие читатели. Я не профессиональный поэт и писатель — я строитель. Всю свою производственную жизнь я провел на окраинах: Сахалин, Заполярье, Западная Сибирь, хотя сам южанин — из Ростова-на-Дону. Все мои столь эксцентричные перемещения с одного края света на другой являлись обыденным следствием переводов волею Министерства транспортного строительства, которое, до поры до времени, благоволило мне и толкало к росту. Работая на громких стройках, я постоянно испытывал писательский зуд — и продолжал писать. Именно — продолжал...

Я не был вундеркиндом. Но, благодаря стараниям моих родителей, научился читать и писать почти одновременно -- в пять лет. Первое, что я самостоятельно прочитал, это произведение Льва Толстого "Кавказский пленник".

Впервые мои стихи были опубликованы в ростовских газетах, когда я был еще учеником. Это вдохновило мою романтическую натуру, и я стал писать пессимистические стихи под влиянием запретной поэзии Есенина. Мне, естественно, сразу же отказали в публикациях. Но я не мог уже переломить себя и писал только по вдохновению, а не по спросу. Собственно говоря, моя поэзия — это осколки мыслей и чувств в разные времена.

В те юношеские годы я не долго горевал, что редакции сделали мне от ворот поворот. Было много и других увлечений и забот. Секция бокса, Ростовский аэроклуб — заполняли все свободное время от занятий в техникуме железнодорожного транспорта. Но увлечение поэзией настойчиво напоминало о себе. Я мечтал о литературном факультете университета. Однако строительную профессию, к которой принудил меня отец, я решил познать до логического конца. И поэтому, окончив техникум, поступил в инженерно-строительный институт, который с большим напряжением сил сумел закончить в два года. Добившись немыслимого результата ради мечты об учебе в университете, я вдруг потерял к этому интерес. Меня потянуло в водоворот жизни — и я поехал осваивать хрущевскую целину.

Там, в районной газете, к моему торжеству, была опубликована моя, ранее отвергнутая лирика. Там же, на целине, у меня проявилась склонность к прозе, хотя оказалось, что писать рассказы куда сложнее, чем стихи.

Прошло немало лет, и я стал проверять свои возможности в разных жанрах. Я писал новеллы, рассказы, феерии, фантазмы, сказки, произведения сатиры и юмора — но так и не понял, какой жанр и стиль мне более свойственен. Редакторы, которые охотно публиковали все, что я приносил, удивлялись разнотчивости и разностильности языка моего письма. Я и сам удивляюсь тому же, но ничего не могу изменить. Как только я приступаю к письму, как тут же возникает мотив, которому я покорно слеую. Впрочем, должно ли быть иначе? Ведь у каждого жанра существует своя внутренняя мелодия.

Я болезненно отношусь к тому — нравятся или не нравятся мои опусы. Практика показала, что одна и та же вещь у одних вызывает признание, а у других — отрицание.

Если Вам, дорогие читатели, не придется по вкусу kaleйдоскоп этой книги, для которой я подобрал наиболее соответствующее ей название — “РОССЫПЬ”, то примите его как свершившийся факт моей биографии.

Пролог

*Когда не спится мне,
И, глядя в полумрак,
Я дне события в уме перебираю, —
Мне кажется, что жив еще Бальзак,
И что Комедии я новые читаю...*

СТИХОТВОРЕНИЯ
1970 – 1990

* * *

Жизнь моя, ты была настоящей?
Если — да, что же сердце саднит?
Было все... и во всем уходящем —
Блестки счастья и пятна обид.

Пробежала она... миновала...
Обозначила близкий закат...
Мне судьбу проклинать не пристало:
Что не так — я один виноват.

Мне желался и, видимо, слишком —
Тайнам чувства достойный ответ.
Отравил свою душу мальчишка
Верой в Бога, которого нет.

Ну и что же?... А я — не жалею...
Сантиментов не выброшу в хлам.
Становлюсь я спокойней и злее,
Но мечты никому не отдам.

* * *

Все в этом мире очень странно:
Желанья, мысли и слова.
И цель, и правда — все туманно,
И каждый слеп, как днем сова.

Глядим мы, вытаращив очи,
На огонек, что манит нас.
Прекрасен он во мраке ночи,
А днем не привлекает глаз.

В погоне вечной, суетливой
Мы догоняем шлейф мечты,
И ловим этот хвост ревниво,
Как близорукие кроты.

А мир таит в себе безмерность
Тончайших мыслей, чувств и форм...
Но мы храним тупую верность
Устоям сладеньких платформ.

* * *

Скажи, Земля, быть может, ты устала?
Быть может, гласность — это недр весть?
Как долго ты, родимая, молчала,
Скрывая в глубине поруганную честь.

Наедине мы словно слышим стоны,
И поздний ропот, и тоску обид...
Ты вновь, Земля, повесила иконы
И чтишь тот прах, что подлостью зарыт.

Но ты верни великое начало,
Которое несла руси святая рать...
Скажи, Земля, ты разве не устала
Бездушной глыбой в космосе летать?

Смотри, Земля, как горько плачут ивы,
Как все вокруг забили сорняки...
Прими репей и жгучую крапиву,
Как будто то — лавровые венки.

* * *

На склоне лет — во мне аскет
Заговорил весьма мудрее:
«Твой опыт — это Панацея,
Но перед ней держи ответ...»

Увы, прошедшего круги
Мне совесть теребят украдкой,
Но в то же время — недостатки
Воспоминаньем дороги.

Бывает даже очень жаль,
Что где-то ты промчался мимо...
Былое ведь необратимо,
И в этом, право, есть печаль.

*** * ***

В потемках душ — разнообразие...
Добро и зло — как неделимое...
Всплеснется двойственность
Стеньки Разина —
И мигом за борт летит любимое.

*** * ***

Взволнованность извечного начала,
Загадочность ненаступивших дней —
Навстречу мне ты тихо излучала
Сквозь гушу обезлиствевших ветвей.

Земля еще следы хранила тленья,
Но распался зимний монолит.
О том, что неизбежно обновление,
Казалось, даже небо говорит.

Ты реяла, ты в воздухе парила,
Заманивая дымкой голубой,
В тебе была пленительная сила,
Великий зов слияния с тобой.

Ты призывала силы к пробужденье,
Влетала в души и топила лед.
Великий миг начала и рожденья —
Весною
 человечество зовет.

* * *

Бесконечно вечное блужданье
От планет до прыгающих ген...
Значит, и в подкорковом сознание
Скрыта неизбежность перемен.

Только мысль, опутанная вязью
Упрощенных образов и схем,
Обрела порочность личных связей,
Не вникая в логику систем.

Доведя свободу до упадка,
Род людской тревогою объят...
В миг такой под маскою порядка
Проникает в общество диктат.

Древний мир нам дарит в назиданье
Раболепства мрамор и гранит,
Но царит инерция созданья
Лестниц элитарных пирамид.

* * *

Куда ни глянешь — аксиома
Тебе о правиле твердит.
На службе, в обществе и дома
Как будто всяк по мерке сшит.

Твердят заезженные фразы
О чувстве долга, о семье,
Но в каждом есть микроб заразы,
Принадлежащий сатане.

Мы, словно гвардия прохожих,
Однообразно хороши.
Но как на деле непохожи
В хитросплетениях души!

Что на виду, что всем известно —
Сочтет за истину глупец.
Ведь все, что важно, интересно
Хранится в тайниках сердец.

Так было, есть и вечно будет
В круговороте перемен.
О, братья по Земле! О, люди!
Люблю вас вне подмостков сцен!

ЭПИТАФИЯ СУБСТАНЦИИ

Ничто окружало меня...
Безветрие, темень и тишь...
Зловещий покой пустоты...
Недвижимый холод могил...
Казалось, не твердь под ногами,
А тонкая ткань пузыря...

До этого видел я небо,
Мерцание звездных миров
И лик неизменный луны.
А в грохоте уличной спешки —
Снующие толпы прохожих, —
Таких же безумных, как я.

И вдруг... это нечто — ничто...
Без окон и тысяч огней...
Слепая, незримая бездна
Безмолвной вселенской ночи,
В которой моя бестелесность
Теряет причастность к Земле.

И так пролетали секунды...
А может быть, даже столетья,
Не ведая времени хода,
Как знак его плюс или минус...
Но разум совсем не томило:
Бессмертие то или смерть?

Ничто — это все-таки что-то,
В нем скрыты какие-то цели...
И стало тому подтверждением
Внезапная вспышка Сверхновой,
И заросли странной планеты,
Как будто знакомой и нет...

Попал я в какую-то свору...
Псолюди метались в экстазе
И скалили злобные пасти,
И только один без хвоста,
За мной наблюдая, в сторонке,
Обрубком вываливал дружбу.

К нему и направился я,
Влекомый призывом к союзу.
Он тут же, меня пообнюхав,
Повел к необычной поляне,
Опутанной цепью из змей,
Назвав ее местом для сходов.

Царило беззвучие там...
Толпа, поджимая хвосты,
Дрожа костенела от страха.
А в центре ее — палачи
Тянули канатом вершины
Двух тонких и гибких деревьев...
Готовилось гнусное дело —
Псобрата на части порвать.
А жертва, внушая покорность,
Поникнув, скулила слегка,
К защите своей не взывая,
Но глядя мне прямо в глаза!

И тут мой напарник бесхвостый
Поведал, что это святой —
Псоликий, жалеющий братьев,
Взывающий против злодущья,
Псолюдам несет благодать
Упреком большого злодейства.

«Смотри и себя обретай
Для тех, с кем живешь на планете», —
С оглядкою он проурчал.
И это взорвало меня!
Рванулся я к лобному месту,
Ввергая в смятение толпу...

И рев прокатился над сходкой,
И вздыбились жесткие холки,
И лязгнули сотни клыков.
Я понял... Здесь нет милосердия!
Здесь рвут непохожему глотку!
Здесь властвует стадный закон!

Связали мне руки, а ноги
К вершинам деревьев привязали.
На грудь положили змею,
Содрав ту гадюку с ограды.
И, глядя на то с вождельем,
Кончины желали моей...

Метнув в их дебильные морды
Презренье Субстанции Вечной,
Тая, что не знали они, —
Бессмертье Души бестелесной,
Спасая псодушу святую,
Над сворой я стал хохотать.

И ярость достигла предела,
Вершины деревьев разгибая...
Меня возвращая к Земле,
Под яркою вспышкой Сверхновой...

.
.

ЭЛЕГИЯ

«Время не знает возврата,
Время не ходит вспять,» —
Сердце не виновато,
Не позволяя спать.

Все естество природы
Рвется из крепких пут:
«Может быть, ТАМ — структуры
Наших полей ЖИВУТ?»

В этом найдем ли веру?
В этом ли новый Бог?
Разум — противник меры —
Не признает итог!

Таинство брэнного тела...
Муки протеста и страха...
«Что же душа претерпела,
Издали видя прах?»

Ждать ли еще возврата,
Или уже не ждать?

.
.

Были ли мы когда-то?
Будем ли мы опять?...

ПИГМАЛИОН

На берег бирюзового залива
Волна взбегает, бьется у камней.
Она лежит...
Божественно красива...
А он стоит в восторге перед ней.

Она лежит...
Рожденная из пены...
Себя повергла, донага раздев...
Но слыша стоны —
Словно зов Сирены, —
Он, будто раб, стоит, окаменев.

Он ослеплен...
Томящей белизною,
И гладит воздух чуткая рука...
Он весь в огне немыслимого зноя.
Пуста ладонь...
Но будто в ней — кирка.

Он околдован...
Замыслом великим.
И неземною страстью одержим.
Вожди и всемогущие владыки,
Увидев то,
Смеялись бы над ним.

«QUANTUM SATIS»

*Где силы нет —
там тщетно звать.
Ибсен*

Безмерное — не терпит меры.
Где мера — там застой и гниль...
Я отвергаю узость веры,
Как историческую пыль.

Земные радости не ложны,
И путь один — еще не путь.
Ведь невозможно, невозможно
Многообразие обмануть.

Была Химера, были боги,
Был братом человеку зверь.
Но крепла власть, росли остроги —
И Бог один у всех теперь.

Язычник — детище Вселенной,
Субъект космических широт...
Но меркой меры неизменной —
В тупик загнал себя народ.

«QUANTUM SATIS»

Тягучих дней бесстрастное житье,
Умеренность любви,
Посредственность работы,
Чревоугодие,
Мещанское нытье
Встречай, мой друг,
Неистовым бойкотом!

Карманы выверни!
Эй, ветер, — их развеи!
Гуляй, душа!
Выплескивайся в плясе!
О, Русь!
Воскресни удалюю людей!
Продолжи славу нашей расы!

ЗАГАДОЧНЫЙ РЕЙС

Судно плывет,
Но куда — не известно.
Судно плывет...
Людно на палубах —
Но не известно,
Что за народ.

Некие в парус
Дуют и дуют —
Впрямь и в косяк.
Некие, злобствуя,
Их критикуют —
Дуют не так.

Некис тихо
Спрыгнули в трюмы —
Днище долбят.
А на шезлонгах
Сидят толстосумы —
Стерлядь едят.

С левого борта —
Паломники Мекки.
Клонится борт.
Дрыхнут под правым —
Бичи и калеки —
Это курорт.

Вперился поп
В небеса чьи просторы —
Что-то твердит.
Слушают проповедь
Судьи и воры —
Море роднит.

Рядом на баке
Кулачная драка —
Вовсе не зря.
Некто по-пьяни
Разбил в ресторане
Два пузыря.

Там демагоги
Ругали остроги —
Зеков устав.
Но демагоги —
Споткнулись на слоге,
В лоб схлопотав.

Жмутся у грота,
Стесняясь народу
Он и Она.
Видно, сбежали,
Желая свободы,
В мир Нептуна.

Кто-то на клотик
Залез и повиснул —
Ну и шакал!
Боцман — зверюга
Пронзительно свистнул —
Тот и упал.

Сбилась толпа,
Крикуны завопили —
Боцману — суд!
Некие днище
Уже продолбили —
К шлюпкам идут.

Тут же по реям
Забегали крысы —
Дама орет.
Но, не моргнув,
Капитанище лысый —
Судно ведет...

* * *

В тиши, в саду под вишнями
Ничто меня не тешило...
Недавнее, давнишнее —
Казалось мне насмешливым.

Тащились дни тягучие
Под солнечной истомою...
А мне хотелось лучшего,
А мне желалось нового.

Презрел я настоящее —
Бесстрастное, спокойное —
Как нечто уходящее,
Как нечто недостойное.

Тяжелое и лишнее
Томило тело бренное:
Недавнее, давнишнее —
Казались неизменными.

Судьбою — хулиганкою
Везде силки расставлены...
Проклятой лихоманкою
Душа моя отравлена.

В тиши, в саду под вишнями
Грызут воспоминания:
Недавнее, давнишнее —
Упрек и назидание...

* * *

Умерьте пыл, безумные рабы,
Достойные жестокого тирана!
Не он, а вы — творители судьбы,
Не он, а вы — творители обмана.

Тиран — ваш плод. Он вами возведен,
Чтоб стать при нем сторожевыми псами.
России светлых тысячи имен
Зачеркнуты покорными руками.

Завидуя, тщеславием горя,
Вы походя друг другу рвали глотки.
Он извращал идеи Октября,
А вы — их разрывали на ошметки.

Терпели вы и недоумков власть,
Нутром сливаясь с развращенной кликой.
Вы стали и бездельничать, и красть,
И пьянствовать — по всей Руси великой.

И вот, когда не ирод, не тиран
Вас наделил достоинством и правом,
Вы льете не бальзам на язвы старых ран,
А льете кровь и мыслите расправу.

Бастуете? Чтоб вовсе без штанов?
Зачем такая тряска ради тряски?
Эх вы! — творители, создатели основ —
Сорвите с глаз затертые повязки.

Самообман ваш враг, не слепота.
Презренное, трусливое наследство.
Конечно, вас добила нищета...
Но вы взялись теперь за самоедство.

Очнитесь же, вершители судьбы!
Умерьте злобу, погасите крики...
Свобода вам дана...
Дар редкий и великий...

.

* * *

*Все в мире —
кружащийся
танец.*

А. Блок

Я – словно стал не я...
 Предо мною, будто бы в тумане,
 Плывут события очередного дня –
 Картины мерзкие на жизненном экране.
 А возмущенный зритель – это я.

Мне кажется, что всех кружит
 единый танец —
В психозе массовом, в самообмане дней.
В кругу друзей я — словно иностранец,
Мечтающий о родине своей,
Где каждый — свой выдумывает танец.

Я вижу в небе — голубое дно,
А на земле — без дна и края бездну.
И мозг сжимает, мучает одно,
Что все на этом свете бесполезно;
Что безразлично — бездна или дно...

Что нет добра — не одобренного ложью,
Что путь к нему приносит только зло,
Что быть собой на людях невозможно,
Что нет людей, которым повезло
В пути к добру без одобрянья ложью.

* * *

От себя не уйти...
Неизбежное ближе и ближе...
На безумном пути
Кто мне раны зализает?

Я к ударам привык,
Но стонать и скулить не умею.
За пронзительный миг
Не страшна и веревка на шее.

Холод сердца — беда.
Ведь ничто не обходится даром...
Пусть дорога ведет в никуда,
Полыхая пожаром.

В том безмолвном краю,
Где отсутствуют жалобы грусти,
На могилу мою
Свои кудри береза опустит.

На репей-огонек,
Что под ветром не будет сгибаться,
Налетит мотылек,
Чтобы снова умчаться.

И никто никогда
Не кольнет уже сердце укором...
Пусть дорога ведет в никуда,
Разрешая все споры...

* * *

Стынет лес от осеннего тленья,
Тихо дремлет, о чем-то грустит...
Не пойму, я его сожаленья,
Не пойму что так сердце щемит...

Может быть, это отклик бывшего —
Чувств, во мне не нашедших предел...
Может быть, от чего-то иного,
Что искал, но, увы, проглядел.

Настоящему нет утешенья —
В том, что было, чего уже нет...
Увяданье спешит к обновленью,
Заметая прошедшего след.

Так какой же тоскою я болел,
Что себя самого не пойму?
Рвется сердце мое из неволи,
Но желанна неволя ему.

В эту пору осеннего спада
Я все в том же бурленье в крови:
И щемящая грусть листопада —
Словно песня о нежной любви.

Хорошо, пробираясь сквозь чащу,
Чистым воздухом леса дышать

И грустить обо всем уходящем,
И о чем-нибудь новом мечтать.

Тихих дней мы ценить не умеем,
Презираем спокойствия лет...
Нам бы только — азарт лотереи!
Нам бы только счастливый билет!

Что за мир — беспредельный и сложный
Заключен в оболочке груди?
То, что видится нам невозможным —
Манит вечным огнем впереди.

Сладость грусти, отравы печали
Нас ввергают в великий обман...
Даже те, кто уже отрыдали,
Повторяют банальный роман.

Век за веком — все те же вопросы...
Судеб схожих — увы, и не счесть...

.

Но люблю тебя, милая осень.
Хорошо, что ты все-таки есть...

* * *

Начала нет...
И нет предела в Млечном...
Мерцанье звезд не предвещает новь.
Все тот же мир... —
Он неизменно вечен, —
И неизменна вечная Любовь.
Что наша жизнь?
Она мелькнет и канет...
Но есть Любовь, чтоб вечности служить.
Она одна — живое сердце ранит,
Она одна — приказывает жить!
Она одна — и губит, и спасает:
И сеет прах,
И возрождает плоть...
Мерцают звезды, но не угасают.
Все тот же мир... —
Его не расколоть!
Начала нет...
И нет конца пространству...
Любви начала нет...
И нет Любви конца...
Но есть одно
Святое постоянство
Знакомых черт любимого лица.

* * *

В ознобе лес...
Клонятся грустно травы...
На тусклом небе ржавый лик луны...
Тоскливость пустоты,
Как горькая отравка, —
Рождает полубред и полусны.
А время, как медлительные воды...
Спасенья нет от крепкого вина.
Противен день,
Закаты и восходы —
Пока вдруг не появится Она.
Явление чуда...
Прелесть гибких линий...
Оживший горизонт в разбуженной тиши...
И проливается
Пронзительностью синей
В смятение ума —
Прозрение души!
От счастья жуть берет,
И жизнь в тот миг отраднa.
Она в полет!
Не замечая клять...
Любовь, как смерть —
Щедра и беспощадна!
Легко и жить, легко и умереть.

* * *

Рыдали каменные стены,
И разрывало стоном грудь...
Я ждал, я жаждал перемены,
Чтобы былое зачеркнуть.

Дни хохотали алчной пастью,
Цветов сдувая лепестки...
Пришло обманчивое счастье —
И разлетелось на куски.

Мечта — беда, беда такая,
Что отречение гасит свет...
Мне снилась жизнь совсем иная,
Которой и в помине нет.

Сродни космическому краху —
Удар коварства и измен...
И, разлетаясь, горстка праха
Рождает бездну перемен.

Закон жесток! Все люди тленны —
Каких бы не достигли сфер...
Одно на свете неизменно,
Что человек — не Агасфер.

* * *

Ловлю я твой тревожный взгляд —
Он повествует мне о многом...
О том — что нет путей назад
По сердцем проклятым дорогам.

Он моего ответа ждет,
Он жаждет знать, пронзая око,
Какими мыслями живет
Мой взгляд, затерянный в далеком...

Ты не тревожься, не грусти —
Забыть мне хочется о многом...
Но не забудутся пути
По сердцем проклятым дорогам.

* * *

Ночь очарована костром,
Плесканьем пламени игривым...
Над замороженным Днестром
Всплакнули чувственные ивы...

Быть может, к этим берегам
Мне не судьба вернуться снова,
Но в сердце пролила бальзам
Неповторимая Молдова.

О чем-то грустно шепчет дуб,
Дрожит осина в лихomanке...
Пленяет ночь отравой губ
И дивным взглядом молдаванки.

* * *

Засверкала, засияла
Даугава серебром.
Ходит девушка, как пава,
В палантине голубом.

Кудри русые на плечи
Расплескались, как волна.
Чем-то тихим, чем-то вечным
Переполнена она.

Вдоль глухого парапета,
Озаряя диабаз,
Ходит солнце, ходит лето —
Чистотою юных глаз.

БЕРЕЗИНУШКА

При долине, при лужочке
Березиночка стоит —
Под корнями во гробочке
Тело белое лежит...

Место выдалось глухое...
И могилка глубока...
В ней-то тело не простое,
А лихого казака.

Отрубал соколик ясный
Шашкой вострою врага...
Над могилкой безучастно
Ходит черная карга.

То взлетит на березинку,
То умчится на гумно...
Красной девицы слезинки
Тут повысохли давно.

Извела ее кручина,
Изувечила тоска.
Горько плакала дивчина,
Что любила казака...

Оттого-то на лужочке
Березинушка стоит...
Там в сосновом во гробочке
Красна девица лежит.

* * *

Особняки в саду...
Сквозь ветви голых вишен.
Дымок клубится...
Значит — топят печь..
А вот и дом —
Под шиферною крышей.
Я мог бы и зайти,
И на софу прилечь...

Там желтый абажур...
А в кресле у торшера —
Сидит хозяйка...
В баре есть вино.
Мне жаль ее...
Ее пустую веру...
Любви-то нет,
А есть тоски ярмо.

Зайти?.. Сказать?..
«Прости меня, Оксана...»
А может быть, солгать...
Но нет... Еще раз — нет!
Зачем мне корабли —
Без океана?
Зачем руке —
Без пули пистолет?

НАДЕЖДА

Уже холодны небеса,
Блестит седина на полях,
И всюду сквозные леса
Грустят об иных временах.

Слезами предутренних рос,
Спокойствием вешнего сна,
Печалью раздетых берез
Окутала все тишина.

И в сердце осенний покой
Излившихся в золото сил,
И грусть о поре золотой,
О том, как безумно любил.

И манит прошедшего даль,
И тянет в нее заглянуть...
Когда посещает печаль —
Былое возможно вернуть.

Всёсенние ветры умчат,
Развеют холодную жуть,
И мы, оглянувшись назад,
Заступим на хоженный путь.

И станут теплей небеса,
Земля возродится в лучах,
И новой листвою леса
О новых споют времена...

БЕГУЩАЯ

Море в глаза голубеет
Тайнами жгучих желаний,
Из необъятного веет
Щедростью обещаний...

Даль его, страстно зовущая,
Манит мечтою возможною.
Дымка скрывает Бегущую —
Нежную и грациозную...

В мареве — неуловимое
Глаз голубое мерцание...
Помнится; мчался мимо я,
Чувствуя чье-то дыхание.

Было тревожно-знакомое
В росчерке тени и света.
В дымке метались бездомные
Призрачных снов силуэты.

Правда и сказочность дальнего
Не вызывали сомнения.
Где-то, за гранью реального,
Было мое отражение.

Словно взметенное ветрами
Крыльев дремотного таянья,

Мной посылалось ответное
Вдаль голубое сияние.

Есть ли душа, что не просится
Выплескать тяжесть томления?
Ищет, страдает и носится
В вечном тревожном движении.

Эхо желанного мучает
Поиском невероятного.
Что-то томительно жгучее
Сердце влечет в необъятное.

Где же пределы зовущего?
Где та черта отражения?
Ты покажись мне, Бегущая —
Пусть это будет мгновение...

* * *

Жду дуновение вешнее,
Сердцем зарывшись в снега.
Мысли рисуют нездешние
В белой шуге берега.

Слышится пение нежное,
Словно призыв вдалеке,
За палантинами снежными
Тени скользят по реке.

Не угасает желанное —
Тихо таится и ждет...
Вдруг и привидится странное —
Белое судно плывет.

Берег, овеянный дремой,
Молча встречает рассвет —
И обнажает знакомый,
Словно мираж, силуэт...

Тают просторы далекие,
Силою тайны влекут —
Чьи-то глаза светлоокие
В темных глазницах кают.

Будто немою мольбою
В дальние эти края

Любящей, нежной душою
Милая манит меня.

Будто в одном изваянии
Мы, опьяненные в дым,
В чистом, лазурном сиянии
В новые дали скользим...

Вечность — вместилась в минуты...
Чайки надрывно кричат...
Медью в глазницах каюты
Таёт вечерний закат...

И поцелуем прощальным
Ветер летит над рекой,
Фата-моргана печально
Издали машет рукой...

Слепит метельной порошей,
Гасит знакомый рассвет...
Милос...

давнее...

прошрое...

Сердцу родной силуэт...

* * *

Сердце ранит великая боль,
Если верит оно в чудеса...
Я искал своей жизни «Ассоль»,
Но тайфун разорвал паруса.

Мне слышался жуткий укор
В громовом бесновании дня.
Я обрушил на мачту топор —
И она раздавила меня...

* * *

Осень в багряном закате,
Ночи еще не морозные...
Заря в голубое платье
Одела просторы звездные...

Люблю этот цвет волшебный,
Вещающий бездны новость...
Вселенский поток целебный
Смягчает сердце суровость.

Того, кто путями мглистыми
Бездумно летит к пороку —
Пространство бездонно-чистое
Стремится вернуть к истоку...

БЕЗДНА

День уходит закатом алым,
Камни серые красит кровью...
Я пришел к этим хмурым скалам,
Чтобы встретится с грозной новью
Стук в висках, как удары грома...
Миг восторга... Экстаз обмана...
Как знакомо... Ах, как знакомо
Бездна манит во мрак тумана!
Подо мною скала повисла —
Знать, судьба, если глыба треснет...
В этой бездне немало смысла,
В ней и эхо подобно песне.
Зов желанный таит угрозу...
Он безумству сродни, наверно.
Сны почные, почные грезы —
Выжгли в сердце моем каверну...
Так и взял бы — взмахнул руками —
Сны и явь воедино бросил...
Знаю — бред! Но сего веками
Дух крылатый над бездной носит.
Носит... вьется... а я страдаю
И хожу по земле, как лишний.
Как фанатик стою у края —
Чуда жду, колесницу Вишны...
Но беда... Я прикован к скалам...
Мне любимы земные муки...
И напрасно в закате алом
Простираю над бездной руки.

* * *

Лицо земли — от года к году —
Сжимают хмурые черты.
Дымы застлали небосводы,
Исчезли шпили и кресты...

Скотина ходит по бетону.
Блестит мазутом гладь реки.
В прудах, озерах и затонах —
Подохли рыбы косяки...

Идут дистрофики-коровы —
Раздуют ноздри и мычат.
Они сказать не могут слова —
И только гадят на асфальт...

Сбились горы в кучи, в груды...
Солнце сгнуло в туман...
И земля могучей грудью
Опустилась в океан...
Звезды падают и гаснут...

* * *

Так бывает — живешь, как в чаще,
Редко нужное слово слышишь...
И, считая себя пропащим,
Вдруг находишь, чего не ищешь.

И тогда — заблужденье прошлым
Мигом сердце
кольнет обидой.

Почему этот мир хороший
В том, далеком не было видно?

Это грустный удел — в утрате
Очень важного в жизни срока,
За который слезами платим
И страдаем потом жестоко.

Все — в инерции, все — в привычке,
В долге, в звоне сего кандалном...
А мечта подлетит синичкой
И поманит хвостом скандальным.

И бросаемся, не жалея,
По призывам души и тела...
Все живое — к тому, что греет,
Устремляется обалдело.

И интимное жгучей тайной,
Ожиданием счастья мучит...
Оттого-то и не случайно
Происходит счастливый случай.

А потом – тяготит пространство,
Время мышью под корень точит,
И пугает непостоянство,
Переменчивость дня и ночи.

Но в сомнениях — мы все же верим,
Что не все в этом мире зыбко.
Распахнув в свое сердце двери,
Озаряем других улыбкой.

* * *

Нет тревожнее тревог,
Чем любви тревоги —
Мрак нехоженных дорог,
Ямы да пороги.

Спотыкаясь, как слепой,
Я шагаю к свету.
Жизнь старушечьей клюкой
Бьет меня за это.

А огни горят вдали
Недоступной новью...
Сердце корчится в пыли,
Истекая кровью.

В грудь ударила тоска
Лезвием разлуки.
Только милая рука
Исцелит от муки.

От любви пощады ждать —
Пагубное дело.
Легче в землю закопать
Раненое тело.

Стали ночи, стали дни --
Патокой тягучей.

Светло-карие огни
Застылают тучи.

Ты скорее их развеи
Поцелуем вести,
Сохраняя нежность дней,
Проведенных вместе.

* * *

Военных лет натоптанные тропы
По склонам сопок, впадинам болот
Ведут к проросшим ягелем окопам —
Рубцам и шрамам северных высот.

Они хранят черты бывшего боя,
О мужестве безмолвно говоря...
Теперь там лось копытом землю роет
И сосны великанами стоят.

* * *

Тысячелетье уже на пороге,
Но рано еще подводить итоги.

В третье шагай, не задерживай хода —
Там тебя ждут продолжатели рода:

Внуки и правнуки, правнуков внуки —
Так что не следует складывать руки.

* * *

Сутулит груз прошедших лет,
Но я как будто не старею...
Передо мною вечный свет
Отважной страсти Прометея.

Я не известен, не герой,
Но перед правдою не трушу.
Мечтаю я, чтоб голос мой
Встревожил пламенные души.

Увы, желаю я дерзнуть,
Шагая в миражи столетий,
Чтоб не могла персчеркнуть
Мой путь неумолимость смерти.

Хочу, простясь, оставить след,
Сердца лаская словом страстным,
Чтоб Русь сказала: «Он — поэт,
И жил на свете не напрасно...»

* * *

Ветхие стены
 Давней постройки
Ветер шатает,
 Ветер ломает...
Если непрочно,
 Если нестойко —
Кто же не знает —
 Что ожидает?

Грани гранита
 Года не стирают,
Много столетий
 Стоят мавзолей.
Трудно тому,
 Кто себя сберегает —
Тот, кто умнее,
 Тот и умеет.

Будни, как черви,
 Гнездят червоточья.
Трудно осилить
 Тоску повторенья.
Кто разорвет —
 Эти будни на клочья,
Будет великому
 Вечною тенью.

Быстро тускнеют
Бесстрастные лица,
Время их точит
Ветрами пустыни...
Если огонь —
Из очей не лучится,
В них только холод,
В них только иней.

Страсть — это рубка
Алмазною твердью.
Рубит она
Зеркала равнодушья.
Страсти безмерность —
Вселенной наследье.
Мера — мирок,
Где и тесно, и душно.

Сердце без крыльев
Тлеет в ничтожном,
Сердце крылатое —
К безднам летает.
Смелого сердца
Счастье не ложно.
Храбрый и смертью
Своей побеждает.

Но и для храброго —
Ямы сомнений
Вырыты жизнью
В просторах лазури...
Взлеты над бездной —
Рождают мгновенья
Страсти и мысли,
Зовущие бури..

Ветхие стены
Падают пылью,
Словно могилы
Холмятся травой...

В себе орлином —
Могучие крылья
Гордо скользят
Над любимой землею...

* * *

Вот близится черта —
Очередная грань
Прошедших лет,
Промчавшихся столетий...
Давайте воздадим им дань
За то, что мы живем
На этом свете.

Грешно не чтить
Отцов и матерей.
И не желать
Проникнуться и слушать
Далекий отзвук
Пержитых дней —
Жестокостью
Надорванные души.

И настоящему —
Давайте воздадим.
Послушайте, друзья!
Как стражи караула —
Часы стучат,
Что каждый миг ценим,
Пока косой
Старуха не взмахнула.

А будущему?
Что и говорить!
Погибель без звезды,

Без маяка —
Плывущим.
Настанет время —
Люди будут жить
И согревать теплом своим
Живущих.

* * *

Я бы романтиком не был,
Если бы — не розовое небо...
Я бы романтиком не был,
Если бы — не вербы,
Осыпанные снегом,
И задумчивые ели
Над головою...

.
Идешь, осыпанный инеем
И снегом,
А рядом — глаза
Синие-синие, как небо...
И где бы потом не был —
Не забываешь
Это бездонное небо —
Глаза эти синие-синие...
И воротник, и шапочку,
Пушистые, как вербы,
Опушенные инеем и снегом...

.
Но глаза эти — не синие...
А серые...
Они синие от того,
Что синее небо.
Они — и не серые...
А карие... золотистые —
От того, что розовое небо.

Эти глаза — задумчивые,
Как ели над головою...

.
Я бы романтиком не был,
Если бы снег
Не скрипел под ногами...
Идешь... и любишься
Непорочностью природы,
А нами любят —
И розовое небо,
И синее небо,
И задумчивые ели,
И вербы, опущенные инеем.
И перед нами — линия
Лыжная, ведущая к горизонту —
В небо... В небо
Безоблачно щедрое над нами...
А снег скрипит под ногами...

.
И знакомая береза машет косою...
Печальная...
Уже не увенчанная венком,
Машет, как старым знакомым...
Мы — дома,
Хотя и грустят о чем-то ели
Над головою.

.
А мы идем вперед, сознавая,
Что не поправимо пройденное.
Это о пройденном
Грустно задумались ели.
Глупые!
Ведь мы у колыбели
Неповторимого нового.
И от того —
Бывает небо розовое...
И синее-синее...
И глаза впитывают его
И смеются...

ОТКРОВЕНИЕ

*Как тяжело ходить среди людей
И притворяться не погибшим.*

А.Блок

Пустынный край — дороже и милей
Словоохотливых досужих общежитий...
Как тяжело ходить среди людсй
В установившемся и предрешенном быте.

Ходить и мерить глубину и высь —
Своих падений и внезапных взлетов,
И в ужасе шептать: — Остановись...
И в свалке чувств разведай — кто ты?

— Умерь безумный, безрассудный бег
И сердце приструни, чтоб не металось —
Иначе ты — погибший человек,
Тебя убьет души твоей усталость.

Во всем разлад... мучительный разлад...
Порой смешно, порою просто жутко...
Я будто бы иду по жизни наугад,
Не примирив желания с рассудком.

Кого винить? Да и винить за что?
В самом себе и то не разобраться.
Мне — тридцать пять, а иногда и сто...
А иногда бывает восемнадцать...

Мечтал ли я? Увы, мечтал взахлеб —
И оттого был крайне неводержан.
Меня судьба наотмашь била в лоб,
А я в ответ — по-прежнему был нежен.

Друзья, враги — различий я не знал,
Лез напролом с открытою душою.
Мне говорили: — Ты оригинал, —
Но звали идиотом за спиною.

Я их жалел, прощая их порок,
Я в угрызенья совести их верил —
И потому — не извлекал урок,
Держа всегда распахнутыми двери...

Но вдруг теперь — случается курьез...
Мне хочется в края, где тихо и безлюдно,
И точит мозг назойливый вопрос
О нашей жизни многотрудной...

Пустынный край — мне кажется милей
Словоохотливых досужих общежитий...
Там нет циничности досужливых людей,
Там мир иной... иных событий...

СИБИРЬ

Летит испуганная птица,
Бежит встревоженный олень...
Теперь вовек не возродиться
Красе сибирских деревень.

Сибирь изранена, изрыта —
И вширь, и вдоль, и поперек.
Наш современник деловитый
Пробрался в каждый уголок.

Горит земля, огонь клокочет,
Кедрач столетний наземь пал...
По всей Юрге и дни, и ночи —
Взывает дизель, как шакал.

Пришли ордою дилетанты
Без чести, совести и дум.
Горя, покидают ханты
Свои угодия и чум.

Один идет искать злодея,
Взведя випчестера курок...
Другой — старик, песка седее —
Взвалил на плечи узелок.

Скулят собаки, плачут дети,
На север двинулась гурьба...
Но молча смотрят — те и эти —
Как бродит горькая судьба.

НА ТРОМАГАНЕ

Зима сибирская богата:
И на мороз, и снег щедра.
Возьму помощницу-лопату
И поработаю с утра.

Сломаю пышные наметы,
Пророю к берегу проход.
Пустая, может быть, работа,
И ночью снова заметет.

Но все равно — благое дело
В морозец снег поворошить.
Потом, как дань душе и телу,
Пожарче баньку истопить.

Взлетит топор — и стукнет звонко,
И эхо звук тот повторит...
Как хорошо, когда избенка
Вблизи от берега стоит!

Дровишки есть. Водича рядом.
И банька, словно рай земной...
Ни суеты, ни яда смрада...
Озон... безлюдье... и покой...

ХОИНКА

Есть в лесу тропинка,
Но она заснежена.
Там стоит хоинка —
Стройная и нежная.

Ей на плечи шалью
Улеглись снежинки,
Но полна печалью
Хрупкая хоинка.

Нет тепла и света
Под холодным снегом:
Ждет хоинка лета —
Безудержность бега.

Ей тоскливо в боре
Средь столетних елей.
Знать, над этим горем —
Плакали метели.

ОТШЕЛЬНИК

Среди пней, среди кочек,
Средь гнилья и болот —
Жить никто не захочет,
А вот кто-то — живет...

Не изба, а избенка...
Не избенка — сарай...
Разве только котенку
Там мерещится рай.

Чья рука его гладит?
Чью он скрасил судьбу?
А не так, чего ради
Он попал бы в избу?

Кто-то век коротает
Отрешенно в глуши...
Может быть, обретает
Ясность темной души?

Может быть, это лень,
Обращенная в плен...
Или памяти ценность...
Иль боязнь перемен...

Все равно — среди кочек,
Средь гнилья и болот —

Жить не всякий захочет,
А вот кто-то живет...

Не изба, а избенка...
Развалюха-сарай...
Разве только котенку
Там мерещится рай.

* * *

*Интерпретация
стихотворения
С.Пивоварова*

Над тайгой —
 дробный шум
Дизельного вече.
Буровая — будто чум
В очумелый вечер.
Ханты, сгорбленный слегка,
Словно от испуга,
К нам пришел издалека,
Несмотря на вьюгу.
Я ему и так и сяк:
«Понимаешь, Дима...» —
Он кивает, сжав кулак,
Глядя нелюдимо.
«Понимаю... белка нет...
Рыба нет... и птица...»
Я ему опять про нефть —
Начиная злиться.
«Понимаю... жаль отца...
Стал песка седее...
Пулю дал для подлеца,
Чтоб стрелять злодея.»

.
.

Красноречия запас
Исчерпав, я ахнул!

.
Он, прищулив левый глаз,
В грудь мою бабахнул...

* * *

Нежна, покорна, не строптива,
С улыбкой мягкой на губах —
Она брела со мной на лыву
В больших болотных сапогах.

Мошка долбала не на шутку,
Комар стремился уморить.
И, право, эту шалопутку
Мог даже кремень полюбить.

Воткнувши в волосы цветочки,
На грудь мне голову склоня,
Она уютненько на кочке
Могла уснуть в разгаре дня.

Нежна, покорна, не строптива,
С улыбкой мягкой на губах...
Она хотела жить красиво
В больших болотных сапогах.

Она любила в неге страстной
Простор, безлюдие и тишь...
Такой отчаянно-прекрасной
Красиво жить не запретишь.

* * *

Давай подальше от людей
Сбежим с тобою в глушь лесную.
В прохладе девственных теней
Тебя до смерти зацелую.

Блаженством будут нас поить
Лесные дивные напевы.
Мы будем там с тобою жить,
Как некогда Адам и Ева.

Там всюду, где б ни прилегли
В угаре чувственной минутки,
Из-под обласканной земли
Проглянут в небо незабудки.

А там, где б нам ни довелось
Любви томление изведать —
Копытом взроет землю лось,
Берлогу вырыют медведи.

Войдя в тот необычный дом
Под необъятным небосводом,
Мы незаметно обретем
Частицу разума природы.

Когда же чащи загрузят
В тревожном ожиданье тлена —
Твой залежавшийся наряд
На плечи нехотя надену.

ЛОЗИНКА

Как по реченьке пробежит волна,
Так лозиночка к долу стелется,
На ветру дрожит, а придет зима —
Заметает ее метелица.

ВETERAНАМ

Здесь двадцать лет назад
Был мох и чахлый лес...
Но в каждом из ребят
Сидел задорный бес.

Штыком входили в грунт
Лопата и кирка.
Мелькала там и тут
Рабочая рука.

Бульдозерная песнь
Врезалась в бурелом.
И каждый знал, что здесь
Построен будет дом.

И землю ковш вздымал,
И машинист был лих —
И всякий точно знал,
Что тут основа их.

Бывал и миг греха
На почве «пузыря»,
Но выросли цеха
На землях пустыря.

Пусть ветер и мороз
Пронизывал насквозь,
Но без нытья и слез
Нслегкое сбылось!

СВЕТОТОК

И день — не день,
И ночь — не ночь...
То клонит в сон,
А то — не спится.
Где жить, казалось бы, невмочь —
Я очень скоро смог прижиться.

Промчался год...
Принес другой —
Привычки новых сочетаний.
Однажды я над головой
Увидел сполохи сияний.

Лежал я в ягельной глуши,
Блуждая взглядом
В звездном ситце.
И там — на зов моей души —
Взметнулись огненные птицы.

И, дрогнув,
Северная крепь
Вдруг раздалась под светотоком.
А мне казалось —
Это степь
Горит в краю моем далеком.

Я был готов
Сорваться в тьму
И пламя разметать по мари.
У мирного костра,
В дыму
Тревожил память запах гари.

ЗИМА

Укрывала все Зима
Белым одеялом,
На деревья и дома
Шапки надевала.

Заглянула в детский сад —
В каждое окошко.
Позвала она ребят
Погулять немножко.

У Зимы щедра рука:
Вихрем покружила —
И из них снеговика
Во дворе слепила.

Снеговик с метлой стоит,
Нос торчит морковкой.
Он сугробы сторожит,
Как солдат с винтовкой.

БАБА-ЯГА

Говорят, что баба эта
Не всегда была Ягой,
Что ее видали где-то
Молодою и другой,
Что была она румяна
На заре девичьих дней,
Без клюки и без изъянов —
Словом, баба — все при ней.
И жила, и не тужила,
Отвергая молодцов,
Всякий поп, чадя кадилом,
К ней забрасывал гонцов.
Предлагали бабе принцы
На престоле восседать,
Но она взяла за принцип —
По любви себя отдать.
Зря старалась даже щука,
Взбаламутив всю реку,
Отказала баба руку
И Ивану-дураку.
Все ждала, мечту лелея,
И однажды дождалась...
В лес пошла и на Кашея
За болотом нарвалась.
Тот, вовсю костями кайфуя,
Смрадной радостью дыша,
Сцапал бабу молодую,

Но не вышло ни шиша.
Ни детей, ни чести нету —
А тогда ценилась честь.
Оттого по белу свету
Разнеслася эта весть.
Долго плакала бабенка,
Завывала много дней,
А Кашей рубил избенку
На болоте среди пней.
Но, построив ей избушку,
Он ударился в бега...
Там состарилась в старушку
Баба прозвищем Яга.

СТРАНА ДУРАКОВ

За три моря, за горою
Есть от глаз укрытый дол.
Там страна — и той странюю
Управляет слабый пол.
Говорят, до них царили
Мужики без склок и ссор,
Но однажды перепили
И друг друга перебили —
И настал великий мор.
Жрец из храма Посейдона
Осветил событий часть:
Мол, с небес сошла мадонна
И свою воздвигла власть.

.

Шли века, грозило время
Катаклизмами порой...
Но живет как прежде племя —
За три моря, за горой.
Ходят слухи: там мужчины —
Как Герасима Муму,
Наподобие скотины.
Непригодной ни к чему.
Словно люди — и не люди,
Недоразвитый народ:
Грусть в глазах, худые груди,
Студнем вынычен живот,

Гоминойдно узколобы.
И таят на женщин злость.
А грызутся, будто жлобы,
За обглоданную кость.
Кормят их весьма небрежно,
В основном дают бурду —
Но старательных и нежных
Награждают по труду.
Ходят те как можно выше,
Заследив ногами снег.
(О таких в газетах пишут.
Это снежный человек).
Ходят, бродят без понятия:
Отчего смогли так пасть...
.....
Эх, избавит Бог нас, братья,
Потерять мужскую власть!

ГРИБНЫЕ СТРАСТИ

ОЖИДАНИЕ

Нет силы усидеть на стуле,
Нет ожидания тяжелее пут...
Прекрасны дни
Дождливые в июле,
Когда грибы
За ночь одну растут.

Не оттянуть
За ноги и за уши,
Когда парит грибница на столе.
Близка пора...
Насолим и засушим!
И поедем зимою в январе.

Близка пора...
Проверим лес горелый...
По бурелому старому пройдем.
Бывает там
Больших размеров белый —
Его мы обязательно найдем!

ТОМЛЕНИЕ

Печет жара.
Трава засохла.
Столбами выются комары.
Все остальное — будто сдохло
От изнуряющей жары...
Дождя! Дождя!
В такую пору
Обычно дождичек идет.
И всяк грибник —
Без наговору —
Грибов три короба несет.

Дождя! Дождя!
Уходит лето!..
А солнце — жарит, как назло.
Неужто песенка пропета —
И грибникам не повезло.

Дождя! Дождя!
Земля взывает
И утомленно влаги ждет.
Иной грибник,
Ведром бряцая,
Как шалый, по лесу бредет.

Дождя! Дождя! —
Взывает каждый.

И вот померкли небеса...
И ливень,
Утоляя жажду,
Поит замлевшие леса.

РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

Неделю льет, как из ведра,
И всяк грибник погоды ждет.
На небе, видимо, дыра —
И через эту дырку льет.

Опять грибник попал впросак,
Готов все время разбомбить.
Грибы полопает червяк —
Его нельзя остановить.

Ведь надо дождичка — чуть-чуть,
А следом — солнышком пригреть.
А тут вокруг такая муть,
Что тошно из окна глядеть.

Но объявляется герой:
Зашторив тело все до пят,
Согнувшись, в лес пошел, как в бой.
Зато домой принес опят.

И мигом разнеслась молва:
Нашелся, мол, отважный тут.
Ну, молодец! Ну, голова! —
И все гурьбою в лес бегут.

МОНОЛОГ ХВАСТУНА

Я до грибов ужасно падкий!
Чтобы других опередить,
В лесу монтирую палатку
И примечаю, где ходить.

Я хохочу над всеми в туне,
Не открывая свой секрет,
Что не с зарей, а накануне
Я по-походному одет.

Что умозрительно на строчки
Мой лес заранее разбит,
И на учете пни и кочки,
Где белый, может быть, стоит.

Вчера увидел я соседа, —
Чудило — чудо из чудес! —
Я нес уже грибы к обеду,
А он, балбес, — поперся в лес.

Он мне кивнул небрежно-важно,
Но явной завистью горел.
Гигантский гриб —
Как зонтик пляжный —
Над головою я вертел.

МОНОЛОГ ЗАВИСТНИКА

Он белый гриб нашел вчера:
Такой гигант!
Нельзя не охнуть!
Я тоже там ходил с утра...
Но не заметил...
Чтоб мне сдохнуть!

В нем явно несколько кило.
В ведро не влез.
А резать жалко...
Меня же сдуру занесло
На бурелом
Да в елки-палки.

Я десять раз вокруг ходил
Того проклятого лесочка...
Я что ли сам его сажил,
Чтоб знать,
Где он растет под кочкой.

Ну, надо ж – вымахал чудак!
Какая редкая громада!
А вдруг изъел его червяк?
Тогда и даром мне не надо.

А если не червив он вдруг?
Такой гигант!

Нельзя не охнуть...
Ведь я же там ходил вокруг...
И не заметил...
Чтоб мне сдохнуть!

ЖАЛОБА НЕУДАЧНИКА

Люблю в лесах родную Русь.
Люблю порыскать по поляне.
И снятся мне, как спать ложусь,
Грибы, тушенные в сметане.

Я этой страстью заражен
До глубины своей сердечной,
И сон грибной, как вещий сон,
Продлить желаю бесконечно.

Но обрывает сон рассвет –
Я в лес бегу, зарю встречая.
Но пру уже за кем-то вслед,
Грибов обрезки замечая.

На внешность явно я чужак,
По сути – глупая дубина.
На мне пустующий рюкзак,
Ведро, кошелка и корзина.

И так домой я волокусь,
Как будто тянут на аркане.
И снятся мне, как спать ложусь,
Грибы, тушенные в сметане.

ЖАДНОСТЬ

Грибною страстью одержимый,
Он только в этом видел толк.
Он стал зверино-нелюдимым
И жадным, как голодный волк.

Трусой носился он по бору,
Огромный делая зигзаг.
Грибы без всякого разбора
Косил подряд и клал в рюкзак.

И, сняв штаны, связав штанины
Для дополнительных даров,
Смотрелся таким детиной —
Кровь с молоком для комаров.

Заполнив тару до отказа
И даже гриб засунув в рот,
Он не домой в трусах, а сразу
На рынок всю добычу прет.

Но вдруг без видимой причины
Он вскоре без вести пропал.
Оставив в памяти звериный
Слегка улыбчивый оскал.

Никто тому не удивился,
Когда прошел в народе слух:
Грибом во рту он подавился
И испустил под ношей дух.

АЛКОПОРТРЕТ

Как тля – хлеба,
Как шубу – моль,
Съедает печень алкоголь.

Но алкоголик, зная это,
Пьет от заката –
До рассвета,
Пьет от рассвета –
До заката –
Пока не кончится зарплата.

Лицо его одутловато,
Как дряблый клок
Измятой ваты,
В походке –
Что-то есть от клячи,
А сердце –
Словно хвост телячий
Дрожанье в теле –
Как в мороз,
Бывает даже синим нос,
Во взгляде – муть,
Туман дурмана,
Как в знойный полдень
У барана,
Невнятна речь,
И в горле сухо,

Во рту –
Как будто сдохла муха,
Желудок –
В судоргах от колик, –
Таков прожженный алкоголик.

С утра в мозгу – «мысля» вертится:
«Пора уже опохмелиться.»

Природы чудное творенье,
Как кружка доброго вина,
Как банка сладкого варенья –
Для мужа верная жена.

Она и женщина, и Дама,
Но почему-то – слабый пол.
Недаром из ребра Адама
Господь такую произвел.

И этой, видимо, причиной
Ее Судьба объяснена.
Беспрекословно за мужчиной
Повсюду следует она.

* * *

Идет семидесятый год...
Спешит двадцатый век...
И день за днем вгоняет в пот
Стремительный разбег.

Что может противостоять
Напору глупых сил?
Пора бы время обуздать
Находкой новых крыл...

Толпа бездумная спешит
К созвездию мечты...
Но отчего в углах души
Есть бремя пустоты?

И это бремя, словно лед,
Свело черты лица.
Мы смотрим пристально вперед...
Но не видать конца!

Не в радость идиотский смех...
Который сердце жмет.
Один — решает все за всех —
И мы торопим год.

Но иногда, — ну что за дичь! —
Впадаем в полный транс...

Эй, Пра-а-внук!
Сможешь ты постичь –
Сгоревших в деле нас?

СТИХОТВОРЕНИЯ
1950 — 1970

НЕИЗГЛАДИМЫЙ СЛЕД

Раннее утро...
Синие скалы...
Алой зарею окрашенный снег...
Милое детство
навек впитало –
сказочность гор
и искристый Казбек.

Помню наш дом
на равнине предгорья,
крышу сарая,
терновник-забор...
Сердце сжимало –
таинственной болью,
когда я в рассвет
выбегал во двор.

Вот и теперь...
Я смотрю, немея,
Дрожь во всю спину –
унять не могу...
Словно из детства –
в глаза алеют
красные маки
на белом снегу.

Что полюбил я,
во что поверил,
то неподвластно –
забвенью лет...
Это двуглавый Казбек
и Терек –
первый в душе
отпечатали след.

Люб мне Кавказ,
оглушенный громами
пенных каскадов
стремительных рек.
Скалы плакучие
брызжут слезами –
плачут о том же,
о чем – человек...

Рвутся слова...
Но боюсь я нарушить
грустный аккорд
в песнопении том...
Если бы мог,
я бы выпустил душу –
в небо
стокрылым орлом.

Звезды цветов...
Я шагал этим лугом...
Узкая тропка –
к прогнившим кошам...
Как бы хотелось –
с любимым другом
на месяц...
на год...
поселиться там.

Жить самобытно,
душе на потребу –

без сожалений
о днях лихих!
И для любимой –
под добрым небом –
писать... и писать
стихи.

ХАДЖИБЕЙ

Пой песню, пой,
Хаджибей...

Тихой радостью глаз
Я обнимаю Кавказ
Над пенной гривой твоей.
Пой песню, пой,
Хаджибей...

С высот, где родился поток,
Принес я альпийский цветок
Попутнице верной моей.
Пой песню, пой,
Хаджибей...

На склоны кавказских армاد
Бросает вечерний закат
Слияние наших теней.
Пой песню, пой,
Хаджибей...

Когда я назад оглянусь,
В глаза улыбается Русь
Сияньем любимых очей.
Пой песню, пой,
Хаджибей...

ДЖЕМАГАТ

Дремлют столетние ели,
Древние скалы молчат,
Только в глубоком ущелье
Грозно шумит Джемагат.

Там, над отвесною кручей,
Так же обычно, как встарь,
В клочья изорвана тучей
Сине-бездонная марь.

Так же холодные росы
Сыпят янтарь на гранит,
Так же на диком утесе
Чуткая серна стоит.

Дни пробегают и меркнут...
Годы и годы летят...
Тот же стремительный беркут
Кружит в долине Джемат.

Что он настойчиво ищет,
Житель базальтовых скал?
Занят ли поиском пищи,
Или покой потерял?

Видит он: странное диво –
Конь без седла и удила...

Там, где репей да крапива
Возле забытых могил.

Там, где стояли когда-то
Бедные мазанки нарт —
Белые, словно бушлаты,
Камни надгробий лежат...

Здесь ли – с вершин неуютных –
Тайно, извивами рек,
В жажде ночного приюта
К саклям спустился абрек?

Здесь ли гяуры вставляли
Против татарской орды?
Здесь ли под солнцем сверкали
Верные шашки гурды?

Здесь ли коню под копыта
Замертво падал казак?
Здесь ли лихого джигита
Мчал вороной аргамак?..

Тихо в угрюмом ущелье...
Там иногда невзначай
Будит столетние ели
Песней своей карачай.

Там хорошо на рассвете
Лесом брести наугад,
Слушая тайны столетий
В мудром напеве Джемат...

* * *

Солнце расплавленным салом
Плескало в еловый бор.
Синее небо сосало
Белые груди гор.

Камни мохом зеленым
Манили забраться в круть.
Хотелось телом влюбленным
К холодной груди прильнуть.

Хотелось обмякнуть сладко
В бездонность озерных глаз.
К любимым губам украдкой
Приникнуть в последний раз...

Пушай же, пушай свирелью
Поет о былом поток...
Ковровость альпийской постели
Украсил чудесный цветок...

Я никогда не забуду
Каменных троп жгуты,
Лучистую синь незабудок –
Нежные эти цветы,

Обрывистость скал плакучих,
Брызг родниковых звон,

И, залетевший с кручи,
В палатку – рододендрон.

Было мне так отрадно –
Лапник в лесу насечь
И погружать в него жадно –
Горячую томность плеч.

Плывать по волнам дремы,
Вторя пройденный путь,
И, засыпая, в истоме
Падать на белую грудь...

Ночью росисто-холодной
Не пить, не желать вина –
А только душою голодной
Выхмеливать чувства до дна...

Пускай же, пускай свирелью
Поет о былом поток.
Зовет, опьяняющим зельем,
К альпийским постелям –
цветок...

СИНИЙ ЛУЧ

Я видел, как с орлиных круч,
На фоне горных скал,
На землю падал синий луч
И радуги рождал.

В нем был настойчивый призыв
Влекущий к облакам,
Где мимолетный блеск грозы —
Целительный бальзам.

Я слушал песни вещей струй,
Падением лихих,
И нежно-влажный поцелуй
Касался глаз моих.

И я припал, я жадно пил
Из чаши голубой,
А горный дух меня манил
Опасною игрой.

Но, одолев упрямость круч
И пересилив страх,
Я ощутил, что синий луч
Горит в моих глазах.

* * *

Вешним ветром с лугов тянуло,
По дорогам грачи ходили,
Ныпче всюду солнце заглянуло —
Черноталом в поле наследило.

Воробьиным граем издалека
Перелески звонко зашумели,
В лужицах глубоко-преглубоко
Тучечки кудрявые засели.

Поутру сорока прилетала
К школьному тесовому крылечку,
А корова с месяцем бодалась —
И едва не утонула в речке.

А за садом звездочка упала,
Был погожим этот чудный вечер...
Говорят, что времечко настало
Затаенным, любовным встречам.

Старики судачат о приметах,
То и это ловко подмечая,
И пророчат золотое лето,
И толкуют: быть, мол, урожаю.

ИВУШКА

Что ты, ивушка, грустна,
Голову повесила,
Отчего твоя весна
Расцвела невесело?

Полно — плакать в тишине,
Глядя на дорогу...
Расскажи скорее мне
Про твою тревогу.

Не сгибай до долу стан,
Думкою не мучай...
По-мальчишески я пьян
От слезы горячей.

Я тебя уберегу
От любого горя...
Нет тепла на берегу
Баренцева моря...

Я отвергну холод дней
Ради песен мая...
И от нежности твоей
И от счастья тая.

ПЛАКАЛЬНИЦА

Не кручинься, березка родная,
На ветру несгибаемой стой...
Я ведь тоже была молодая —
Раскудрявая, с длинной косой.

Как и ты — я росла одиноко,
В долю лучшую веру храня.
Мой соколик летает далеко,
А вернувшись, обнимет меня.

Но досталась мне горькая доля.
Налетела злодейка беда —
И тогда в этом чистеньком поле
Мой любимый уснул навсегда.

На меня все с опаской глядели,
Ожидали — согнусь, не снесу,
И в закаты под окнами пели,
Когда я расплетала косу.

С тех времен ты меня утешаешь,
Боль мою под корнями тая.
Низко косы свои опускаешь,
В непогоду могилку храня...

Не кручинься, березка родная.
Не грусти о полянке лесной...
Я ведь тоже была молодая —
Одинокая, с длинной косой.

* * *

В утро обычное, хмурое, серое,
В утро, седое от инея, —
В сердце вливалось незыблсмой верою
Что-то прекрасное, синее...

Бредили дали, земля отдаленная —
За океаном безбрежного...
Сердце заранее было влюбленное
В славное, доброе, нежное...

Дух мой метался возвышенно-страстно
Следом за дерзкой мечтою...
Вера моя не осталась напрасной —
Был я обласкан судьбою.

Ночи и дни потеряли значение,
Время не знало усилия,
Сердце поплыло по воле течения —
Только бы впитывать синес...

Счастье огромное, счастье тревожное —
Чувствовать тихое таянье...
И невозможное стало возможным
В чистом и нежном дыхании...

* * *

Бывает так —
Мы жизнь возводим в милость:
Она нам не нужна
И не нужна другим.
Но случай подстерег —
И все преобразилось,
И новос вдруг стало дорогим...

И вот теперь —
Мираж и наваждение.
Большое счастье -- будто бы беда.
Я зашагал
Раздвоенною тенью,
Одна из них ушла
С тобою навсегда.

* * *

Пусть солнце пламенного юга
Не посылает нам укор.
Для тех, кто отыскал друг друга,
Горит совсем иной костер.

В его лучах горячих, юных —
Взлетают в небо две звезды.
Они летят дорогой лунной,
Вторгаясь в млечные сады.

Летят в блистающие дали,
Где никогда не гаснет свет,
Летят в тот мир, где для печали
Ни уголка, ни места нет.

* * *

Ты — словно воск в моих руках,
Мягка, податлива, покорна...
Да, я не облако в штанах!
Но нет во мне страстишек черных.

Во мне неотделим мой пыл
От тайных струн душевной силы,
Иначе — я бы поостыл,
И ты — не очень бы любила.

Я полюбил тебя давно,
Но повидал немало женщин...
И что в итоге? Все равно —
Душевной силы не уменьшил.

Ты не сравнима ни с одной —
Их много чувственных и лживых,
В тебе заложен мир иной:
Всевозвышающее диво.

И так приятно сознавать,
Что есть любовь на самом деле.
Она — большая благодать,
Она — не для одной постели.

* * *

Весна! Зови зеленый май!
Томи меня и мучай!
Но не противься и отдай
Мне твой напиток жгучий.

По повеленью моему —
Крутись быстрее планета!
Навстречу мне —
В сплошном дыму
Уже стремится лето.

Пора! Взорвись, ломая лед.
Взмутись болотом тундра?
Меня, как милая, зовет
Далекая Пицунда.

Летите, чайки, в край иной,
Покиньте Север дикий,
Схлестните с южною грозой
Пронзительные крики!

Я жизнь люблю —
Я в ней не гость.
Но ожиданье — корчит!
Собачьим дням бросаю кость —
Для ускоренья почвы.

Весна диктует свой закон —
Торопит ночь к рассвету...
И манит дальний небосклон
Знакомым силуэтом...

* * *

Без оглядки скользящий полет
Оставляет мучительный след...
Не того ли, чего уже нет,
Так неистово сердце зовет?
Я застыл напряженной струной,
В безвременье лечу наугад,
Озираюсь с надеждой назад:
«Где же прежний душевный покой?»
Наша молодость длится не век...
Эту истину — всяк ли постиг?!
Мотыльковый, беспечнейший миг —
Обрывает запутанный бег...
В шторах ночи зияет окно...
Там... двойное лицо за окном...
Два лица, но как будто одно...
Отблеск глаз мне тревожно знаком.
Мнится мне: необъятная синь...
Призывающий, ласковый взор...
Дымка нежно-манящих озер,
Озаряющих серость пустынь...
Мнятся... узкие щелки зрачков...
Колкий... злой... и презрительный взгляд.
Тусклость тлеющих двух огоньков...
Затасанный для случая яд!
Я рыдаю... и тут же смеюсь,
Наблюдая украдкой за тьмой.
А она, как играет со мной,

Ждет, когда я с собой примирюсь.
Вдруг зажмурюсь... и к звездам взлечу...
Мир блистающий родом найду...
К ускользящей вмиг подойду —
Два лица навсегда разлучу...
Для того ли мы все родились,
Чтоб раздвоиться — в лицах других?
На глазах удивленных моих —
Отражается в омуте высь...
Что в основе сознанья лежит?
Бесконечная жажда тепла?
.....
У кровати мой, у стола —
Миражи, миражи, миражи...

* * *

На серванте тихо
 часики тикали...
У ночника,
 опустив голову,
в грустной задумчивости сидела мать.
Ночь,
 сквозь маленькое окошко,
ласково играя лунными бликами,
опустилась в пустую кровать.
За окошком —
 мелодичным хором
цикады звенели.
Сквозь поникшие ветви сада
холодно проглядывал
 Млечный путь...
На скамеечке —
тихонько плакала девушка
 в белом —
о том,
чего никогда не вернуть...

* * *

Есть тревога о грядущем дне,
Если счастье кажется непрочным.
Что сулишь ты, будущее, мне
В результате страсти непорочной?

Пред тобой бессилен я, мечта, —
Ты дашь, не спрашивая, крылья.
Без тебя была бы жизнь пуста,
Покоряясь прихоти бессилья.

* * *

Мне гадалка на картах гадала —
Я притих, прикусивши язык...
Нагадала ни много ни мало —
Муки адовы веером пик.

«Плохо, милый, — гадалка сказала, —
Ждут несчастья тебя впереди.
То ли жизнь тебя обокрала,
То ли сердце безумца в груди.»

А еще мне она нагадала —
Путь-дорогу до дома бубей.
А для сердца — ни много ни мало —
Несравненную даму червей.

И теперь я в мучениях диких
Карты веером сыплю с руки...
И разят меня черные пики
От безумной червовой тоски.

ЭХО

Говорю твое звонкое имя —
И призыва ответного жду.
Ускользя, проносятся мимо
Чьи-то стоны по тонкому льду.

И доносится звонкое эхо —
Угасающий песенный звук.
Словно искрами милого смеха,
Замыкая таинственный круг.

И когда этот звук замирает,
Я ему не даю умирать.
Твое звонкое имя не тает:
Его эхо приносит опять.

Заполярные синие льдины
Солидарны с моею игрой.
Повторяю я звонкое ...и-и-и-на...
И эфир повторяет за мной...

ПЕСНЯ

Берущие за душу звуки
Летели в умолкнувший зал.
Твой голос — сердечною мукой,
Тоскою любви потрясал.
И кто-то беззвучно рыдал...

Была ты красивой и стройной,
И голос звенел, как струна.
Вздыхалась в груди беспокойной
Любви голубая волна.
И в зале царила весна...

Ты пела о клене опавшем,
О жизни, которую жаль,
О ветрах, метелях, умчавших
Любимого в дальнюю даль.
И всех охватила печаль...

Но песня дает утешенье,
Как слезы, смывая беду.
По-прежнему любящей тенью
Сидел я на первом ряду.
И вырвался вздох облегченья...

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Отшумели сомненья последние,
Словно в листья ударил град...
Я читаю твое наследие —
Я по духу тебе как брат.
Как и ты, углубляясь в раннее,
Вижу будущий свой удел...
Есть одно у меня желание —
Жаль, что поздно его разумел...
Все под той же житейской ношей
Я мечты хоронил не раз,
Но уверен, что есть хорошая,
Лучезарная преданность глаз.
Ты, наверное, знал об этом...
Пусть же падают листья... пусть...
Чувства новые — новым светом
Изгоняют из сердца грусть.
Мысли новые — будто в счастье
Открывают глазам пути...
Если грусть захлебнется в страсти —
Выход ей разрешу найти!
Если милая мне изменит,
Стороной обойду ее
И скажу: «Я рад перемене.
Значит, счастье — в другой мое.»
Я не стану скулить, тоскуя, —
Просто брошусь вперед наугад,
Первой встречной глаза распелую

За нечаянный ласковый взгляд.
Не угасну в осенней прели...
По-собачьи не взвою в зенит...
Если песни одни отзвенели —
Песня новая кровь вспламенит!
Откликаюсь на слово приветное,
Я о прошлом сумею забыть.
Без сомнений шагну за запретное,
Чтобы голод души утолить.
Совладаю с любой ношею,
Улыбнусь и в беде без прикрас...
Потому... что я верю в хорошую —
Лучезарную преданность глаз!

* * *

В это утро сплошной листопад
Раздевает лесные дубравы...
Пожелтевшие листья летят
И ложатся на блеклые травы.
На такой бы постели уснуть —
Спать до самой весны, не вставая,
Чтобы будущим ласковым маем
Распрямить отдохнувшую грудь...
В сердце чувства увядшей листвы,
Ранит душу печальное лоно...
Сиротливые кроны пусты,
Лес скрипит монотонно и сонно.
Только чудом — в сиянье росы —
Клен сберег свой волшебный багрянец.
Но и он — потеряет румянец
И поблекнет в расцвете красы...
Золотая, желанная осень,
Ты приносишь и боль, и покой:
Как подумаю: — Мне тридцать восемь. —
Грусть приходит от мысли такой.
Но с улыбкой печальной и кроткой
Я стою — этим миром пленен...
И по сердцу мне жизнь короткая,
И судьба твоя нравится, Клен!

СОНАТА

Умирали последние звуки,
Воскрешая забытые дни...
О страданиях, любви и разлуке
Заставляли припомнить они.

Опускались на клавиши руки —
Незамстны, изящны, легки...
Неземные волшебные звуки
Вновь открыли души тайники.

Затухала эмоций лавина —
Лебединая песня весне...
И казалось, волшебницу Нину
Словно вижу в чарующем сне.

А она все летела куда-то:
Вдохновенна, нежна и светла...
Вихрем в сердце ворвалась соната —
Захватила и вдаль увлекла.

И воскресли святые желанья,
С новой силой мечты расцвели,
Взволновали бывшие страдания
И бывшие надежды зажгли...

Но умолкли последние звуки —
Молча встала и тихо прошла...
О страданиях, любви и разлуке
Вспоминала теперь тишина...

* * *

Когда настанет час ночной,
Представь, что мы с тобою рядом,
И я призыв услышу твой
За пеленою снегопада.

Я буду думать о весне,
О милой, что зовет и манит,
О том, что скоро стает снег
И час свидания настанет.

И, так мечтая, я усну,
И будут сны, и мне приснится,
Что ночью я к тебе прильнул,
Целуя влажные ресницы.

И, нарушая ночи тишь
Глубоким вздохом сожаленья,
Ты в это время ощутишь
Мое к тебе прикосновенье...

* * *

Злые, холодные вьюги
Песни тоскливые пели...
В думах о ласковом юге —
Сердце терзали метели.

Где-то под вздохами лета —
Ветви в следах опухалок.
Там золотые рассветы
Смотрят глазами русалок.

Утром из дальнего бора
Чем-то таинственным веет —
В эту рассветную пору
Бродит прекрасная фея.

Манит к себе захоластье
Благоуханьем сонливым.
Есть излечение от грусти
Там, где плакучие ивы.

Хмелем сладчайшего яда
Душу природа врачует...
В плавнях не выпь, а паяда
Лунною ночью тоскует.

О, эти лунные ночи...
Всхлипы тоскующей птицы...

Там в Ее карие очи
Свет проливают зарницы.

Там затуманенным взглядом
Друга Она призывает —
Словно ночная наяда —
Тихо, беззвучно рыдает.

Там ли царит утешенье?
Там ли не знают невзгоды?
Видится мне обновление —
В лике разумном природы...

Пусть же холодные вьюги
Песни поют о неволе.
Где-то на ласковом юге —
Сердце терзается болью...

НЕЗНАКОМКЕ

Мы друг друга совсем не знаем,
Я спросить твое имя не смею...
Редко, мельком тебя встречаю
И о чем-то в тот миг сожалею.

Уж не ты ли мне снилась в детстве?
Так улыбка твоя знакома...
Знай — жестокое снов наследство
Выгоняет меня из дома.

Я брожу весь день, опустелый, —
Может, где-то с тобою рядом...
Помнишь, мальчика с хрупким телом,
С лихорадочным жарким взглядом?

Помнишь, как он в бреду метался?..
Ты ворвалась в него, волнуя...
Он твоим должником остался:
Не сумел вернуть поцелуя.

Ты его одарила лаской,
Ароматом духов опьянила...
Право, чудо бывает — в сказках...
Может, вовсе того не было?

Отчего же вдруг думать больно,
Что тебя никогда не встречу,

Отчего же ловлю невольно
Всякий взгляд мимолетной встречи?

И ловлю, и боюсь ошибки:
В жизни слишком много ошибок...
Пусть надеждою манит улыбка.
Не раздаривай больше улыбок.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Мраком полна вселенная...
Веет пространство холодом...
Но лишь одно-неизменное —
Вечно молодо!

Канет начало в пропущенное,
День подойдет расставания...
Все мы, земные, брошены
В зал ожидания!

Наше немое содружество —
Нам предначертано прахом.
Жизнь — испытание мужества
Перед страхом!

Время летит стремительно
В круговороте спирали.
То, что для всех утешительно —
Мы угадали!

Мудрое есть утешение —
Имя вписать в бесконечность.
Мы утвердили Гением —
Веру в вечность!

Зал ожидания выбелен,
Темное — только в куполе...

Все мы, живые, выглядим
Странными куклами!

Двери открыты настежь
В мрак непроглядной ночи...
К счастью или несчастью
Двигается очередь?

Тот, кто глаза отводит,
Смотрит туманным взором —
Кажется нам в хороводе
Пойманным вором.

Роль по привычке играя,
Все полны ожиданьем...
Скрытая жизнь, вторая, —
Им оправданье!

Тайное — тяжкая ноша,
Горький итог сомнений.
Дни оседают в прошлом
Без сожалений?

Завтра — пугает, но манит —
Жизнь в ожиданье — короче.
Тот, кто себя обманет,
Выход отсрочит...

А тот, кто с собою в споре,
Вырвет сомнений жало, —
Без колебаний ускорит
Выход из зала.

Прошлое меня не оставляет,
Я все юн, и не видать конца...
Ярко вспыхнув, тускло догорает
Женщина с душою мертвеца.

Страсть-старуха разыграла шутку,
Юркнув в придорожные кусты,
И теперь становится мне жутко
Вглядываться в жесткие черты.

Грустно слышать долгий нуд нотаций,
Видеть глаз задумчивый расчет.
А когда-то заросли акаций
В наши души проливали мед.

Горькое, смешное донкихотство...
Вечный поиск призрака в глуши...
Я познал нелепое банкротство
Временем отвергнутой души.

Кто теперь меня только научит,
Как не впасть в подобный переплет,
Если жизнь, до смерти не замучив,
Снова мед акации прольет.

Если вдруг израненный рассудок
Обретет былую ясность сил...
Что тогда? С каким упреком буду
Говорить последнее «прости»?..

Беззвездная ночь над полями...
Стернею, без троп и дорог,
Спешу на степной огонек,
Который мелькнул за стогами...
Он близко — рукою подать —
Тепло и приветливо манит...
Я верю, что он не обманет,
Не скроется в темную гать.

А степь, как бескрайнее море,
Волной травяною шумит,
Навстречу бежит и бежит
И, бурю предчувствуя, стонет...
Но есть же огонь впереди!
Спасение, тихая пристань...
Звездой путеводной искрится,
Вселяя надежду в груди.

И чуются близкие тени...
Быть может, там избы стоят,
А люди усталые спят
В плену трудовых сновидений.
Но кто-то, однако, не спит...
Беда?.. Или радость какая?..
А может, заблудших спасая,
Огонь этот вечно горит...

Бушуйте же, вольные ветры!
Я цель заприметил одну,
С пути никуда не сверну,
Любые пройду километры.

Дойду... на полу растянусь...
На мягкой душистой овчине...
И легким тревогам пустыни —
Сквозь сказочный сон улыбнусь.

ВЫЗОВ

Нас было — четверо...
Яхта и море...
Парус рвало, как рубаху.
С бурей сражаясь,
С бурей споря —
Никто не испытывал страха.

Мачта дрожала,
Мачта стонала,
Волны о грудь разбивались,
Молнии небо и мрак разрывали —
Мы, вчетвером, не сдавались.

Падая в пронасть,
Прыгая в тучи,
Курса держались упорно.
Верили в силы —
Достойные бучи,
Не были морю покорны.

Можно бы было —
Выждать в покос
Буйную прихоть ненастья.
Если бы было
Нам нужно такое —
Тихое, мирное счастье.

Наше упорство,
Наше стремление —
Буре развеять непросто.
Мысли и сердце,
Желая движенья —
Бросили вызов Норд-Осту!

Зная о буре,
Зная о шторме,
Встретить сражение решили.
Только проверили
Снасти по форме —
И, незамедля, отплыли.

Выплыли ночью,
В пику стихии, —
К дальнему шумному порту.
Может быть, глупо,
Но мы, молодые, —
Люди безумного сорта.

Море бросало
Яростью шквала,
Словно в науку за свинство.
Но не сломало, —
Кренче сковало
Наше немое единство.

Нас было четверо...
Море и ветер...
Буря и ночь над волнами...
Словно с прогулки,
Вошли на рассвете
В порт под двумя парусами.

Эта странная ночь,
Это темное небо без звезд —
Над моей головой
Замыкает таинственный круг.
Миражами во мгле
Распростерся обманчивый мост,
И скользит по нему
Тенью призрака — ласковый друг.

От забытого сна
Веет на сердце нежным теплом.
Желтым светом луны
Манит в прошлое дань фонарей.
Без надежд я ищу
В листьях клена заброшенный дом,
Мне навстречу глядит —
Безвозвратность потерянных дней.

Из углов пустоты —
Ароматом фиалки ночной,
Женским смехом влечет
Под покровы свои темнота.
Снова дух потрясен
Непомерно упрямой мечтой,
Набегают волной
Погребенные мною лета...

Ожиданье томит...
Губы чувствуют легкую прядь...
Где-то рядом во тьме —
Ускользящий вмиг силуэт...
Шорох шелка зовет
Окунуться в безумство опять
И приблизить к себе
Ослепляющий до смерти свет.

Несвершенность надежд —
Затаила интимность пустот,
А раздвоенность чувств —
Призывает сияние дня...
Эта странная ночь
Дразнит медом невидимых сот
И в опасную высь
Увлекает безумно меня.

Мне покойно, хорошо в дороге
Вдалеке от суеты жилья.
Где-то впереди в лосяном лого
Хижина затеряна моя.
Меж стволов, подточенных веками,
Вьется дымки бледное кольцо.
Ожиданием — в оконной раме —
Замерло тревожное лицо...
Дремлют травы, шепчутся осины,
Млеет небо в розовом огне,
А она, сияя, как росинка,
Руки тонкие протягивает мне.
Стройная и нежная, как фея,
Как фиалка, как поэма снов...
Ни о чем на свете не жалея,
К ней приникнув, умереть готов,
Раствориться, стать пылью фиалки,
Стать тропой под легким каблучком...
А она мне шепчет: — Милый Алька,
Ты устал, пойдем скорее в дом.
Непроста была твоя дорога,
Дни суровы, ночи — без тепла...
Я не призрак... Прикоснись, потрогай...
Чувствуешь, как я тебя ждала?
Ты рубил здесь вековые сосны
И построил этот тихий дом...
Помнишь — те томительные весны,

Странно позабытые потом?
Ты меня оставил здесь на муки...
Заблудился — потерял себя...
Я звала, заламывая руки,
Дни и ночи плача и скорбя.
Вот они — бревенчатые сени,
Вот крыльцо, истлевшее в слезах...
Заходи... Я сяду на колени...
Загляну и утону в глазах...
Ты проснешься утром рано-рано,
Исцеленный, как рожденный вновь.
Зарубцуют в твоём сердце раны
Преданность и нежная любовь...

.
Я снимаю сыромятный пояс,
Нож, ружье бросаю на топчан...
— Милая, тебя я успокою:
Мне наскучил городов шалман.
Месяц сроку — стану я мужчиной,
Есть сырое мясо научусь...
Больше никогда зловонной тиной
Не задушит мое сердце грусть.
Наточу топор я на медведя
И мозоли на руках натру,
Как индеец, отливая медью,
Повстречаю зорьку поутру...
Смастерю собственноручно лодки
И по гривам бешеной реки —
Твердую рукою — до Находки
Поведем с тобою челноки...
Будут весны, лето, осень, зимы
Удивлять неповторимым днем...
И, навеки так соединимы,
Мы в дороге где-нибудь умрем...
Но и вечно... вечно будем живы
В мудрой дреме вековых лесов,
И о том, как были мы любимы,
Птичник пропоет мелодию без слов...

* * *

*О Русь, окрыленная славой!
В пути от сохи до ракеты
Ты стала могучей державой,
Но сделалась болью планеты...*

Бежит назад цветущая равнина -
И края нет равнине впереди...
О, Русь, прими в свои объятья сына,
Прижми к неуспокоенной груди.

За далью — даль, просторы голубые,
За ними — край суровой красоты...
Все та же ты, страдальная Россия,
И так же дорога мне ты.

Люблю твои и рубленые хаты,
И дремное село, и шумный городок,
Тоску озер, багровые закаты,
И звон колоколов, и заводской гудок.

Я радуюсь скошенному полю,
Я улыбаюсь золоту стогов,
А белизна церквей и колоколен
Мигает из-за зелени лугов.

И мельница, как ворон одинокий
Мне машет одряхлеющим крылом.

Пустынь степей в безмолвии глубоком —
Поклоны бьет печальным ковылем.

Под стук колес доносятся напевы, —
И давней старины томленье узнаю...
Я слышу чудный голос русской девы
И тихо грусть втекает в грудь мою.

А вот гармошка где-то заиграла...
«Рябинушка» — и плачет, и зовет.
Эх, русская душа! Тебе все грусти мало,
Все сердце что-то требует и ждет.

Бываешь ты разгульной и веселой —
Но разве в этом счастье обрели?
Безмерна Русь, и отдаленны села —
И бродит грусть по тишине земли...

И я люблю тоску глуши до боли:
Она во мне рождает бездну сил.
И оттого по доброй, буйной воле
Родную Русь я всю исколесил.

И оттого люблю я взглядом мерить
Необозримость голубой тиши.
И оттого я не могу не верить
В несметные сокровища глуши.

И все отжившее — мне дорого и мило.
Я вижу в нем и жизнь, и новь мою...
И с радостью — березке или иве —
Теперь я часто душу отдаю.

Они друзья. Они бегут навстречу —
Веселой и игривой чередой.
Они горят, как елочные свечи,
Зажженные вечернею зарей.

Но вскоре гаснут... и волшебный вечер
Мигает мне звездою из небес.

И добрая луна, подняв крутые плечи,
Улыбкой озаряет лес.

Но лес пропал... И вновь равнин раздолье.
Незабываемо-знакомые черты...
Я их люблю безмерной, сладкой болью.
Недаром, Русь, меня растила ты...

ПРОЗА

Рассказы

Она пришла, когда застольное празднование, как в хорошо знакомой пьесе, подходило к завершению первого акта. К этому времени в адрес именинницы были произнесены все традиционные пожелания и хвалебные речи, приукрашивающие действительность, а салаты и другие блюда успели потерять свою первоначальную привлекательность. Гости же созрели до состояния забавной бессlosti и развлекались рассказыванием анекдотов и тривиальных историй.

Обычно перед торжественным появлением на пороге гостиницей женщины устремляются к зеркалам, чтобы выявить и устранить нарушения, приобретенные внешностью в дороге, а также еще раз совершить соблазнительный ритуал священнодействия над лицом. Эта же, новая гостья, появилась, как внезапный порыв ветра, распаивающий ударом сквозняка двери и окна. Она шумно расцеловала виновницу торжества, вихрем влетела в гостиную, сбрасывая с себя на ходу белый пуховый шарф и шапочку из темного меха, и поприветствовала общество.

— Нора! Нора пришла! — раздались восторженные возгласы.

Удовлетворенная встречей, она резким движением головы отбросила за плечи пучок длинных черных волос и так же быстро исчезла, как появилась. Однако через минуту, словно это была уже не она, неторопливо вошла элегантная молодая женщина в подчеркнуто-простеньком платье, которое выгодно преподносило изящество ее фигуры и вкуса. Привстлливо улыбаясь, она быстрым, внимательным взглядом окинула сидящих за столом.

Среди гостей было новое лицо, а рядом свободный стул.

Не раздумывая, она направилась к этому стулу, а гости, пропуская ее, повскакивали с мест. Усевшись, Нора вопрошающе уставилась на незнакомого соседа.

— Познакомьтесь, — сказала именинница, — это Игорь Сергеевич, литератор, поэт.

— Никудышный поэт, — уточнил Игорь Сергеевич и, обращаясь к Норе, сказал: — Если по-серьезному, то я физик. Просто физик...

— Удивительно! — воскликнула она. — Просто физик и в то же время поэт. Редкое сочетание. Очень рада знакомству с человеком такого диапазона.

Ему было непонятно — шутит она или говорит серьезно?

Стараясь разгадать, что скрывается за ее словами и пристальным взглядом — глаза в глаза, он молча, не мигая, так же смотрел в ее черные зрачки, с интересом ожидая, чем все это завершится. И хотя он понимал смешную нелепость происходящего, но из упрямства не отводил взгляд в сторону, превращая все в шутку. А за столом царила тишина. Ждали — кто кого пересмотрит?

Выручила полная дама с глуповатой улыбкой, которая захлопала вдруг в ладоши и, оглушив общество мужским басом торгового работника, произнесла:

— Нора! Да он совсем онемел! Перестань на него смотреть, как на дефицитный товар.

Раздался взрыв веселого смеха, во время которого другая дама неопределенного возраста, худая и лохматая, как метла на шесте, манерно закатив глаза, кричала:

— Игорь Серге-и-и-ч! Ми-лень-кий! Ой, не мо-гу-у...

Нора, словно оправдываясь, положив на его руку маленькую, горячую ладонь, приблизила губы к его лицу и вполголоса сказала:

— Не обращайтесь внимания на этих подвыпивших болтушек. Я чувствую, что мы подружмся. Непременно...

— Я не возражаю, — ответил Игорь Сергеевич, переводя взгляд на ее губы, и подумал: «Смотри-ка... не накрашены... Чертовски привлекательная женщина... А пустой стул рядом... это... не случайность.»

Он преобразился, стал веселым, внимательным кавалером, подавал Норе блюда с закусками, из которых она сталкивала себе в тарелку самую малость, только для пробы, и при этом говорила, что тоже умеет вкусно готовить, а что касается кофе, то по словам одной из приятельниц — это обалдемон. Независимо от всех они раза три выпили за приятное знакомство, за будущее... И вообще, разговаривая о пустяках, вкладывали в слова особый, подстрочный смысл, указывающий на взаимную симпатию и ожидание чего-то необыкновенного.

В состоянии сосредоточенности на этом, на желании прикоснуться к близко двигающимся губам Норы, слегка припухлым и четко очерченным, Игорь Сергеевич не сразу понял, что возникший вдруг за столом шум и возгласы обращены к нему.

— Хотим сти-хи, сти-хи, сти-хи, — дружно скандировали гости.

— Ой, не мо-гу-у... ми-лень-кий... Очни-тесь!

— Нора! Нора! Берегись! Демон, о-ох...

Игорь Сергеевич недовольно поморщился. Он не был расположен к декламациям. Но Нора снова положила ладошку на его руку и, как бы извиняя всех, сказала:

— Ведь просят же... Все равно не отвяжетесь.

— Тогда только ради вас...

Он подумал с минуту и стал читать из «Письма к женщине» Есенина отрывок, но именинница всплеснула руками и сказала:

— Господи, какой грустный настрой. Прочитайте лучше что-нибудь свое.

— Свое, свое, — разом поддержали все.

— Ми-лень-кий! Вам же еще и тридцати нет. Радоваться надо!

«Вот привязалась швабра со своим «миленький», — подумал он с досадою и принялся читать вяло, без всякой охоты. Однако после нескольких строф, написанных когда-то с большим чувством, он непроизвольно увлекся, и в его глазах и голосе появились вспышки эмоций.

Нора внимательно разглядывала его во время чтения, не вникая в смысл произносимого, а когда он закончил и все зашумели, выражая одобрение, она, задышав ему прямо в ухо, сказала:

— В вас есть какой-то безудержный порыв, который мне очень импонирует...

Он склонил голову, глядя на скатерть, и не знал, что ответить. А она, подумав, спросила:

— Вы проводите меня домой?

— С удовольствием, — живо отреагировал Игорь Сергеевич.

В это время громко заиграла музыка. Стол сразу опустел, а на свободном пятачке комнаты замелькали прыгающие фигуры.

Глядя на легкомысленные подергивания и виляния зрелых людей, копирующих молодежь, Игорь Сергеевич сказал:

— Я не люблю быстрых танцев. Поэтому извините, что не приглашаю.

— Тут мы с вами сходимся, — ответила Нора. — В таких скачках не чувствуешь своего партнера. Будем ждать танго.

— А пока ждем, вы расскажете о себе...

— А не лучше ли начать с вас, хитрец?

– Можно и с меня, — согласился Игорь Сергеевич. — Как уже было сказано — я физик. Работаю в НИИ. На досуге пишу фантастические новеллы. Вы, наверное, знаете, что в научном мире этим многие занимаются. Кроме своеобразного отдыха от исследований, желания поэтизировать своей профессией, такое занятие нередко подбрасывает неожиданные идеи. То есть, как видите, даже физик-литератор остается всегда материалистом. А стихи я сочиняю от случая к случаю, чтобы впечатлять женщин...

– Не-ет, вы прежде всего хитрец, — смеясь, погрозила Нора пальчиком и, сделав серьезное лицо, добавила: — А впечатлять женщин своими стихами и эмоциями вам вполне удастся... Теперь приступим к моей биографии. Я работаю вместе с мужем в агентстве печати новостей. Состою при нем фотографом. Такой тандем очень удобен и выгоден. Например, это помогло нам в получении трехкомнатной квартиры, в которой каждый из нас имеет свой кабинет. Ну, а спальня, естественно, общая... Самое главное, что нет надобности ходить в какую-то контору. Полная свобода действий. Можно, скажем, проспать полдня, а потом всю ночь заниматься делами.

– Я понял так, что завтра вы будете спать до полудня, а вечер у вас свободен.

– Вы очень сообразительны, — сказала игриво Нора. — Поэтому сегодня нет смысла тут долго задерживаться...

Когда, наконец, все гости устали скакать, Нора подошла к имениннице и что-то шепнула на ухо. Через минуту зазвучало аргентинское танго, и Игорь Сергеевич тут же вышел из-за стола, подошел к ожидающей его Норе, галантно поклонился, и они слились в танце. От пьянящей близости гибкого тела у него закружилась голова и словно ватными сделались ноги. Его вдруг охватило неодолимое желание прижать ее еще сильнее, осыпать поцелуями, раствориться... А она, почувствовав это, сразу же растеклась по его груди волной податливой слабости и прошептала:

– Я больше не могу... Идемте отсюда.

Они незаметно выскользнули в прихожую, быстро оделись и вышли на улицу.

Игорь Сергеевич был в радостном изумлении от всего, что произошло: и от внезапно вспыхнувшего влечения, и от ее откровенного бессилия совладать с собой, от многообещающей ее доступности и легкости, которую он ощущал теперь в общении с нею.

На тротуаре блестел гололед, и Игорь Сергеевич взял Нору под локоть, хотя был готов в порыве разгоряченности подхватить ее на руки и нести не только до дома, но и на край света. Пройдя несколько шагов,

она сказала:

— Погодите, лучше я за вас ухвачусь — И, ухватившись, сунула другую руку, как в уютную муфту, в широкий рукав его пальто.

В эти минуты морозная и ветреная погода казалась Игорю Сергеевичу необыкновенно приятной, и он с удовольствием подставлял ветру лицо. Но, странное дело, по мере того, как они приближались к ее дому, в нем постепенно убывало горячее состояние, исчезал хмель от вина и танца, и он стал думать о том, что, быть может, ему все пригрезилось, что вольготное дурачество, свойственное любой хмельной вечеринке, он воспринял чересчур серьезно, как элементарный болван, дал волю вспыхнувшей страсти и в глазах Норы выглядит распущенным пошляком... Ведь сказала же она, что с мужем у нее тандем и, судя по всему, жаловаться ей не на что.

— Вам не попадет дома за позднее появление? — спросила вдруг Нора, расценив по-своему его задумчивость.

— Никак нет. Я предупредил маму, что задержусь.

— Маму? — удивилась Нора. — Вы что — не женаты?

«Притворяется или и вправду не знает, что я разведенный? — подумал Игорь Сергеевич. — Неужели общие знакомые не проинформировали ее?»

— Уже год, как я ушел от жены, — ответил он, чувствуя неприятный осадок в душе от этого разговора.

— Вот это да! — воскликнула Нора. — Как же вас до сих пор никто не сцапал?

— Не было рекламы, — отшутился он.

— Тогда мне повезло вдвойне, — сказала Нора со странной серьезностью.

Он не успел спросить, что она имеет в виду.

— А вот и мой особняк, — сказала она.

Они стояли у подъезда пятиэтажного кирпичного дома в полосе света, падающего на тротуар из окна лестничной клетки. Остальные окна были темны. Не меняя положения своих рук, Нора заглянула в глаза Игоря Сергеевича и сказала:

— Не мудрствуя лукаво, я предлагаю подняться на второй этаж и prolongировать приятный вечер, как вами уже было сказано.

— Да, да, непременно, — ответил он, как бы торопясь.

Войдя в квартиру, Нора включила в коридоре светильник, похожий приглушенным светом на ночник, а Игорь Сергеевич стал запирать на ключ входную дверь. Когда же он повернулся к Норе лицом, то увидел, что она, распахнув шубку, смотрит на него в упор, а ее взгляд и поза как бы нетерпеливо и требовательно говорят: ну?! ну?!

Но он не оправдал ее ожидания. Его тело словно налилось тяжестью и стало неподвижным. Время отсчитало несколько секунд, и миг безрассудного порыва не состоялся... Тогда она усмехнулась, сбросила шубку ему на руки и сказала:

– Проходите прямо. Там мой кабинет. Можете покурить, а я сварю кофе.

Он пошел к кабинету, не раздевшись, с ее шубкой.

– Господи, что с вами, Игорь Сергеевич? Разденьтесь! – воскликнула Нора, как бы с упреком.

Действуя, как в замедленном кино, он вернулся к вешалке, а Нора, улыбаясь, отправилась на кухню варить кофе.

Пошаркав рукой по стене в поиске выключателя и не найдя его, Игорь Сергеевич разглядел в полумраке кабинета кресло и удобно разместился в нем. Время, казалось, лениво умерило свой ход, давая ему возможность обрести уверенность и поразмыслить, а чувство досады и недовольства собой склоняло к мысли, что следует немедленно исправить допущенную оплошность. Так он и решил сделать, как только Нора войдет в кабинет. Поэтому, когда в прихожей послышались ее шаги, он поднялся из кресла и приготовился к встрече. Но она несла поднос и, войдя, приостановилась в дверях и удивленно спросила:

– Вы что, так и простояли все время в темноте?

– Это, конечно, смешно, – сказал Игорь Сергеевич, – но я не нашел выключателя.

– Ах, извините. Я забыла предупредить, что он скрыт под ковром.

Он зажег свет, а Нора, поставив поднос на журнальный столик, сказала:

– Кофе уже с сахаром, по-турецки. Из турки наливайте сами по потребности. Если любите сливки, то вот они. А это молдавская колбаска со специями. Муж привез из командировки. Ну, рекомендую так же швейцарский сыр. Видите – какие в нем дырочки? Это мой любимый сыр. Страшный дефицит. Но Петя раздобыл где-то...

Ее слова о муже воспринимались им в этот момент, как о чем-то неодолимо привлекательном, о не существующем, а она, реальная, стояла рядом, и ощущение заманчивой вседозволенности, которое он испытал в танце, вновь охватило его. Игорь Сергеевич привлек Нору к себе, прижал к груди и потянулся к губам. Но она вдруг подставила руки, мягко оттолкнула его и сказала:

– Поздно уже...

Опешив, будто в испуге, он отступил и посмотрел на часы.

– Я не в этом смысле, – пояснила Нора. – Надо было сразу... там...

– Она указала глазами на прихожую. – А теперь все отлегло.

Игорь Сергеевич смотрел помутневшим взглядом и чувствовал, как огромная волна стыда накатывает на него, перехватывает дыхание, лишает возможности что-либо говорить и двигаться. Нора, заметив его состояние, спохватилась.

— Не обижайтесь, — заговорила она ласковым, извиняющимся тоном, — это у меня сиюминутный протест женского самолюбия. А вы мне очень симпатичны. Очень... Присаживайтесь. Будем пить кофе.

Он опустился в кресло и закурил сигарету. Нора последовала его примеру, сев в такое же кресло с другой стороны стола. Окинув взглядом комнату, Игорь Сергеевич отметил некоторую небрежность в ее убранстве. У окна боком стоял письменный стол, заваленный газетами, бумагами и фотографиями. Трюмо было заставлено парфюмерными принадлежностями, а на раскладном диване лежала примятая подушка в белой наволочке, обрамленной кружевами, голубой атласный халат и плед. Книжные полки и шкаф, торшер-бар, пуфики, телевизор, кашпо на подставках — заполняли остальное пространство... Общее впечатление было такое, что это не столько кабинет, сколько будуар деловой женщины, где она и работает, и отдыхает, и наводит красоту.

Две-три минуты осмотра немного успокоили его, и он решил завести разговор на такую ему, которая помогла бы полностью избавиться от ощущения неловкости. Подумав, он стал рассказывать о том, какие загадки природы его очень заинтересовали и послужили основой последних фантастических новелл, которые он написал.

— Несмотря на фантастичность всего происходящего, — говорил он, — я постарался это связать с повседневными заботами и проблемами нашей жизни, присовокупить к научным идеям социальную нагрузку. Если вам когда-нибудь доведется прочитывать одну из моих новелл, то вы поймете, что я по натуре... Как вам сказать? Ну...

— К сожалению, я на два дня уезжаю по неотложным делам, — прервала его Нора. — Давайте, забыв о некоторых неприятных моментах, встретимся в пятницу вечером. Вы принесете какую-нибудь новеллу, и мы ее прочитаем. А я эти дни буду думать только о вас...

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь, — встретимся в пятницу.

Было уже третий час ночи. По дороге к дому он ворчал:

— Могла бы и оставить переночевать на своем диванчике... А думать обо мне нет смысла, милейшая... так как я не собираюсь вас посетить...

уличные фонари, Игорь Сергеевич не устоял перед соблазном многообещающих слов Норы, сказанных ему на прощанье, которые, казалось, преследовали даже во время сна, не давая забыться, тревожа и пробуждая, заставляя думать о ней...

Не успел он нажать кнопку звонка, как дверь тут же открылась, словно Нора стояла за нею и ждала его прихода. На ней был надет тот самый голубой атласный халат, который он видел прошлый раз на спинке дивана. В нем Нора очень была похожа на миниатюрную японку.

Ступив за порог, Игорь Сергеевич вдруг ощутил неодолимое желание схватить ее, прижать, раздавить, сорвав с нее халат, как змеиную чешую. Нора почувствовала это, вспыхнула, но, испуганно отступив на шаг и приложив палец к губам, дала знать, что в доме кто-то есть, и громко сказала:

– Как хорошо, что вы пришли. Петр Егорович из заграницы вернулся.

Игорь Сергеевич сразу вспотел, стал извиняться, что пришел не вовремя, и хотел нырнуть обратно за дверь. Но Нора ухватила его за рукав и крикнула:

– Пе-тя, иди сюда!

Из боковой двери вышел широкоплечий мужчина двухметрового роста, рядом с которым Нора показалась совсем маленькой, как игрушечная фарфоровая статуэтка.

– Это Игорь Сергеевич, — сказала она мужу, — нас познакомили у Людмилы на дне рождения. Он пишет новеллы. Я попросила что-нибудь принести и почитать. Надюсь, вы пришли не с пустыми руками? — спросила Нора.

– Не с пустыми.

– Отлично, — обрадовалась она, — Петя нам расскажет о Кувейте, а потом устроим читку. Совместим это с легким ужином. Я быстро все приготовлю, а вы пока поговорите.

Петр Егорович сделал широкий жест рукой, приглашая в комнату Нору.

– Жена любит принимать гостей у себя, — объяснил он, — в моем кабинете, как говорит она, сплошная казенщина.

Игорь Сергеевич уселся в то же самое кресло, а Нора, как и тогда, войдя с подносом и поставив его на столик, перечислила все, что принесла. На этот раз, кроме молдавской колбаски и ее любимого швейцарского сыра с дырочками, были греческие маслины и армянский коньяк.

– Просто замечательно, что вы пришли, — сказала она. — Устроим интересный вечер.

И действительно — вечер удался. Петр Егорович рассказывал интересно, с юмором, сохраняя серьезное лицо. А когда он вдруг улыбнулся, то сразу стало ясно, что это добряк, ручной медведь с умными глазами и что в доме командует не он, а Нора. Проникнувшись расположением к гостю, он просил заходить запросто в любой день и час. Игорь Сергеевич пообещал навещать их, а про себя подумал, что эти походы ни к чему хорошему не приведут, что надо будет все время лгать, а это кощунство по отношению к доверчивому симпатичному человеку. Поэтому никаких походов больше не должно быть.

После этого вечера прошло две недели, и он стал уже думать, что все утряслось, как вдруг в субботу обнаружил в почтовом ящике записку от Норы. Она писала: «Милый Игорь Сергеевич, Вы же наводите на меня и себя подозрения мужа, не появляясь в нашем доме без всяких причин. Он знает, что Вы в городе и никуда не уезжали, так что не вздумайте попасться на слове. Но самое главное, что я в ужасном положении. А все от гололеда на улице. Я упала и сломала ногу. Умоляю Вас, приходите скорее! Ваша Н.»

Игорь Сергеевич занервничал, не зная, как поступить. Но в конце концов склонился к тому, что неблагородно оставить без внимания больную женщину, с которой чуть было не возник у него роман. К тому же пусть и Петр Егорович увидит чисто дружеское отношение с его стороны.

В ответ на его звонок из глубины квартиры раздался голос Норы: — Дверь не заперта, заходите!

Он вошел и сразу увидел ее через открытую дверь в кабинет. Она сидела в кресле, поджав под себя здоровую ногу, а загипсованная нога, похожая на толстый рулон ватмана, казалось, стояла отдельно, рядом с костылем, опираясь о край подушки, торчащей из-под больной.

Игорю Сергеевичу стало смешно. «Допрыгалась, — подумал он, скрывая улыбку. — Вот тебе и «Ваша Н».

— Бессовестный, — увидев его, сказала Нора, — так долго меня мучить. Идите скорее сюда. Петя пошел в магазин за продуктами. Надо же меня кормить.

Он вошел в комнату и подвинул свободное кресло так, чтобы сидеть лицом к Норе.

— Погодите усаживаться, — сказала она, — подойдите ко мне. Ближе... ближе... наклонитесь.

Он наклонился к ее побледневшему лицу и заглянул в глаза. Нора смотрела на него не мигая, словно гипнотизируя, подставляя полураскрытые губы.

— Ну? Поцелуйте же несчастную, изломанную женщину...

Игорь Сергеевич слегка коснулся ее губ. Но она обвила его шею, притянула к себе, и поцелуй получился долгим, проникновенным, оняняющим.

— Теперь можете садиться, — сказала Нора, обессилено откидываясь на спинку кресла.

Он сел и сделал несколько глубоких вдохов, умеряя биение сердца. В это время открылась не запертая входная дверь, и вошел Петр Егорович.

«Нет, это пикуда не годится, — подумал Игорь Сергеевич, — что было бы, если бы он вошел минутой раньше? Нужно прекратить все, пока не поздно. Не поддаваться ее уловкам. Почему она так рискует? Неужели любовь? Не верится... И, слава Богу, что у нее сломана нога. Теперь этот гипс, как спасительный шлагбаум, закрывающий въезд к сближению.»

— Пе-тя, — жалобным голосом позвала Нора, — уговори этого чертового человека, чтобы почаще приходил. А то я умру от четырехугольной скуки своего кабинета.

— Действительно, — обратился к нему Петр Егорович, — почему бы вам не заглядывать хотя бы пару раз в неделю? Вместе бы ужинали. Ведь Нора не может без общества даже дня прожить. Поэтому сломанная нога — для нее настоящая трагедия.

— Хорошо... — согласился Игорь Сергеевич, досадуя на свою слабохарактерность, — по вторникам и пятницам после работы у меня есть свободное время...

3

Дав слово, он старался не нарушать его. И обычно к приходу желанного гостя стол уже был накрыт, а Нора — аккуратенькая, с упорядоченной внешностью, если не считать какой-нибудь продуманной небрежности в прическе или одежде, восседала, как царствующая особа, прикрыв ноги пледом.

Первое время она искренне радовалась каждому посещению Игоря Сергеевича, и стоило ему только переступить порог, как он уже слышал ее озорной голос:

— А что вы мне на этот раз принесли?

Да, он не приходил с пустыми руками. Он теперь заранее покупал цветы, конфеты, апельсины и яблоки, или бутылку вина. Это ему и приятно было делать, и придавало больше уверенности в их доме.

Но вскоре Игорь Сергеевич заметил, что Нора с трудом скрывает

раздражение. Без всякого повода она вдруг начинала по мелочам придираться к мужу или бросала колкие шутки в адрес друга семьи, как его теперь называла. Однажды, когда Петр Егорович вышел на кухню, Нора, криво усмехнувшись, спросила:

– Что это вы, как доктор, ходите к нам по графику? Меня что ли боитесь?

– Немножко есть... — признался Игорь Сергеевич, — но в основном из уважения к вашему мужу.

– Ну-ну... похвально, — сказала она жестко и неожиданно предложила: — Давайте поиграем в шашки.

– Пожалуйста, — согласился он, удивившись.

– Вам, я вижу, все равно во что играть и с кем играть...

– Вы устали и нервничаете, — сказал Игорь Сергеевич, — мне лучше уйти.

– Нет. Вы не уйдете, пока мы не сыграем.

– Хорошо. Давайте играть.

– Пе-е-тя! — позвала Нора

Вошел Петр Егорович с мокрыми руками.

– Зачем ты взялся мыть посуду именно сейчас? Что за бестактность? Игорь Сергеевич сразу засобирился уходить, но я уговорила его сыграть в шашки. Только не пойму, куда они делись.

Бросив пронизательный взгляд на жену, Петр Егорович наклонился и достал шашки из-под ее кресла. Подмигнув Игорю Сергеевичу, он сделал знак, указывая на дверь, и вышел.

– Ах, извините пожалуйста. Такая забывчивость... Я ведь сама их туда задвинула, — сказала Нора так, словно в этом был кто-то виноват.

– Вы пока расставляйте, а я на минутку удалюсь, — сказал Игорь Сергеевич.

Он прошел на кухню, где Петр Егорович, налив по полстакана коньяка, предложил выпить.

– Быть добру, — произнес он тост, беззвучно чокаясь, — и прошу вас — не обращайтесь внимания на ее капризы. Ей уже невмоготу сидячая жизнь.

– Я понимаю... но мне кажется, что следует сделать интервал... в моих посещениях.

– Возможно... возможно... Однако идите туда, а то будет взрыв.

Нора с подозрением посмотрела на Игоря Сергеевича, раздув ноздри и втягивая в себя воздух.

«До чего же развито чутье у женщин», — подумал он и с невозмутимым видом сделал ход. Нора надолго задумалась, словно решая сложную задачу, и вдруг предложила:

– Давайте лучше сыграем в поддавки. У меня не такой характер, чтобы халать.

Быстро проиграв партию, она крикнула:

– Пе-е-я! Принеси коньяк. У меня что-то голова разболелась.

Петр Егорович принес начатую бутылку и три стопки.

– Эгоисты, — сказала Нора, — пьете втихаря, будто вам кто-то запрещает. За что же мы выпьем?

– Я хочу пожелать вам здоровья, — сказал Игорь Сергеевич.

– Бедненький, как вы измаялись со мной. Неужели перевелись хорошие тосты? Поезжайте на практику к грузинам.

– Я учту ваш совет. А пока разрешите откланяться. Я обещал маме прийти пораньше. Есть дела.

– Чао, детка!

4

Покинув квартиру, в которой его никогда не покидало чувство двойственности, Игорь Сергеевич и в очередной вторник, и в пятницу просидел вечера дома у телевизора, радуя этим мать. Он старался ни думать, ни вспоминать что-либо из событий последних недель. Но это было похоже на тот самый эксперимент, когда психолог вам говорит: «Постарайтесь не думать о хромой обезьяне» — и вы стараетесь направить свои мысли на что-то другое, а хромая обезьяна все равно будто стоит перед вашими глазами.

Когда Игорь Сергеевич начинал думать о Петре Егоровиче, которому, как видно, нелегко живется, его охватывали угрызения совести. А при воспоминаниях о Норе — перед ним возникал ее гипнотизирующий взгляд, который, казалось, проникал так глубоко, что замирало сердце. Его губы, тело начинали почти физически ощущать ее прикосновения. Это было настолько мучительно, что хотелось тут же, махнув на все рукой, броситься к ней.

Только во время рабочего дня Игорь Сергеевич пребывал в состоянии относительного равновесия. К тому же, по счастливому стечению обстоятельств, к нему приехали зарубежные специалисты из Ханоя, которых заинтересовали его последние публикации в области физики, и он целиком был занят подготовкой договора о сотрудничестве. Однако, когда вдруг его разыскал Петр Егорович и попросил обязательно сегодня же побывать у них, он отложил все дела и отправился навестить Нору.

– У нее истерика, — сказал Петр Егорович. — Она думает, что вы

никогда больше не придете, так как обидела вас.

Увидев его, Нора сначала зажмурилась, а потом ее глаза вспыхнули радостью. Когда Петр Егорович вышел, она протянула руку Игорю Сергеевичу, а он подал ей свою. Ее пальцы сжимались и разжимались, а ногти, как кошачьи коготки, впивались ему в ладонь.

Было больно, но он не отнимал руки и только ждал, когда в коридоре послышатся шаги, чтобы отойти.

— Ну почему? Ну почему нам так не повезло? — спросила она дрожащим голосом. — Сплошная нелепость... с самого начала... как дети! Боже мой, что же делать?!

Он ничего не ответил, а только подумал: «Наверное, она любит меня... хотя... при первой встрече было скорее всего лишь увлечение, желание яркого чувства, стремление скрасить однообразную жизнь... словом, был самообман...» И только теперь, впервые, он задал себе вопрос: любит ли ее? Он не мог до конца понять, что же произошло с ним тогда — в прихожей? Почему он сразу не бросился к ней, потеряв голову? Может быть, сейчас было бы значительно проще, если бы факт их близости состоялся до знакомства с Петром Егоровичем? А теперь... теперь с каждым днем, с каждым его визитом становится сложнее и сложнее на что-то решиться, переступить через чужую беду, поступиться понятием о порядочности. Это мешает разобраться и в самом себе, и в ней. Ведь ему часто кажется, что ею руководит не любовь, а прихоть, что она человек момента и подобна порыву ветра, удару сквозняка, распахивающему окна и двери, после чего следует ждать неминуемого затишья...

Для него было очевидно, что эта их увлеченность или любовь все равно кончится, что он не сможет пересилить себя и лечь с нею в постель, и поэтому нужно выждать время, потерпеть, а еще лучше — что-то придумать, чтобы разом пресечь безумие.

Услышав, что Петр Егорович идет к ним, он высвободил руку, отошел к зеркалу и стал причесываться, разглядывая себя будто впервые.

На голове у него начали появляться залысины, ранее густые волосы поредели. Он обратил внимание, что похудел за последние два месяца, что лицо осунулось, нос стал казаться длиннее, а глаза, обрамленные, как у девушки, черными ресницами, смотрят грустно, устало, словно он уже прожил долгую жизнь. За что Нора полюбила его? За стихи? Глупость... Она не из тех женщин, которых прежде всего прельщает — как говорит мужчина, а не то, что он говорит. А то, что ей импонировал его безудержный порыв, как высказалась она, так это от желания нравиться, обратить на себя внимание, даже, может быть, использовать для самооправдания чувственной слабости.

Десять лет назад нечто подобное привело его к женитьбе. Бывшая жена всегда охотно слушала его, не вникая в суть рассказываемого, а прислушиваясь к голосу, который отличался юношеской восторженностью. Суть ее интересовала только тогда, когда он говорил о своих чувствах к ней, какая она красивая. Это ее свойство самовлюбленности и привело к печальному концу семейной жизни. Ей нравились ухаживания, комплименты, которые она принимала за чистую монету, советы о том, что такая красивая женщина должна жить более вольготно, без предрассудков, не ограничивая себя семьей, и в конце концов, она стала задерживаться после работы, приходить поздно, внося в дом запахи коньяка и табачного дыма, а однажды пришла даже утром, сославшись на внезапное несчастье у подруги...

Подав на развод и беспрепятственно разойдясь, так как детей у них не было, он стал с неприязнью относиться к хорошеньким женщинам, был подозрителен к любой из них, несмотря на безупречность поведения, и не спешил делать выбора для новой женитьбы. Хотелось побыть свободным, отдохнуть от семейных неурядиц.

Ему казалось, что именно это наложило свой отпечаток и на его отношения с Норой, что в первую очередь только этим можно объяснить его нерешительные действия, ватные ноги, скованность рук и языка. Он не верил ей, не верил в ее способность любить, воспринимая ее предательство к порядочному мужу, как к себе, и поэтому был уверен в скором конце затянувшейся беспочвенной любви, похожей на интрижку, на надуманный флирт...

Петр Егорович и на этот раз принес коньяк, словно иначе они не могли просто так посидеть и поговорить, словно основная цель была в том, чтобы напоить и накормить Игоря Сергеевича. Он отказался от коньяка, сославшись на работу, на необходимость встречи с иностранцами, и попросил кофе и стакан холодной воды. А Нора сказала:

– Я тоже хочу кофе, но со сливками. И сыра хочу.

Она опять сделалась капризным ребенком, желающим, чтобы за ним поухаживали, посочувствовали его болячкам, но Игорь Сергеевич уже безошибочно знал, что это игра, что ей просто хочется подольше задержаться на кухне мужа...

Он оказался прав. Она тут же снова схватила его за руку, но на этот раз забралась в рукав пиджака и стала гладить, гладить и гладить мышцу, покрытую густым волосом. Ее ладонь была горячая, и вся она, казалось, горит каким-то неистовым, лихорадочным огнем.

– Моя нога уже зажила. Почти зажила... Скоро... скоро я выйду из этой тюрьмы, — сказала она, глядя на него радостными, расширенными зрачками, словно желая вселить в него надежду на что-то необык-

новенное, новое, а возможно, подкрепить и свою веру, так как интуитивно ощущала, что теряет его, и конец ее болезни может оказаться концом всему.

Он отвел глаза в сторону окна, чтобы не выдать своих чувств кролика, своего бессилия ей сопротивляться, а также мыслей — совершенно противоположных этому состоянию. Скользнув беглым взглядом по подоконнику, он увидел полу ожившую черную муху, лежащую на спине, тщетно пытающуюся перевернуться и взлететь, и подумал, что это предзнаменование к перемене погоды и что через несколько дней уже наступит март, а значит, и весна, которая всегда его будоражит, делает беспокойным, чего-то ожидающим, и что еще неизвестно, во что тогда выльются его неопределенные, странные отношения с Норой.

— Очнись, — сказала она и вдруг впервые обратилась к нему на ты. — О чем ты все думаешь?.. Я хочу попросить тебя, чтобы... чтобы ты подыскал местечко без посторонних глаз для нашей встречи... как только я смогу ходить.

— Поищу... — выдал он из себя, но тут же подумал, что никакого «местечка» искать не будет.

Проговорив около часа, рассказав о своих делах с иностранцами, о занятости, он сказал, что придет только через неделю.

5

К концу марта нога у Норы зажила, и, как только сняли гипс, ее словно ветром сдуло из опротивевшего кресла, которое теперь целыми днями оставалось пустым. Она носилась по городу, по знакомым, упрекая их за редкие посещения и жадно впитывая все новости, рассказывала, как ей все осатанело дома, опротивело вплоть до терпеливых забот мужа, как рада, что вырвалась на улицу из каменного плена стен, как легко дышится, и что только теперь она по-настоящему оценила свободу, возможность общаться с людьми и не представляет, как можно без этого жить, как вообще живут те, кто обречен на неподвижность. Нет, лучше умереть сразу, чем так мучиться... Хорошо, что хоть Игорь Сергеевич, этот великодушный человек, с которым ее познакомили на дне рождения, не оставил ее, спас от тоски, от разочарования в людях, близко сойдясь с ее мужем. Это искренний, добрый, талантливый человек!

По-прежнему все ей были рады. Она встряхивала своей энергией, побуждала к чему-то стремиться, не давала заостенеть в однообразии. Они не обижались на упреки, оправдывались, говоря, что работа, умопомрачительные очереди в магазинах, вечная проблема добывания про-

дуктов и другие домашние заботы — отнимают все время, изматывают, не дают возможности уделить внимание друзьям и своим интересам, выходящим за границы квартиры, но, что это, конечно, их не оправдывает, что это свинство с их стороны по отношению к больной. И все просили передать привет Игорю Сергеевичу, забывая о ее муже.

— Ах, вы совершенно правы! — говорила им Нора. — К сожалению, нас объединяют только праздники, дни рождения, свадьбы и даже похороны. Такова жизнь... Какая скука!

В эти дни Игорь Сергеевич был очень занят институтскими делами, успел слетать в Москву, а когда вернулся, то в тот же день пошел сообщить важную новость корреспондентской чете. Он был в радостном и в тревожном возбуждении от предложенной ему командировки за границу сроком на один год. Это была большая удача, сулившая ему по возвращении защититься на кандидата, а возможно, и на доктора физико-математических наук. Но его волновало, как воспримет Нора неожиданную новость, поймет ли, что это для них самый лучший выход из создавшейся ситуации, самый разумный повод, чтобы оградить себя от слепой страсти, вылечить с помощью времени, забыть все, а потом, когда он приедет, стать просто друзьями и радоваться, что не совершили роковой ошибки, не нанесли жестокого удара близкому ей человеку...

Дверь открыл Петр Егорович, неподдельно обрадовавшись гостю, и сразу потащил его на кухню, где вкусно пахло каким-то мясным блюдом.

— Вы весьма вовремя, — сказал он. — Нора пошла к портнихе заказать что-нибудь летнее, а я вот стряпаю обед. Часам к двум она должна быть. А вам, надеюсь, некуда спешить, так как сегодня суббота. Пока суть да дело — предлагаю выпить коньячку.

«Неужели он ни о чем не догадывается? Тогда отчего такое пристрастие к коньяку? Так и спиться можно...», — подумал Игорь Сергеевич, но сказал:

— Можно и выпить... Я ведь проститься пришел. Уезжаю на год за границу.

Петр Егорович опешил, как-то странно посмотрел и сказал тихо:

— Вот это новость... Только Норе сразу не говорите...

«Все же он догадывается...», — решил Игорь Сергеевич и, выпив коньяк, тут же закурил.

Вскоре обед был готов, стол накрыт, а кухонные часы с кукушкой прокуковали два раза... потом три... и только когда они собирались прокуковать четыре, хлопнула входная дверь и, быстро протолав по коридору, на кухню вбежала Нора в распахнутой шубке, раздумавшаяся,

с горящими глазами, радостная.

— О! кого я вижу! — воскликнула она. — Здравьте! Но как вы можете тут сидеть? Ребятки, милые, вы посмотрите, что делается на улице! Какое небо! Тучки, как белые мазки по голубому. Вороны летают, как пьяные. Весна! Весна! Всюду лужицы. Прелесть! Давайте быстренько поедим и пойдем гулять на берег.

Обедали прямо на кухне, по-домашнему, как свои. Нора без умолку рассказывала о своей беготне по городу, по знакомым, о новостях, а мужчины молча перебрасывались многозначительными взглядами, что не осталось не замеченным.

— Что это вы все перестреливаете как-то странно? — спросила она, прервав себя на полуслове. — Что-нибудь случилось?

— Гм... есть такое, — сказал Петр Егорович. — Наш уважаемый друг покидает нас...

— Как?! Вы уезжаете? — ужаснулась она и сразу же, на их глазах, румянец сошел с ее щек. — Но я... мы так привыкли к вам.

— Это не надолго... всего на год.

— Господи! Ион считает, что это не надолго! Что за необходимость? За границу что ли?

— Да... во Вьетнам.

— Все! Прогулка отменяется, — сказала она и, овладев собой, с напускной торжественностью подняла для тоста рюмку и продекламировала:

— Без славы он уехал за границу — вернулся мировой величиной! Желаю успеха!

И снова, словно ничего важного не произошло, она продолжила прерванный рассказ о своих похождениях, метко копируя мимикой и голосом манеры общих знакомых, что вызывало взрывы смеха.

«Кажется, все в порядке... — подумал Игорь Сергеевич, — теперь в самый раз сослаться на неотложные дела, сказать на прощание что-нибудь веселое, шутливое и уйти...»

Но Нора опередила его. Она вдруг всплеснула руками и вскрикнула:

— Ой, мальчики!.. Я ведь совсем забыла! Мне на примерку к портнихе. — И, обратившись к Игорю Сергеевичу, спросила: — Вы меня дождетесь? Нет? Тогда давайте прощаться...

Все встали. Она наклонилась к себе его голову, чмокнула в лоб и игриво сказала:

— Ведите себя там прилично, чтобы нам не пришлось за вас краснеть. Не давайте волю своей поэтической, увлекающейся натуре. Не забывайте, что вы физик! И будьте заранее готовы к тому, что у вьетна-

мок обворожительные линии бедер и влажный взгляд. Это застрахует вас от опрометчивых желаний экзотической новизны.

— Не волнуйтесь. Я буду вести себя, как паинька... Итак, до встречи через год!

Нора, поглядывая на часы, быстро оделась и ушла, а Игорь Сергеевич, побыв еще минут двадцать и выпив «на посошок», с легким сердцем крепким рукопожатием распрощался с Петром Егоровичем.

— Всех вам благ и удач, — сказал тот, грустно глядя ему в глаза. — Как только вернетесь, сразу заходите...

6

В вечерних сумерках и небо, и улицы, и дома — уже не выглядели по-весеннему празднично, как днем, когда светило солнце. Город казался серым, невзрачным, скучным. Осевший, слежавшийся снег был покрыт налетом копоти, черные лужи на асфальте зияли как провалы, настораживая и заставляя все время смотреть под ноги, а упругий, промозглый ветер проникал под одежду, вызывая дрожь во всем теле.

Подняв воротник, сутулясь, Игорь Сергеевич быстро шагал по направлению к своему дому, думая о том, что вот и закончилось его бессмысленное увлечение и теперь начнется новая жизнь, которая полностью излечит его от безрассудного наваждения страсти, не способной сделать дальнейшее существование чистым, светлым, счастливым... Ему было жаль себя, жаль своей загубленной молодости: и от неудачной женитьбы, и от бесплодного романа с Норой, — и он видел свое спасение только в перемене обстановки, во встречах с новыми людьми, в напряженной работе, которой готов отдать себя безраздельно... Пройдет время, и он еще встретит незамужнюю женщину: умную, преданную и любящую его, которая родит ему двоих-троих детей, создаст в семье атмосферу взаимопонимания, уважения, дружбы, — и он будет счастлив, и будет с радостью идти домой после рабочего дня, заходить в магазины и покупать всем подарки... Так он думал, пока кто-то сзади вдруг не дернул его за рукав пальто...

Он оглянулся и обомлел... Перед ним стояла Нора — с искаженным, вздрагивающим лицом. Она запыхалась, шапочка сдвинулась на затылок, спутанные волосы развевал ветер, из широко раскрытых глаз бежали и растекались по щекам слезы. Было в ней что-то безумное и жалкое.

— За что?! За что ты меня убиваешь? — крикнула она. — За что?

Он испугался, что она сейчас упадет в обморок, схватил ее за плечи

и притянул к себе.

— Успокойся, — сказал он ласково, — прошу тебя! Успокойся... Так надо...

— Что надо? Бросить меня? Да?

— Не кричи... — Он вытер ей ладонью слезы. — Прохожие останавливаются... стыдно ведь...

— А мне не стыдно... Мне ничего не стыдно! — горько сказала она. — Господи, так бежать... еле догнала. Ну почему? Почему ты уезжаешь?

— Это мой шанс. Понимаешь?.. Быть может, единственный.

— Не понимаю! Не хочу... Что мы стоим? Пойдем... пойдем же!

Схватив его за руку, она потянула его за собой. Они устремились неизвестно куда, прямо по лужам, не глядя под ноги, словно опаздывали на поезд. А мимо них мелькали удивленные лица, женские шубки, мужские куртки, шапки, шарфы, перекрестки улиц, автомобили, парадные входы контор, гостиниц и ресторанов, и, наконец, когда перед ними возникли настежь открытые двери в подъезд жилого дома на кокой-то незнакомой улице, они тут же ринулись туда — в гулкую пустоту вестибюля... и, обхватив его за шею, она стала осыпать поцелуями его лицо, глаза, губы. Она была как в лихорадке и, целуя, умоляя, говорила:

— Не уезжай... останься! Я никогда не любила Петю... А тебя люблю... люблю... люблю...

Но он, не находя слов, чтобы возразить ей, убедить, успокоить, — находил выход только в ответных поцелуях в губы, надолго прерывающих ее страстную речь...

А сверху уже слышались чьи-то шаги... Кто-то спускался по лестнице, ступая тяжело, грузно, как ступают больные, престарелые люди, которые уже давно отбегали свое, давно отцеловались и успели все забыть и для которых подъездные поцелуи молодых людей могут расцениваться теперь только как показатель падения нравов...

Прислушиваясь к этим шагам, он подумал, что по «закону пакости» может оказаться так, что в этом доме проживает кто-нибудь из его знакомых или сотрудников и что в любой момент этот кто-то может войти в подъезд, увидеть их — и тогда всюду поползут грязные рассказы, от которых не так-то просто будет отмыться...

Не без усилия он оторвал от себя Нору и, подхватив ее под руку, рванулс вон из подъезда на оживленную улицу, где мало кто удивится, увидев их вместе.

И снова замелькали встречные прохожие, пальто, шубки, куртки, витрины магазинов, парадные входы, перекрестки улиц, пока они не вышли к реке и не оказались в безлюдном месте, похожем на лодочную станцию.

Река еще была скована льдом, но рассеянный свет уличных фонарей позволял разглядеть трещины и проталины, образовавшиеся в прибрежной полосе, которые, предостерегая, указывали на неминуемое разрушение, а на берегу виднелись сиротливо разбросанные лодки и недостроенный дощатый павильон, с северной стороны которого лежал снег и была видна полуоткрытая дверь...

Внутри павильон был замусорен строительными отходами, спотыкаясь о которые, они пробрались в темноте к середине большой комнаты, где он зажег спичку, чтобы осмотреться. Всюду валялись обрезки досок, куски фанеры, разбитые ящики, а возле них лежало на полу дверное полотно, покрытое грязными опилками с наледью.

Он хотел было засветить вторую спичку, но она выбила из его рук коробок и, часто дыша, как загнанная зверюшка, нервно, дрожащими пальцами растегнула его пальто, распахнула свою шубку и словно вцепилась в него каждым изгибом тела, обволакивая теплом, туманя мозг пропикновоетным, опьяняющим поцелуем, и вдруг, сомлев, застонав, повалилась навзничь на валяющуюся дверь, увлекая его за собой. . . .

Растерянный, подавленный, пошатываясь, как после тяжелого похмелья, провожал он домой обессиленную, притихшую женщину, которая добилась своего, а теперь беззвучно плакала...

По пути она зашла в вестибюль ресторана, где было сильно накурено и сновали щеголеватые парни с накрашенными, декольтированными девицами, и стала приводить себя в порядок, а он, ожидая ее у входа и глядя на нее сквозь стекло, стал думать о том, что все его старания противостоять ей потерпели крах, что он навсегда связал себя по рукам и ногам этой странной, сомнительной любовью, похожей более на неврастнический дурман, нежели на возвышенное чувство, делающее сердце всеобъемлющим, вселюбящим и рождающее веру в светлое будущее. Будет ли он счастлив с нею? А она? Не обманывается ли в нем? Не начнет ли, разочаровавшись, искать новых радостей?..

Продолжая наблюдать за тем, что происходит в вестибюле, он увидел, как к ней подошел какой-то немолодой мужчина, одетый в серый импортный костюм, и стал, видимо, предлагать ей составить компанию, на что она отрицательно замотала головой. Но когда она вдруг обернулась, то по ее улыбке и босовскому блеску глаз Игорь Сергеевич сразу определил, что это неожиданное ухаживание незнакомого мужчины ей приятно и что, возможно, при иной ситуации она и поддалась бы на такие уговоры.

Однако на улицу она вышла прежней — молчаливой и грустной, а за квартал от своего дома словно совсем одеревенела, — остановилась и сухо спросила:

– Ты почему всю дорогу молчишь? Нечего мне сказать? Презираешь?

– Не надо... не надо так, — мягко сказал он. — Просто такое состояние...

– Какое такое? Думаешь, я не вижу какое? Идешь и все взвешиваешь, рассуждаешь... А я вот не в состоянии рассуждать. И если ты уедешь, то я все равно уйду из дома...

– Я уеду! Но ты можешь ждать меня...

– Благодетель... Спасибо, милый! А ты подумал обо мне? Подумал, как я буду жить целый год?

Он вздохнул.

– Я не могу не ехать... Придется потерпеть... А когда вернусь, то сразу же найду тебя и объяснюсь с твоим мужем...

– С каким мужем! А ты кто? Упрямый, бессердечный болван! — сказала она с дрожью в голосе и вдруг, сорвавшись с места, быстро зашагала прочь.

Он постоял, глядя ей вслед, пока она не скрылась за углом, и пошел в другую сторону...

7

Зал ожидания был наполнен несмолкаемым гулом, отчего приходилось не говорить, а кричать или тянуться к уху соседа. Здание аэропорта напоминало одновременно и большой улей, и неутомимый муравейник. Все альковы, проходы, лестницы, подоконники были заполнены людьми. Одни спали, притулившись где придется, другие сидели на чемоданах, тюках или газетках, подстеленных по холодному бетону, третьи стояли или бестолково ходили туда-сюда, продираясь сквозь толпу и нагромождение вещей.

На световом табло то и дело появлялись новые сообщения о задержках рейсов по погодным условиям, хотя над аэропортом небо было чистым, доброжелательным и, словно насмехаясь над всеми, светило солнце.

Игоря Сергеевича провожало человек десять сотрудников и мать, которая казалась совсем молодой, была привлекательной, несмотря на свои сорок шесть лет, и за которой с подчеркнутым уважением ухаживал заведующий отделением института, ее одноклассник, холостяк, имеющий небольшую, черную с проседью бородку, подстриженные усы и красивые, веселые глаза. Он был в центре внимания, все время рассказывал что-нибудь интересное и смешное, сам заразительно смеялся, и по

всему было видно, что матери он нравится. И фамилия у него была, соответствующая характеру, — Задорнов.

Все провожающие образовали вокруг Игоря Сергеевича и его матери замкнутое кольцо, сжатое со всех сторон людьми, через которое всякий ретивый пассажир, заметив клочок свободного пространства, стремился пролезть, а один из них даже больно ткнул локтем Задорнова, который вместо того, чтобы рассердиться, засмеялся и сказал:

— Братец, так ведь можно и руку себе сломать! — и, обращаясь к своим, добавил: — Удивительная способность у нас, у русских, — мы до совершенства довели искусство локтевой проходки! — И снова засмеялся.

— Не понимаю — зачем мы тут мучаемся? — сказала, глядя на него, Елсна Викторовна — мать Игоря Сергеевича. — Давайте выйдем на воздух. Все равно еще неизвестно, когда будет посадка на наш рейс.

— Просто и гениально! — воскликнул Задорнов и тут же энергично заработал локтями, пробивая проход для честной компании.

Игорю Сергеевичу симпатичен был этот человек и он считал, что если мать еще думает устроить свою жизнь на старости лет, то пусть не ведет ненужную, длительную игру в ухаживания, а поскорее выходит замуж...

«Надо ей об этом сказать, — подумал он. — Сейчас самое подходящее время им сойтись... Не так ей будет тоскливо, пока я за границей. Наверное, тогда она переберется в его трехкомнатные палаты, а наша квартира освободится для меня и ...», — такой итог мысли очень удивил его — ведь все пока так туманно и, может быть, Нора уже сожалеет о том, что произошло.

Однако у него появилось беспокойство, что она может приехать в аэропорт, что все, увидев, как они смотрят друг на друга, как разговаривают, сразу догадаются — какие у них отношения. А первой догадается мать и нужно будет с ней объясняться...

Рассеянно слушая очередной рассказ Задорнова, он невольно стал посматривать на подъезжающие автобусы и такси, на людей, выходящих из них, и вдруг — так оно и есть! — увидел, как из такси вылез Петр Егорович, а за ним Нора с букетом красных гвоздик.

Обрадовавшись, что она не одна, что теперь все будет выглядеть вполне естественно и не вызовет ни у кого никаких подозрений, он быстро пошел им навстречу, удивляясь, что в одинаковой степени рад каждому из них и рад видеть их вместе.

Нора, со свойственной ей стремительностью, повисла у него на шее, хлопнув букетом по спине, чмокнула в щеку, а Петр Егорович крепко пожал руку и даже обнял за плечи. И всем, кто смотрел на них, было

ясно, что это близкие друзья, привыкшие обходиться без всяких церемоний, которые не могли не приехать на проводы. А Игорю Сергеевичу вдруг подумалось, что все происшедшее с ним и Норой — похоже на странный, неправдоподобный сон, который для всех и навсегда останется тайной и который они сами постараются забыть, сохраняя долгую дружбу...

Однако Елена Викторовна, не спускающая глаз с Норы, воспользовалась случаем и, отведя в сторону сына, сказала:

— Не вздумай, разбойник, разбить эту семью. Она — славная, похоже, что тебя любит, но человек не твоего плана... В ней не чувствуется надежности...

— Не волнуйся, мама... Все будет в порядке, — сказал он уверенно и, вспомнив о своем намерении, посоветовал: — Выходи замуж за Задорнова. И не откладывай это на потом... поторопись.

Елена Викторовна испуганно отшатнулась, покраснела, но тут же нежно обняла его и с благодарностью в голосе произнесла:

— Спасибо... твой совет я учту. А ты будь там во всем поосторожней... Тебя мне никто не заменит...

— И мне тебя. Но это не значит, что ты должна жертвовать собой...

— Ладно, ладно... Не забудь только — дать телеграмму из Москвы.

— И из Москвы дам, и как до места долечу. Не волнуйся...

Увидев, что мать и сын уже переговорили и возвращаются, к ним подлетела Нора с какой-то книжицей в руке, а цветы почему-то перекочевали к Задорнову.

— Можно вас задержать на минутку? — спросила она.

— Конечно можно, — сказала Елена Викторовна, приветливо улыбаясь. — Но, может быть, вам нужно переговорить без меня?

— Ой, что вы? Я хочу сказать, что очень рада нашему знакомству. Игорь Сергеевич так много о вас рассказывал. Мы даже знаем, что вы удивили весь институт какой-то хитроумной программой и вас величают компьютерной богиней.

— О, это преувеличивают! Но и я наслышана о вас, о ваших великолепных фотографиях. Почему бы вам не возглавить какое-нибудь фотоателье? Ведь люди так любят видеть себя красивыми.

— Моя работа тоже интересная, но не стоит о ней говорить. Все в конце концов когда-то надоедает... — сказала Нора и, направив свой обычный пристальный взгляд — глаза в глаза — на Игоря Сергеевича, протянула ему книжицу. — Это от меня и Пети — сжеледильник японского производства, сделанный по заказу нашего Морфлота. Уникальная вещь! Будьте прилежны, ежедневно делайте в нем записи о своей зарубежной жизни, о всех событиях, мыслях, желаниях и т. д. А когда

вернетесь, тогда мы все будем читать этот дневник и делать свои выводы. Вам понятно?

— Еще как! Не жизнь, а сплошной контроль! — сказал, смеясь, Игорь Сергеевич. — Впрочем, очень благодарен.

— Идите сюда! — крикнул им Задорнов. — Хватит секретничать. Есть одно предложение...

Они пошли, а Нора, пропустив вперед Елену Викторовну и придерживав Игоря Сергеевича, зашептала ему на ухо:

— Ну что, любовничек? Как ты себя чувствуешь? Небось рад, что сбегаешь? Беги... беги... Только от себя не убежишь...

Его лоб покрылся испариной. Ему вдруг захотелось ударить ее и он испугался, что может это сделать при всех. Лицо его сделалось таким, что испугалась и Нора. Она поспешно сказала:

— Это шутка! Шутка! Возьми себя в руки. Извини...

— Хорошо... если она будет последней...

— Последней, последней. Обещаю. А ты общай, что сразу найдешь меня, как вернешься. Обещай!

— Обещаю, — сказал он угрюмо. — Куда теперь денусь-то?

— Не сердись. Забудь, что я сказала. Это от отчаянья. Я все понимаю, но так хочется, чтобы ты был рядом... Мне так тяжело...

Он смотрел на нее и видел, что она говорит правду, что ей действительно тяжело и она с трудом сдерживает себя, чтобы не заплакать. Сердце его оттаяло, размякло, и он уже не сердился, а испытывал к ней жалость. Он подумал, что мать ошибается, говоря, что в ней не чувствуется надежности, что если бы у него было достаточно времени на всякие формальности, то он увез бы ее с собой. Он теперь сожалел, что им не удалось все обсудить после происшествия в павильоне, и считал себя виновным в этом. Она, быть может, ждала тогда от него конкретного разговора, как им быть дальше, ждала признаний в любви, в преданности, жаждала ласкового слова, а он всю дорогу молчал, был в подавленном состоянии, и поэтому все вылилось в обиду с ее стороны, горечь, упреки... Да, несомненно, он сам виноват в том, что она говорит ему колкости...

Когда они подошли, Задорнов сказал:

— С общего согласия я преподношу этот букет Елене Викторовне. Игорю он будет только мешать в дороге.

Вскоре объявили посадку на его рейс...

В самолете, откинув голову на спинку сиденья и закрыв глаза, Игорь Сергеевич думал: «Как же на самом деле она будет жить весь этот год? Неужели: ложиться в постель с мужем, а думать о нем? Или она, действительно, уйдет из дома?»

Так и не сумев ответить на эти вопросы, чувствуя навалившуюся усталость и апатию, желая уже думать о том, что его ждет в ближайшем будущем, — он внезапно уснул, и спал крепко до тех пор, пока его не разбудил толчок при приземлении в аэропорту Домодедово...

Прошел год. Новая весна была похожа на прежнюю и, казалось, что вовсе не было быстро промчавшегося лета и зимы, а был только короткий сон, после которого Игорь Сергеевич вышел на улицу и увидел то же самое бирюзовое весеннее небо с размазанными по нему белесыми тучками, те же грязные лужицы на асфальте и остатки поздравного, покрытого копотью снега.

Но это только казалось, так как он успел уже сделать доклад на заседании ученого совета о результатах работы за границей, успел несколько раз переночевать у Задорнова, где хозяйничала его мать, вышедшая замуж еще летом, после отъезда сына, успел прогуляться по берегу реки к лодочной станции...

Там не было уже прежнего сиротливого запустения: лодки стояли в два ряда на стапелях, павильон был выкрашен ярко-синей краской, дверь не была распахнута, но перед нею, как и тогда, еще лежал снег. Протоптав по этому снегу тропинку, подергав запертую дверь и заглянув в окно, Игорь Сергеевич подумал, что, быть может, ничего и не случилось бы прошлой весной — будь в то время павильон достроен, а дверь, как сейчас, на замке.

«Любовь и совесть правят миром», — вспомнил он изречение, претерпевшее долгий путь, прежде чем слово «совесть», сменив другое слово, утвердило нравственную основу отношений между людьми. «А тогда... тогда ими руководил только накопившийся потенциал неисполненного желания, разрядке которого помог случай — открытая дверь... А совесть... совесть оказалась бессильной. Она уступила желанию, что означало падение... Ведь совесть — это нравственная сила, рожденная разумом, и ей в первую очередь должен подчиняться человек, чтобы жизнь становилась лучше, а любовь светлее и чище. Только в единстве с совестью любовь может быть силой, делающей мир прекрасным. Но люди в подавляющем большинстве еще слабы... Страсти ведут их по кривой дорожке, делая несчастными других и опустошая их собственные души... Вот и он — такой же, как и многие, обыкновенный, слабый человек, который не смог или не захотел быть в числе героев, умеющих подчинять свои поступки голосу совести... здравому смыслу...»

Мучаясь, не находя себе места от самоосуждающих мыслей, он под всякими предлогами откладывал и откладывал посещение известной квартиры, но в конце концов, памятуя о данном им обещании, взял дневник — подарок Нора и Петра Егоровича и в семь часов вечера, на четвертый день после приезда, отправился в гости.

Дверь открыл Петр Егорович. Он неподдельно обрадовался неожиданному посетителю, произведя какой-то восторженный гортанный звук и широко разведя руки, чтобы заключить Игоря Сергеевича в свои медвежьи объятия. Могучая комплекция, ссутуленная поза с этими раздвинутыми полу-дугами руками, изогнутые в благосклонной улыбке губы делали его похожим на большого, доброго джинна, готового к услужению, не способного творить зло...

Игорь Сергеевич ожидал, что сейчас, услышав шум, в прихожую выскочит Нора, наполняя ее радостными возгласами, повиснет у него на шее, чмокнет в щеку, а потом отправит их в свой кабинет, где они будут до поздней ночи рассказывать друг другу о всех событиях прошедшего года и читать его дневник. Но она не появлялась... Значит, ее не было дома, значит, она, как бывало часто, где-то еще бежит по своим делам... А Петр Егорович, разомкнув объятия, засуетился, помог снять пальто, сунул ему под ноги тапочки и повел на кухню. Там он сразу принялся варить кофе, вынул из шкафа и поставил на стол начатую бутылку коньяка.

— Вы уж извините, что не убрано, — виновато сказал он. — Ничего не хочется делать по хозяйству...

Действительно: на кухне царил невообразимый беспорядок. Раковина, стол, подоконник были заставлены немытой посудой, к стене был прислонен бумажный мешок, переполненный мусором и готовый каждую минуту лопнуть, а на полу по линолеуму расплылись грязные разводы чего-то липкого, к которым приклеивались тапочки.

«Что за чертовщина? — подумал Игорь Сергеевич. — Когда Нора сидела с поломанной ногой, тут всегда был порядок. Ее Петя все делал сам...»

— Сейчас много работы, — как бы оправдываясь, сказал Петр Егорович, — и я решил нанять экономку. Так что с будущей недели у меня будет идеальная чистота и горячая пища.

«О какой экономке он говорит? — недоумевал Игорь Сергеевич. — Неужели Нора не может уделить час-два, чтобы навести тут порядок? — И вдруг его осенило: она ушла... как обещала...»

Кровь бросилась ему в голову. Тревожно и громко застучало сердце, отдавая ударами в виски. Казалось, что этот стук разносится по всей квартире, что его уже слышит Петр Егорович и сейчас скажет: «Ага,

голубчик! Дошло, наконец, что ты натворил?!»

Но ничего подобного не произошло. Сварив кофе, радушный хозяин поставил на стол турку, налил по полстакана коньяка и сказал:

— Выпьем за ваше благополучное возвращение и за нашу встречу. Срок не большой, а воды утекло много...

Они выпили. Игорь Сергеевич взял ломтик сыра с дырочками, повертел его, как бы разглядывая, и надкусил чуть-чуть. Наблюдая за ним, Петр Егорович вдруг вздохнул и тихо произнес:

— А ведь я развелся... живу теперь один...

Нечто подобное Игорь Сергеевич уже ожидал услышать, так как успел освободиться от внезапного шока и теперь лихорадочно думал, взвешивал обстановку, перебирал возможные варианты происшедшего.

Не услышав ничего в ответ, но увидев, как Игорь Сергеевич нахмурился и потянулся за сигаретой, Петр Егорович упавшим голосом сказал:

— А что мне оставалось делать, если я видел, как она мечется, страдает, избегает близости... а? Я впал в состояние депрессии, пошел и подал на развод. А в наше время, вы знаете, это быстро делается, если детей нет и вторая сторона не возражает... Я предлагал ей остаться жить в своей комнате, но она не захотела.

— Где же она теперь? — спросил Игорь Сергеевич, стараясь не обнаруживать своего волнения, но чувствуя, как его грудь охватывает нервная дрожь.

Петр Егорович, скривив пренебрежительно губы, усмехнулся и, сделав паузу, сказал:

— И месяца не прошло после развода, как она вышла замуж за парикмахера.

— За парикмахера?! — вскрикнул Игорь Сергеевич, не имея сил скрыть своего удивления.

— Да, мой друг, — за дамского мастера. Теперь каждый вечер она делает прически и они ходят ужинать в ресторан. Взаимная интеллектуальная заинтересованность! Но самое главное — он моложе ее на пять лет.

«А он все разузнал, — подумал Игорь Сергеевич, — и хотя говорит с издевкой, ему весьма и весьма не безразлична ее судьба...»

Он был потрясен такой необыкновенной развязкой своей собственной любовной истории, был рад этой несостоявшейся любви, внезапному раскрепощению, эгоистически рад, что в конечном итоге не причинил вред человеку, который считает его своим другом, делится своей бедой... И словно издалека доносится его голос: виноватый, извиняющийся, сожалеющий... Он говорит:

— А я, грешным делом, думал, что это у вас с нею роман. А оно — видите как обернулось? Парикмахер... Я уж сейчас жалею, что так... Лучше бы она с вами была...

Наступило молчание. Невообразимый стыд и раскаянье овладели Игорем Сергеевичем, и он подумал: «Отсутствие того, что делает окружающих людей счастливыми, не может дать истинного счастья одному. Любовь к одному человеку должна быть связана нераздельно с любовью к людям... Только тогда она согласуется с совестью и приобретает могучую силу в управлении миром, направляя его к нравственному совершенству... Душа Петра Егоровича — этого большого, сильного на вид человека — надломлена... и найдет ли она себе новый приют в неразберихе жизни?»

— У меня что-то разболелась голова, — сказал Игорь Сергеевич. — Наверное, сказывается напряжение последних дней... да и ваша новость... Я пойду.

Петр Егорович растерянно улыбнулся, и было видно, что он огорчен.

— Жаль... очень жаль... — сказал он. — А, признайтесь, правда ведь хорошо, что Нора свела нас... Мы чем-то похожи с вами, и судьбы наши похожи... Приходите почаще. И меня, если можно, приглашайте в свою компанию...

— Непременно. Вы и так можете в любое время зайти ко мне. Я теперь один живу... мать замуж вышла.

— Знаю, знаю... Елене Викторовне и Задорнову привет от меня...

— Хорошо... Ну, до скорого! Пока.

Выйдя на улицу, он некоторое время простоял в нерешительности, соображая, куда ему лучше пойти...

Дул сырой пронизывающий ветер — точно такой же, как и год назад, когда он, сломя голову, носился по вечернему городу с Норой... Казалось, ничто не изменилось в его внешнем облике: такие же, быстро движущиеся фигуры прохожих, освещенные витрины, парадные входы в рестораны и гостиницы с важными швейцарами, лужицы на асфальте, зияющие в темноте, как провалы, и все остальное... Но, что же все-таки изменилось? А то... что он теперь идет один... идет медленной походкой не обремененного заботами человека, свободного от мучительных страстей и упреков совести, — и ему некуда спешить... он желает только провести остаток этого вечера наедине... По пути он думает:

«Вот и вся история... хорошо все же, что у нее парикмахер, а не я...»

Придя домой и проверив почту, он обнаруживает письмо без обратного адреса на конверте, но сразу узнает почерк... Она пишет:

«Милый, бессовестный Игорь Сергеевич! Вы, как всегда, бездушны к страданиям женщин и не держите слова. А кто обещал немедленно по приезде посетить меня? Уже прошло четыре дня, как Вы в городе, я вся извелась, а Вас все нет и нет... Прошу срочно навестить мое новое семейство. Я много рассказывала о Вас своему Юрику, и ему тоже не терпится послушать Ваши заграничные дневниковые мемуары. У нас с Юриком прекрасный тандем: он делает прически, а я фотографирую. Я теперь зав. фотоателье. Как видите, совет вашей матушки не пропал даром. С нетерпением ждем Вас. Ваша Н.»

ДОЧЬ ТАЙГИ

1

Одной из июльских ночей Алексей Брескин, молодой человек двадцати трех лет, пребывал в состоянии мучительной неудовлетворенности собой и всем-всем, что выпало на его долю за последние два месяца. Его, без году неделя инженера, не имеющего опыта самостоятельной работы, забросили в самую глубь сибирской тайги и будто бы забыли об этом.

– Не робей, — сказал Алексею начальник строительного управления Дьяков, когда его с пятнадцатью рабочими высадили из речной трюмной самоходки на дикий лесистый берег.

– Обживайся, руби просеку, строй балки, — давал Дьяков ему напутствие. — Твоя основная задача — подготовиться к зимовке. Продукты будем завозить катером, пока идет навигация, а на зиму вертолет закрепим. Главное, что с тобою не холостяки, а семейные. Быстрее обустроится и бузить не будут.

Дьяков уехал и больше не появлялся. Однако продукты, как он обещал, подвозили регулярно. А два раза в месяц прилетала на вертолете кассирша, жеманная девчонка, которая всякий раз, когда выдавала Алексею зарплату, делала удивленное лицо и спрашивала:

– И куда вы тут деньги деваете?

– В тумбочку складываю, — отвечал Алексей, — может быть, посмотреть хотите?

– Ой, что вы! — кокетливо вскрикивала кассирша. — Я ведь шучу. Да и вертолет ждать не может.

После высадки на берег все имущество стали перетаскивать побли-

же к будущей трассе под железную дорогу. Выбрали живописную полянку в кедровом бору, расположенную вдоль узкой протоки с чистой водою, поставили палатки, разожгли костер и устроили пир.

Алексея усадили рядом с бригадиром, к которому все обращались уважительно, называя Иваном Гавриловичем, и замолкали всякий раз, как только он начинал говорить. Высокий, крепкого телосложения, рассудительный, спокойный — он имел странную фамилию Дубина, что в какой-то мере соответствовало его твердому характеру, но ни в коем случае складу ума.

В основном все разговоры сводились к одному — каким быть поселку? Алексей помалкивал, прислушиваясь к высказываниям людей. Когда все наговорились, Иван Гаврилович подвел итог:

— Жить нам тут от силы года два, — сказал он, — значит, и нет надобности строить хоромы, тратить лишнее время и зазря переводить лес. Будем ставить дома на одну комнату. В них зимою теплее и дров нужно меньше. Что касается печек, то они должны быть с духовками, так как неизвестно: смогут ли нас регулярно обеспечивать хлебом. Ну, естественно, и баня нужна.

Под дружным напором, поскольку всем хотелось как можно скорее покончить с романтикой палаточного табора, поселок рос быстро. Алексею нравился веселый дух, который витал над стройкой, вечерние трапезы у общего котла, рассказы и байки о былых временах, песни у костра.

Но как только длинная строчка балков, похожих на курятники, вытянулась вдоль протоки, образуя однобокую улицу, дух первобытной общины стал заметно убывать. Люди разбрелись по своим углам, занялись семейными делами и на место общей сходки приходили все реже и реже. Алексей все чаще замыкался в своем домике, объединяющем контору и жилье, который расположили обособленно, на противоположной стороне улицы. Чтобы как-то заполнить и скрасить однообразие тягучих вечеров, он стал вести дневник и пописывать стихи.

Покончив со строительством поселка, приступили к рубке просеки под трассу. Но с каждым днем работать становилось все труднее и труднее. По мере вырубki увеличивалось расстояние, которое приходилось преодолевать пешком. Лето, как нарочно, выдалось знойное, без дождей, и заедали комары и мошка. Из-за этого полчища кровососов приходилось работать в брезентовых костюмах, обливаясь потом с головы до пят. Люди стали раздражительными и по всем неполадкам обрушивали свое недовольство на молчаливого и сумрачного Алексея, так как более высокое начальство было недосыгаемо. На все его депеши Дьякову приходили устные ответы через накрашенные уста кассирши, что

по укладке путей горит план, что сейчас не до него, и поэтому мелочные вопросы следует решать на месте.

— Скажите, Иван Гаврилович, ну что я могу решить тут на месте? — спрашивал Алексей бригадира. — Что мне — по лесу ходить и среди пеньков искать все, что нужно?

На это бригадир пожимал плечами и отвечал:

— Откуда мне знать? Тебя назначили к нам мастером — вот и решай вопросы, добивайся. А то, что ты за топор хватаешься и с нами стволы валишь, так за это спасибо. Но только толку от этого мало: не для того тебя сюда послали.

Впервые Алексей ощутил и понял, что значит чувство ответственности. Он долго ломал голову, что же предпринять, и, наконец, придумал. Километрах в двадцати была буровая — может быть, там помогут чем-нибудь? Он сел на трактор и поехал по бездорожью попрошайничать.

Когда на следующие сутки он вернулся не с пустыми руками, то вдруг почувствовал себя уверенней и даже осмелился сделать замечание бригадире по поводу некачественной работы.

— Так, как вы рубите — никуда не годится, — сказал он. — Прошу весь лес разделять на деловой и хлысты, все годное складировать, а порубочные остатки сжигать.

Иван Гаврилович несколько опешил, потом хмыкнул себе под нос, но ничего не сказал.

Обычно, вернувшись с работы, люди поспешно сбрасывали с себя отяжелевшую от пота одежду и с разбегу плюхались в прохладную протоку. Освежившись, согнав усталость, они смягчались и ободряюще говорили Алексею:

— Не бери в голову, ежели что в сердцах сказано. Переживем мы эту засуху. А коли так, то и с зимой совладаем. Вот только пора баню ставить. Без бани зимой, что без чарки с женой.

Сказано — сделано, поставили баню, заготовили впрок березовых веников. Теперь можно было в любое время отвести душу: поддать жару, попариться. Алексею нравилось, как бревенчатые стены, пуская янтарные слезы, наполняют воздух густым смолянистым запахом. Баня не пустовала. В ней всегда было шумно и весело. Она сближала людей. Глядя на худощавую фигуру своего мастера, то один, то другой из рабочих зазывали Алексея в гости похлебать щец.

Алексей не отказывался от приглашений, приходил, молча ел щи и выслушивал различные советы.

— Жениться тебе надо, — сочувственно говорили мужчины, — а то живешь один, как сыч, и обстирать некому.

— А кто за него пойдет? — возражали женщины. — Какая современная краля захочет тут жить? Это мы, дуры привыкшие, за мужьями по тайгам таскаемся. А молодым теперича комфорт подавай. А без комфорту и любви нет.

Так шли дни: жаркие, изнурительные, похожие один на другой своей никчемной обыденностью и так не похожие на те представления, которые волновали воображение Алексея, когда он покидал Ростов ради передового «фронта» страны. Где же этот мифический фронт? Вместо живого дела, напряженки, самоотдачи — он прозябает на задворках, занимается чем-то второстепенным, изнывает от тоски. Наверное, кроме Дьякова и смазливой кассирши никто и не знает, где и чем занимается Алексей Брескин.

«Идеалист, — ругал он себя, — вот сиди теперь тут и наслаждайся запахами тайги.»

Ночь тянулась медленно. Спать не хотелось от наплыва безрадостных мыслей. Он то сидел за столом и пил чай, то ходил из угла в угол — три шага туда и три обратно, то выглядывал в окно. Поселок был погружен в дрему и стекла балков поблескивали отраженным светом луны. Казалось, что каждое из них равнодушным пустым окном взирает в его сторону.

Алексей открыл тетрадь, которая лежала на столе, и, повинаясь настроению, написал:

Балки в лесу
из-за стволов деревьев
глазами окон
смотрят на меня...

Но дальше не хотелось напрягать мысли и подыскивать рифму: дувалось совсем о другом. Его раздражало неустойчивое горение керосиновой лампы — потрескивание фитиля и колеблющийся свет, причиной чего была наверняка вода. «Не мог Дьяков хотя бы качественной соляркой обеспечить», — думал он с досадой, вспоминая, как «чихает» во время работы трактор, доставляя ему дополнительные заботы и нарекания рабочих.

Снова заходя из угла в угол, он маялся, чувствуя потребность к какому-либо действию. Замкнутое пространство полумрака, словно давило на него, стесняло дыхание. Наконец, бросив взгляд на кровать, он решительно подошел к двери, пнул ее и вышел на воздух.

В лицо пахнуло смолистым хвойным запахом кедрача. Ночь была теплая, небо чистое, звезды яркие. Четкий контур луны обещал ненавистную духоту. Никаких признаков, никакой надежды на дождь. Поселок покоился в безмятежном сне, предвкушая выходные дни. На середине улицы, распластавшись, дремал пес Кучум. При появлении Алексея он поднялся, лениво потянулся, выгибая спину, и приветливо завилял колечком хвоста.

Эта короткая улочка имела теперь продолжение в виде грунтовой дороги, пролегающей по просеке к берегу реки, месту их недавней высадки. Там нефтяники уже соорудили пристань. От нее берет начало другая дорога, ведущая вдоль берега к деревушке, расположенной в пяти километрах. Побывать в ней Алексею как-то не пришлось, а вот его поселенцы ходили туда часто за молоком и зеленью. Они рассказывали, что в деревне всего два десятка изб, живут преимущественно ханты, а русских только три человека, да и то мужики.

«Схожу посмотреть деревушку», — внезапно решил Алексей, кликнув Кучума. Но тот, повиляв хвостом, направился к одному из балков и улегся у хозяйской двери.

Алексей побрел по грунтовке, поглядывая в глубь леса. Сумерки как нельзя лучше подчеркивали его первозданную дикость, навевали ощущение сказочной таинственности. Какие-то шорохи и похрустывание сучьев говорили о том, что в лесу своим чередом идет скрытая от глаз жизнь.

Там, где дорога круто сворачивала на юг в сторону реки, светился прогал с редколесьем и кустарником, открывающий взору восточную часть горизонта. Желая дожидаться рассвета, о скором приближении которого можно было догадаться по тускнеющим звездам, Алексей умогся на толстой валежине и задумался.

Он стал перебирать в памяти события студенческих лет, вспоминал оживленные ростовские улицы, уютные парки, цветущие акации и пух тополей, разносимый ветром по всему городу, фонтан на Театральной площади, набережную и комфортабельные теплоходы, благоустроенные пляжи по берегам Дона и многое-многое другое. Теперь казалось, что все это давний прекрасный сон, а наяву перед ним простирается огромный однообразный мир, состоящий из бесчисленного количества речушек, озерков, болот и лесов, среди которых он чувствует себя одноклеточным существом, лишенным родной почвы, которая вырастила его, наделив определенными потребностями и привычками, собственными иному — цивилизованному миру. Даже деревушки, разбро-

санные по берегам Оби, поражают своей бревенчато-серой неприглядностью и убожеством в сравнении с казачьими станицами, ласкающими глаз веселой пестротой, строгостью линий и аккуратностью.

Неизвестно сколько бы времени еще продолжались тоскливые раздумья, если бы вдруг справа не послышались хлюпающие по болоту шаги. Алексей насторожился и с любопытством стал ожидать появления раннего бродяги.

Наконец кусты раздвинулись, и на дорогу вынырнула девушка в спортивном трико и рейкой в руках, похожая на студентку, проходящую геодезическую практику. Она стала приводить в порядок костюм, очищая его от липучек, и не замечала, что за ней наблюдают.

Алексей слегка кашлянул.

Девушка подняла голову и острым взглядом рыси уставилась на незнакомца, как бы оценивая силу противника.

— Ты кто? — усмехнувшись спросил Алексей.

Но девушка, не торопясь с ответом, продолжала осматривать молодого человека, заставшего ее врасплох. Постепенно ее напряженные, слегка выдающиеся скулы, стали расправляться в улыбке и она уверенно сказала:

— А я знаю — кто ты.

— Ну и кто же?

— Брескин, инженер со стройки.

— Верно, — подтвердил Алексей, скрыв удивление. И ему тоже захотелось угадать и удивить ее.

Девушка поняла это и, приняв игру, ждала, что он скажет. У нее были длинные прямые волосы черного цвета, крупные миндалевидные глаза с темными зрачками и смуглое продолговатое лицо. Все вроде бы говорило о том, что перед ним представительница какой-то малой северной народности. В то же время он не мог категорично заявить, что она не русская. А то, может быть, она вообще не местная, так как вид у нее городской. Пришла, к примеру, с пристани... командированная...

Сдаваясь, Алексей шутливо сказал:

— А ты, видать, нимфа лесная?

— Нимфа, — охотно согласилась девушка, — а зовут, как у людей, Анна.

— А это для чего? — кивком головы он указал на рейку.

— Инструмент для измерения, — с лукавой неопределенностью ответила Анна и рассмеялась. — Не мучайся. Все равно не догадаешься, пока я сама не скажу. А ты гуляешь или по делу куда идешь?

— Хочу деревушку посмотреть.

— Вот хорошо! Тогда нам по пути. Я там живу.

Девушка своей неподдельной простотой и веселым нравом по нравилась Алексею. Они пошли вместе, разговаривая, как давнишние знакомые.

Алексей узнал, что Анна в прошлом году закончила учебу в техникуме, вернулась в родные края и работает гидрологом, наблюдает за речным режимом. А в настоящий момент идет с гидропоста. Отец у нее русский, потомственный сибиряк, а мать из народа ханты, в чем Алексей может убедиться, если внимательно разглядит черты лица дочери. Она даже остановилась, чтобы он мог посмотреть.

Глядя в ее глаза, которые были совсем близко, Алексей подумал: «А она красивая — эта «Евразия».

Потом Анна стала рассказывать ему, как хорошо тут живется, как угнетенно чувствовала себя в городе во время учебы, как рвалась ее душа поскорее выбраться из плена каменных стен, утомительного шума улиц, отравленного автомобилями воздуха — сюда, в любимые сердцем места, лучше которых нет на всем земном шаре.

— Тут родилась, тут живу, тут и судьбу свою испытывать буду, — гордо заявила она.

— Это в тебе племенная дикость говорит, — сказал Алексей, хотя ему была и приятна ее вдохновенная речь.

— Ну и пусть дикость, — сказала Анна, — а я люблю это все, что видимо, что слышимо вокруг. Люблю слушать лес, пение птиц, встречать зарю на тропе, часами сидеть на берегу и смотреть на Обь. И не надоедает. Я знаю каждое растение, каждую травку, могу лечить. Тут земля моих предков, мои корни. Я выросла в тайге, я ее дочь.

— И все же я не могу понять, как можно обделять себя тем, чего достиг человек, — сказал Алексей. — Для кого же тогда технический прогресс, цивилизация?

— Цивилизация уже стала врагом природы, которая нас породила. Изгадили всю планету, Сибирь, — с горечью сказала Анна. — Вы у себя в городе привыкли к ширпотребу, удобствам, к скорости передвижения, к времяпрепровождению у телевизоров и в этом видите суть прогресса, не замечая, что творится вокруг.

«А у нее своя и небезосновательная философия, — подумал Алексей. — И не глупа она. Весьма не глупа...»

Вдруг Анна подбежала к краю обочины и сорвала растение с метелочкой из фиолетовых соцветий.

— А ну-ка скажи — что это? — спросила она, озорно поглядывая на серьезное, нахмуренное лицо Алексея.

— Удивила, — пожал плечами Алексей, — это самый обыкновенный иван-чай.

– Так уж и обыкновенный? А что тебе известно о нем?

– На силос годится — это точно. Коровы его любят, — сказал Алексей, усмехнувшись.

– Ко-ро-вы, — насмешливо протянула Анна и назидательным тоном педагога сказала: — Могу вам сообщить, товарищ Брескин, что иванчай — удивительнейшее растение. Кроме лечебных свойств, он сберегает молодые деревца от ранних заморозков, излучая тепло, как добрый волшебник.

За разговорами они не заметили, как прошли два километра и оказались у пристани.

Там, несмотря на ранний час, суетились строповщики, работал плавающий кран, бросая грейферным ковшом гравий на высокий берег. Его привезло большое белое судно, на борту которого крупными буквами было написано: ОМСКИЙ — 3.

За пристанью лес отступил, остался позади, и теперь дорога убегала вдаль по травянистой пойме. Трава была в рост человека. От упругого ветерка, который набегал со стороны реки, по травянистому полю катились волны, делая его похожим на беспокойную морскую поверхность.

«Страна дремучих трав, — думал Алексей, любуясь изумрудными переливами, — а мы с Анной, как персонажи из сказки, идущие за тридевять земель.»

Он ощущал прилив сил, телесную легкость, словно не шел, а парил над необозримым простором. Недавнее раздражение, мрачные мысли, внутренняя не уютность — рассеялись, и ему дышалось легко, полной грудью.

3

На полпути вышли к стану покосников, где только зарождался рабочий день. Одни люди заводили двигатели тракторов, другие готовили тележки для доставки зеленой массы на берег, где виднелась недогруженная баржа, а третьи сидели за дощатым столом, вкопанным ножами в землю, и завтракали.

В двух шагах от стола стояла железная печь, возле которой хлопотала женщина, орудуя двумя сковородами. Чудодейственный запах печулей, перебивая аромат луговых трав, невольно раздувал ноздри, щекотал в горле и вызывал спазмы в желудке, так как свежий утренний воздух и пешая прогулка успели сделать то, что называется желанием утолить голод. И тут, как нельзя кстати, женщина махнула рукой,

вооруженной вилкой, приглашая Анну и Алексея к столу.

Такой вкуснятины Алексей никогда не ел. Пирожки были с начинкой из лесной малины, и трудно было удержаться, чтобы, съев один, не потянуться за следующим.

Бородатый покосник, чем-то похожий на бригадира Ивана Гавриловича, поглядывая на Алексея веселым прищуром, вдруг кивнул головой в сторону Анны и сказал:

– Ее-то мы знаем. Здешняя. А ты откель?

– Со стройки, — сказал Алексей.

– Ага, инженер, значит. — Глаза его сделались серьезными а прищур колючим. — Стройка — это хорошо... Может быть, и нужная стройка. Вот только зазря лес изводите. Почему бы кедрач и ельник не обойти?

– Надо бы, — согласился Алексей, — но проектировщики захотели короче дорогу сделать для экономии.

– Без понятия твои проектанты. Так им и передай. Эка придумали экономить — лес рубить. Им бы самим головы поснимать. Сам-то ты из каких мест?

– Из Ростова, с Дона.

– О Доне слышал. Испортили реку. Теперича до нашей добрались... Ну, и как тебе тут? Небось, проспектов и театров нема. Одним словом, тайга да вода — не жизнь, а беда.

– Трудно привыкнуть, — признался Алексей.

– Оно так, не все враз дается. А ты в понятие наше входи, что к чему. Погода своим в Ростове расскажешь, чтоб понятие имели. А без привычки тут... Да что говорить?

Алексей слушал и понимал, что этот бородач, абориген — смотрит на него, как на туриста. Приехал, мол, и уедешь, а мы тут, как всегда. И его охватило ощущение неудобства, стыда за себя и других приезжих.

Допили чай. После четвертого пирожка Алексей счел неприличным тянуться за пятым, хотя очень хотелось. Он вышел из-за стола и стал благодарить за гостеприимство и угощение. Анна, которая все это время просидела молча, сочувственно поглядывая на своего спутника, тоже поднялась, поблагодарила и сказала:

– Приходите вечером за карасями. Отец ловить едет.

Женщина подошла к Анне и сунула ей в руки кулек с пирожками.

– Возьми, детка, на дорожку, пока горячие, — сказала она. — А ты, сынок, — обратилась она к Алексею, — не сердись на мужиков, не обижайся. Болеем мы о лесе.

Деревушка стояла на пригорке. Утренние косые лучи солнца освещали два ряда добротных бревенчатых изб. Такие балками не назовешь. Длинные тени от них падали в сторону берега и обрывались на крутом переломе. За домами паслось несколько стреноженных лошадей, разгуливали коровы, и бегали по траве поросята. Внизу у воды коренастый черноволосый мужчина навешивал на лодку мотор.

— Это отец, — сказала Анна и помахала ему рукой.

— А-а, появилась? — крикнул он и бросил короткий цепкий взгляд на Алексея. — Идите завтракать, да поживей! Ехать пора.

Было такое впечатление, что он ничуть не удивился, увидев молодого человека в обществе дочери.

— А мы не голодные. Покосники накормили, — сказала Анна.

— Ну, тогда на сборы пять минут. Захвати для инженера болотники. Теперь Алексей удивился не на шутку.

— Откуда знает меня твой отец? — спросил он Анну.

— А это уже сек-ре-ет, — пропела она загадочным голосом и звонко рассмеялась. — Идем болотники мерить. И не ломай голову — все равно не догадаешься.

Они вошли в избу. В доме было чисто и сразу чувствовалось, что тут всегда порядок. Стол был накрыт в ожидании Анны, и тарелки прикрывало вафельное полотенце. У окна на табурете сидела маленькая женщина величавой осанки и курила трубку. Она степенно кивнула Алексею в знак приветствия, затем посмотрела на Анну и глазами дала знать, чтобы селились завтракать.

— Нет, мама, мы кушать не будем. У покосников перекусили. А тебе принесли пирожков с малиной, — сказала Анна.

Не проронив ни слова, мать снова кивнула головой и стала смотреть в окно, попыхивая трубкой.

«Странная женщина, — подумал Алексей, — Анна совсем на нее не похожа.»

Когда сбегали по крутому откосу к лодке, Алексей спросил:

— Отца-то как зовут?

— Яков Ефимович, — сказала Анна и вдруг поскользнулась. Алексей ухватил ее за руку, удержал, а она на какой-то миг навалилась на него так, что он ощутил гибкое, упругое тело, отчего ему сделалось как-то не по себе.

Это прикосновение очень взволновало его, что было с ним впервые.

Яков Ефимович отгреб веслами от берега и завел мотор. Лодка резво понеслась по реке, разрезая волны и вскидываясь. Брызги летели в лицо, ветер смахивал их и раздувал за спинами куртки. Было весело. Анна подставляла ладонь, заслоняя глаза, смеялась и рассказывала, как однажды на быстрине они с отцом выловили живого поросенка. Уму непостижимо — откуда он взялся.

Минут через двадцать ткнулись в илистый берег и стали вытягивать на отмель лодку, чтобы ее не смыло течением. Потом надели рюкзаки и пошли через лесную гриву по набитой тропке. Выйдя на голый склон, путники остановились, и Алексей увидел панораму, похожую на акварель художника. Большие и маленькие озера, соединенные между собою протоками, ласкали взгляд нежной бирюзою в золотистой камышовой оправе.

Легко сбежав под горку, Анна сбросила на землю рюкзак и смело шагнула в камыши. Через минуту она уже подводила к берегу узкую долбленку, напоминающую каноэ.

Сначала в долбленку уложили поклажу, а потом стали рассаживаться сами. Алексея посадили спереди, Яков Ефимович расположился на корме, а Анна уселась посередине и взяла в руки весло.

— Сиди прямо, не раскачивайся, а то все купаться будем, — предупредила она Алексея.

Несколькими сильными взмахами весла Анна разогнала лодку, и та стремительно заскользила по спокойной озерной глади.

Как житель приречного города, Алексей имел достаточное представление о квалификации спортсменов в гребле. Его институт всегда участвовал в соревнованиях по этому виду спорта. Поэтому он не мог без восхищения смотреть на четкие, почти профессиональные движения загорелых рук Анны, для которой гребля не являлась самоцелью, борьбой за первенство, а была привычным, необходимым делом.

Вскоре приплыли на карасевое озеро и, не мешкая, стали заводить невод. Занимаясь этим впервые, не имея нужной сноровки, Алексей путался, отставал, спотыкался, увязая в податливое дно. Яков Ефимович ободряюще ему покрикивал:

— Не бойсь! Тяни! Тяни! Влево заходи!

Алексей старательно тянул, пытался, с интересом наблюдая, как всплескивает рыба, попавшая в западню. Когда начали выбирать невод на берег, вода перед ним забурлила, словно стала закипать. Анна зашла по колено в озеро и, ловко подхватывая тонь, следила за тем, чтобы рыба не уходила верхом.

Поймали много — штук двести. На примятой траве, как в чаше, казалось, переливается расплавленное золото.

Анна набросала десяток карасей в ведро и понесла их к деревянной плахе, замытой у воды, чтобы разделать для ухи. Тут только Алексей заметил, что они находятся у обжитого места. В десяти шагах от берега, перед густым кустарником было оборудовано кострище. Роль стола исполнял пустой барабан из-под кабеля, а стульями служили толстые поленья. Рядом лежали заготовленные впрок дрова.

Яков Ефимович запалил костер, повесил над ним ведро с водой и бросил туда луковицу. Когда он принялся чистить картошку, Алексей вытащил из кармана перочинный ножик и подсел помогать. Яков Ефимович одобрительно угукнул и сказал:

— Есть еще рыбка. — Не всю извели. А там где нефть упустили, — мертвое царство. Как бороться с этим, не знаю...

Алексей тоже не знал и поэтому промолчал.

— А бороться надо, — продолжил Яков Ефимович. — Я так скажу: закон очень строгий требуется, чтоб природу сберечь. Чтоб и рыба, и птица, и зверь могли спокойно жить и размножаться. А главное леса сохранить, от которых вся живность зависит. Говорят, что был когда-то в старые времена закон о казни за порубку кедрача. Ты дерево срубил, а тебе за это голову долой. И правильно. А то еще народ самосуд чинил. Разденут догола и к дереву привяжут на съедение мошкой. Так люди понимали преступления перед природой, поскольку кормилица она... А теперь что? Всяк творит, что хочет. И управы нет.

«А ведь прав Яков Ефимович, — подумал Алексей, — был такой закон. Ввел его Петр первый. А теперь другой действует «закон»... «Нефть — народу.» «Газ — народу.» «Химкомбинат — народу.» «Даешь план!» «Лес рубят — щепки летят». И он, Брескин, тоже бездумно рубит. Рыбадохнет. Это факт. Он своими глазами видел тысячи трупов щекура, сыр-ка, муксуна, уносимых течением Оби. А беспомощные дикие утки, которые, быть может, вернулись с юга к своему родному гнездовью и угодили в нефть — это разве не ужасно? Если все живое, вся растительность не для народа, то для кого же? Для инопланетян что ли?»

— Послушай, Алексей, — прервал его раздумья Яков Ефимович, весело сверкнув глазами, — ты вот, наверное, думаешь: зачем, мол, столько карасей выловили при моих рассуждениях? Так?

— Да нет. Я не об этом думал, — ответил Алексей. — Тут, мне кажется, ваше полное право ловить сколько требуется. Ведь не для наживы ловите?

— Правильно рассудил. Уху сварим тут и дома, покосникам надо дать, а остальное на план колхозу.

– А далеко колхоз?

– Не очень. Час ходу на лодке.

Разговаривая, Яков Ефимович суеился у ведра, как колдун над колдовским варевом. Он то принюхивался, то что-то туда бросал, доставая из жестяной банки, то пробовал на вкус.

Когда в их беседе наступил перерыв, Алексей невольно вернулся к теме своих размышлений. Он вспомнил, что в Нижневартовске на одном из зданий видел плакат, на котором было написано: НАША ОСНОВНАЯ ЗАБОТА — НЕФТЬ И ЛЮДИ. «Вот-вот, — подумал он, — даже люди ушли на второй план. Тут шагнули дальше... Не нефть людям, а люди для нефти. Что же происходит вообще с образованным большинством? Технари, потерявшие интеллект? А я сам к какой категории отношусь?... Бородач-покосник возмущается порубке леса и говорит, что мы без понятия. А ведь оно так и есть. Женщина, которая угощала пирожками, сказала: «... Болею о лес». Яков Ефимович строгого закона хочет, чтоб природу сберечь. Анна восхищается иван-чаем, который излучает тепло и оберегает молодые деревца... Кто они — эти люди? Не в них ли заключена та сила, данная природой, которая предназначена для самосохранения вида, то есть «человека разумного». Анна... она действительно неотделима от всего, что тут видимо и слышимо...»

Алексей посмотрел в ее сторону. Анна сидела на полене, подперев ладонями щеки, и наблюдала за действиями отца. Даже в ее неподвижной позе угадывалась какая-то удивительная сила, похожая на энергию ростка, взрывающего почву и раздвигающего камни. Она словно впитывала окружающее пространство и тут же излучала его. В этом, согласованном с нею мире, все казалось, приобретало глубокий смысл.

Невольно он стал сравнивать ее с теми девушками, к среде которых привык, с которыми сидел в одной аудитории, ходил на вечера и в походы, ездил на спортивные соревнования, дружил и целовался. Все они были чем-то похожи друг на друга, как люди одного племени. И это многоликое племя, имеющее немало достоинств, было совсем другим, не таким, как Анна. Какая, например, городская девушка отважилась бы одна ночью ходить по лесам и болотам? Большинство из них даже при виде безобидной мышки поднимают невообразимый визг, от которого можно оглохнуть. А Анна, наверное, просто-напросто прихлопнула бы мышь веткой или поймала бы и посадила в карман.

Рядом с Анной, уверенной в каждом своем движении, становилось спокойно на душе, исчезала нервозность и на все смотрелось словно ее глазами.

– Анна, ты боишься мышей? — спросил он.

Она удивленно вскинула брови.

— Батюшки! А я думала, что ты о чем-то серьезном задумался. Ну что в них может быть страшного?

— Я так и думал, — сказал Алексей.

— Готова ушица! — возвестил Яков Ефимович и вручил Алексею деревянную ложку. — Когда ешь такой ложкой, — пояснил он, — то уха во сто крат вкусней и губы не обжигает.

В завершение он бросил в уху уголек.

Ели прямо из ведра. Ушица пахивала дымком и была очень вкусной.

6

Подошел к концу теплый август, и ночи стали прохладными. Наступила неповторимая пора, насыщенная богатствами природы, накопленными за лето. Это и пестрое разнообразие красок, и тихая грусть увядания, и шумный гам таежных лесов и озер от возросшего населения пернатых и зверюшек, и торопливая суета в подготовке к встрече суровой сибирской зимы.

Ближе к реке, где лес был смешанным и рос кустарник, яркими рубинами засверкали зонтики рябины и калины. А в кедровом бору, когда на вершины деревьев налетали порывы ветра, градом сыпались на мшистую землю увесистые шишки.

Стоило зайти в любую кущу, как от изобилия грибов начинали разбегаться глаза. Тут и подосиновики, и маслята, и моховики, и царь грибов — белый, не говоря уже о всех остальных. Такой гастрономический ассортимент делал людей избалованными. Каждый ходил и выбирал — какой срезать, а к какому и наклоняться не следует.

На вырубках, на сухих пойменных местах радовали глаз ковровые поросли брусники и черники. Сюда в утренние зори, покидая убежища среди густых ветвей, слеталась боровая птица и нередко, вспархивая из-под ног, пугала шумным хлопаньем крыльев сборщиц ягод. А над головами в разных направлениях со свистом проносились стайки уток и куликов.

Мужчины ходили стрелять дичь, и гулкие одиночные выстрелы хорошо были слышны в поселке. Обычно каждый что-то приносил, так как старались стрелять наверняка, сберегая порох и дробь, которые не так-то просто было раздобыть. Алексей тоже иногда промышлял со своей одностволкой, возвращаясь то с уткой, то с тетеревом или глухарем, отдавая добычу Ивану Гавриловичу — спецу по приготовлению жарко-

го.

Все, что только дарила урожайная осень, собиралось и добывалось жителями поселка в запас на долгую зиму. Возле балков на подстилках выросли горки ягод, под свесами крыш висели низки грибов и вялилась рыба. Свежим расколом белели поленницы дров.

Неожиданно в пятницу прилетел вертолетом Дьяков.

— Устал, — сказал он Алексею, — отдохну тут у тебя пару дней.

Дьяков привез сгущенное молоко, индийский чай, растворимый кофе, а главное — свежую капусту. Люди были довольны и будто забыли о претензиях, которые собирались высказать. Хитрый Дьяков.

Он обошел весь поселок, заглянул к каждому из жильцов, удовлетворенно крикнул, зайдя в баню.

— Глянь-ка, по всем правилам соорудили, — сказал он, — и каменка хорошая, и полати трехъярусные. Эх, попаримся!

Потом пошли смотреть вырубку на трассе.

Там было чисто: пни выкорчеваны и сожжены, деловой лес сложен в штабели, отходы разделаны на дрова. Дьяков словно остолбенел от удивления, стал, как вкопанный, почесал в затылке и посмотрел на Алексея так, будто впервые увидел.

— А ты хозяин, Брескин, — сказал он. — Спасибо тебе. Нужно Еремина прислать, чтобы посмотрел. А то долблю ему о порядке, долблю, а никакого толку. А ты молодец! И сам ведь, без нажима.

Вечером парились в бане. Дьяков пыхтел, охал от удовольствия, просил хлестать не жалеючи березовым веником, выбегал и с разбегу бросался головой вниз в протоку, потом опять просил похлестать.

Алексей хлестал с полной руки.

«Это тебе за то, что на просьбы не реагировал, — говорил он мысленно, — раз! раз! А это за солярку с водой — раз! раз!»

Но Дьяков только побряхтывал удовлетворенно и приговаривал:

— Еще! Еще! Покрепче!

После бани он сам взялся заваривать индийский чай. Ополоснул фаянсовый чайник кипятком, подсушил его на огне, отмерил ложкой заварку, и напоследок укутал полотенцем.

— Кто так не делает, тот ничего в чае не понимает, — сказал Дьяков.

Во время чаепития он стал расспрашивать: много ли дичи тут, далеко ли ходить за ней, и есть ли у Алексея ружье.

— Есть, но простенькое, одностволка, — ответил Алексей.

— Это неважно. Не в ружье дело, а в стрелке. А для меня добудешь ружье? Руки чешутся, как пострелять охота.

— Найдем, Меня знакомые из деревни пригласили на охоту. С ними и пойдем.

– Вот и ладно, значит, постреляем, — потирая руки, сказал Дьяков.

7

Перед рассветом сели в кабину грузовика и поехали в деревушку. Анна выбежала на шум мотора и удивленно вскрикнула:

– Батюшки, что случилось?

– Мой начальник приехал, потому и на машине. Знакомьтесь.

Анна протянула руку.

– Ого! — удивился Дьяков. — А рука-то у вас крепкая, как у мужчины.

Вошли в дом. Яков Ефимович был уже одет по-походному, а мать Анны накрывала стол. Дьяков представился и объяснил, что страсть как хочется пострелять.

– Постреляете, — сказал Яков Ефимович, — я место присмотрел. Птицы много, но далеко идти. Поэтому на лошадях поедем.

Он окинул Дьякова взглядом.

– Умеете верхом?

– Могу, — уверенно сказал Дьяков. — Мои предки казаками были.

– Тогда порядок. Пойду лошадей готовить. А вы пока плотно поешьте.

Мать Анны поставила на стол большой казан с пельменями. Дьяков, следуя совету хозяина, принялся с таким аппетитом их уплетать, словно из голодного края приехал. Алексею же есть еще не хотелось, и он вяло перебирал в тарелке.

– Ешь, ешь, — заметив это, сказала Анна, — а то быстро устанешь и будешь мазать.

Она была заметно возбуждена, ела быстро, а покончив с едой, надела поверх трико безрукавку и опоясалась патронташем.

Когда вернулся Яков Ефимович и сказал, что лошади готовы, все, кроме Анны, закинули за плечи рюкзаки и поспешили во двор. Дьяков обошел выделенную ему лошадь со всех сторон, погладил по холке и сказал:

– Ну что, милая, тряхнем стариной?

С легкостью, удивительной для его тяжеловатой комплекции, Дьяков поставил ногу в стремя и в один миг оказался в седле. Лошадь зарцавала, а он, натянув поводья, с видом лихого наездника сначала удержал ее, а потом пустил рысью по небольшому кругу, чтобы на него полюбовались.

Убедившись, что Дьяков в верховой езде не новичок, Яков Ефимо-

вич упругим плавным движением также оседлал свою лошадь. Теперь все смотрели на Алексея, который замешкался, не попадая ногой в стремя. Когда он, наконец уселся, Анна, казалось, вспорхнула, чтобы куда-то улететь, но, передумав, опустилась в седло.

Первыми в паре поскакали Анна и ее отец.

Дьяков крикнул Алексею:

— Где это ты научился на коне скакать?

Анна, услышав, развернулась, приблизилась к ним и сказала Дьякову:

— Ох и упорный ваш Брескин. Я и счет потеряла — сколько раз он падал. Утрет ушибленное место и снова забирается в седло. Так и научился.

— Еще не очень, — признался Алексей. — Как только на галоп перехожу, так начинаю сползать набок.

— А ты не напрягайся, держи себя расслабленно и в стремяна упирайся, — посоветовал Дьяков. — Седло, брат, это не стул, чтоб на него всей массой давить.

Поговорив, Анна догнала отца и вдруг стала показывать вытянутой рукой куда-то вперед и влево. Яков Ефимович посмотрел из-под ладони и что-то ей сказал. Анна тут же прищепила лошадь и понеслась по травянистому лугу. На ходу она сдернула из-за спины двустволку и, придерживая левой рукой поводья, правой держала ружье на изготовке.

— Смотри! Она идет наперерез стае уток, — сказал Дьяков. — Судя по всему, это кряквы.

Внезапно, резко остановив бег, от чего лошадь встала на дыбы, Анна привстала на стремянах, вскинула одной рукой ружье и выстрелила дуплетом. Две утки, как подрубленные, отделились от стаи и камнем рухнули вниз.

— Феноменально! — воскликнул изумленный Дьяков. — Да это настоящая амазонка!

Анна возвращалась неторопливой рысцой, победоносно держа добычу в руке. Ее лицо выражало довольную улыбку.

— Рядом с вами нам нечего делать, — сказал Дьяков, когда она приблизилась.

— В любой стрельбе бывают удачи и неудачи, — ответила Анна. — Брескин тоже стреляет хорошо.

— Ах, этот Брескин, — шутливо произнес Дьяков, — все-то он умеет, всему-то тут научился. И на коне скакать, и уток стрелять. Смотри, Алексей, не проворонь эту девушку. А то кто-нибудь из-под носа мигом уведет.

– Не уведут, — сказала Анна, — я люблю Алексея.

Это было так неожиданно, что Алексей сначала улыбнулся, как шутке, а потом вдруг почувствовал, что бледнеет.

Анна посмотрела на него, и на ее лице выразился испуг.

– Алеша, тебе плохо? — спросила она с тревогой. — Я не в шутку сказала. Я очень люблю тебя.

– Ну и ну, — сказал Дьяков и покачал головой. — Прямо Ромео и Джульетта.

Яков Ефимович внимательно посмотрел на Анну и Алексея и, ничего не сказав, поскакал дальше. Дьяков улыбнулся.

– Хорошо, что ты хоть с коня не упал, — сказал он Алексею. — Дождался? Вот это девушка! Молодец! Теперь-то не мямли. — И он, шлепнув слегка ладонью лошадь, стал догонять Якова Ефимовича.

– Действительно, я чувствую себя виноватым, — сказал Алексей.

– Пустяки, Алеша. Разве это важно, кто сказал первым то, что давно известно обоим?

Они скакали бок о бок. Алексей наклонился к Анне, взял ее руку и приложил к щеке.

– Я не очень был уверен и не хотел зря тебя тревожить, — сказал он. — Но теперь могу сказать, что без тебя мне будет очень плохо. И если ты согласна, мы всегда будем вместе.

– Я согласна, Алешенька. Я так счастлива... Давай догоним своих.

Они пустили лошадей в галоп.

Вскоре добрались до кормового болота. Лошадей стреножили и оставили пастись на лугу. Яков Ефимович распорядился в расстановке стрелков для соблюдения безопасности и чтобы не мешали друг другу. После этого все разбрелись по своим местам.

Птицы было много. Утки мотались над болотом, перелетая с одного края на другой, и попадали под выстрелы. Об удаче охотника возвещали громкие плюханья, которые так же хорошо были слышны, как и свист налетающих крыльев.

Алексей, думая о том, что произошло, стрелял с запозданием, на вскидку в угон, всякий раз удивляясь попаданию.

Когда солнце поднялось высоко, утки тоже стали летать выше, и стрелять по ним уже не имело смысла. Яков Ефимович, сложив руки рупором, крикнул отбой.

Сошлись к тому же месту на луг и подсчитали трофеи. Всего оказалось восемнадцать штук. Больше всех настрелял своей одностволкой Алексей.

– Это оттого, что у тебя стимул появился, — съязвил Дьяков.

– Стимул. А вам, видать, завидно, — не остался в долгу Алексей.

— Ого! А он уже кусается. — Дьяков иронически усмехнулся. — Вот вам наглядный пример, как портят человека успехи.

— Ничего. Он молодой, исправится, — сделал серьезное лицо, сказала Анна. — А вы — совсем уже безнадежный сатирик.

Все рассмеялись, а Дьяков громче всех.

— Какие дальше будут указания? — спросил он Якова Ефимовича.

— Указание одно. Едем к нам варить шулюм.

На обратном пути устроили скачки. Анна вырвалась вперед, но вынуждена была вернуться, так как Алексей свалился с лошади. Поэтому победителем оказался Дьяков, не подозревая, что Яков Ефимович схитрил, отстав всего на два корпуса.

Дьяков, раздуваясь от напускной важности, когда появился Алексей в сопровождении Анны, сказал:

— Ничего, браток, тренируйся. А когда меня обгонишь, я куплю коня и подарю его тебе.

Уток щипали сообща во дворе. Дьяков не переставая шутил, предлагая тут же сделать пуховую «думочку» и подарить чемпиону по стрельбе. Яков Ефимович соорудил кострище, установил большой котел и стал смолить уток. Анна и мать тут же взялись их потрошить и, не обмывая, кровяных, бросать в закипающую воду.

Дьяков сделал страшные глаза, на что Яков Ефимович сказал, что в этом и есть самый смак.

Когда шулюм был готов, мать принесла двухлитровый графинчик с чем-то очень крепким. Получился будто бы праздник.

8

Под конец дня в воскресенье Дьяков улетел, пообещав выполнить заявку, которую Алексей составил вместе с бригадиром.

— Теперь я у тебя весь в долгах, — сказал он полушутя-полусерьезно, — за охоту, за баню, а главное — за трассу.

После этого, через неделю, прилетела кассирша и привезла, кроме зарплаты, приказ с благодарностью Алексею за образцовую работу и премию в размере оклада.

— Можете положить в тумбочку, — сказала она, — а я могу посмотреть.

— Очень сожалею, но тумбочки уже нет, — ответил Алексей. — Я ее поколол на дрова и сжег.

— Шутить изволите? — жеманно поведя плечами, сказала кассирша. — Хотите открою вам один секрет?

— Сгораю от нетерпения, о загадочная сеньора, Альбина. Я весь внимание, — сказал Алексей, принимая игривый тон, как удобный щит от серьезного разговора.

— Так знайте, я прилетела с ночевкой, и мы можем о чем-нибудь поговорить.

«Этого мне только не хватало», — подумал Алексей и похвалил себя за предусмотрительность.

— Обязательно поговорим, — сказал он. — Особенно меня интересует тема вещих снов. Вам не снилось накануне что-нибудь вещее?

— Нет, не снилось. Я спала крепко, — озадаченно произнесла Альбина.

— Это плохо, — сделав нахмуренное лицо, сказал Алексей, — это очень плохо. Нам нужно немедленно что-то предпринять... Вот что, срочно идите к Марии Семеновне. Она вас в комнату определит. Как только постель будет готова, сразу ложитесь спать и постарайтесь увидеть любой сон. А утром мы его обсудим.

Фыркнув и метнув на Алексея злой взгляд, Альбина спросила:

— Ходят слухи будто вы собираетесь жениться на какой-то тунгуске. Это правда?

— Увы. Тут ничего не скроешь. Весною переезжаю жить в юрту.

— В юрту? — ужаснулась Альбина. — Что же вы будете делать там?

— Спать на оленьих шкурах. Есть сырую рыбу. Ходить на медведя, — с серьезным видом сказал Алексей. — Моя невеста очень любит медвежий жир.

— Фу! Какая гадость! А я уж было поверила вам, — она скривила губы и, уходя, бросила: — До вечера! Поговорим все же.

«Вот чудо в перьях, — подумал Алексей. — Пофлиртовать хочет... или женить на себе? Интересно, как бы мама реагировала, если бы он привез такую фифу? Бедная мама: она там, в Ростове, невесту ему подбирает. Хочет, чтобы на нее была похожа. Такая же скромница, заботливая, любящая, как она папу. А он сам нашел. Понравится ли ей Анна? Наверное, да. Не может Анна не нравиться.»

Алексей подошел к зеркалу и представил себя рядом с Анной. «А что — он не красавец, но и не урод. Анна, пожалуй, красивее. Зато у него мужественное лицо, твердые складки губ и выпуклые надбровные дуги, придающие впечатление суровости. Только вот глаза смотрят так, словно он чему-то удивляется».

— Алексей Аркадьевич, хватит собою любоваться. Беда! — услышал он за спиною голос бригадира Ивана Гавриловича. — У пристани лес горит.

— Ну вот... чего боялись, то и стряслось, — сказал Алексей, чувствуя,

как похолодело в груди. — Нужно поднимать всех до единого, Иван Гаврилович. И технику тоже. На машину грузите багры, лопаты, топоры, помпу. Поедем группой — сколько уместимся. За остальными машину вернем.

Минут через двадцать были у места пожара. Горел сухостой на площади, занятой редколесьем. Главную опасность представлял воспламенившийся растительный слой почвы, пересохший за знойное лето. Огонь двигался сплошной невысокой стеной, над которой, как свечи, вспыхивали одинокие стволы. В тылу догорали и тлели остатки валежин и пней, черная земля дымилась, источая едкий газ, клочья пепла плавали в воздухе, возносимые горячим потоком. Вековой бор в полукилометре от всепожирающего огня ждал своей участи. Нужно было отсечь подступы к нему, чтобы предотвратить грандиозную трагедию.

Алексей стал расставлять людей рубить деревья и кустарник в двухстах метрах от адской стены, прикинув время, необходимое для создания защитной полосы. Туда же поползли и два трактора для растаскивания порубки.

В это время из деревушки прискакало на лошадях несколько человек. Яков Ефимович, который был среди них, крикнул Алексею:

— Сейчас телега плуги подвезет. Будем перепахивать.

Рабочие с пристани подкатили цистерну с водой и стали заливать водой огонь. Алексей увидел, как к ним приблизилась Анна, размахивая рукой и показывая в его сторону.

«Молодец Анна, — подумал Алексей, — это она сюда хочет их направить. Там бесполезно лить. Капля в море огня.» — Так и было. Цистерну покатали к нему.

— Поливайте перед полосой, что мы рубим, — сказал он рабочим с закопченными лицами.

Подъехала телега с плугами. Деревенские мигом запрягли в них лошадей и стали перепахивать вырубку. Все зависело от того — будет или нет готова полоса. Все работали, как черти на пожаре, да еще в преисподней. Черные, прокопченные, исцарапанные, но довольные, так как успели.

Когда огонь подобрался вплотную, отступили назад и с замиранием сердца стали ждать.

Изломанная линия пламени, подойдя к перепаханной просеке, выравнивалась и постепенно опадала.

— Наше счастье, что нет ветра, — сказал Иван Гаврилович Алексею. — А то и поселку была бы хана, если бы лес начал гореть.

Над местом происшествия вдруг появился пожарный вертолет.

— Наверное, в колхозе заметили пожар и сообщили в райцентр, —

сказал кто-то. — Теперича беспокоиться нечего.

И, словно по команде, люди потянулись к берегу реки.

— Большое дело сделали, — сказал Яков Ефимович, подойдя с Анной к Алексею, — столько леса сберегли! Стыдно было бы рядом с такой срамотой жить. Что внукам бы сказывали?

Анна взяла Алексея за руку и сказала:

— Поехали к нам ужинать. А к утру обратно верхом. Я провожу.

Алексей вдруг вспомнил кассиршу Альбину, которая ждет его, чтобы поговорить, и рассмеялся.

— Ты чего? — удивилась Анна.

— Да так. От того, что все хорошо закончилось.

Он предупредил Ивана Гавриловича, что будет в поселке только к утру, и поехал в деревню.

9

Во второй половине сентября начались нудные дожди. Казалось, что им не будет конца. Моросило с утра до вечера, а ночью по осветленному луною небу проносились низкие клочковатые тучи. В лесу было сыро, а на впадинах, заливая дорогу, образовались большие лужи. Люди ходили в одинаковых длиннополых плащах с капюшонами и резиновых сапогах.

Но все знали, что это не надолго, что до конца навигации остались считанные дни.

Одна за другой стали приходиться баржи с материалами и техникой, круглосуточно заработала пристань, не прекращался ни на минуту гул моторов и грохот железа. Между пристанью и трассой, словно цепочка из муравьев, двигались туда и обратно автомобили. Все говорило о том, что надвигается штурм. Как видно, Дьякова забеспокоил план будущего года.

Алексей, не зная усталости, недосыпая, закрутился в водовороте нагрянувших событий, радуясь всему и стараясь передать эту радость другим. Но Иван Гаврилович предостерегал:

— Погоди радоваться. Поздно спохватилось начальство. Вот ударят морозы, станет река, и будем до следующей навигации козла забивать. А вскрывается река не ранее середины мая. Будет, конечно, зимник. Но, вопрос: когда? Да и не привезти всего по зимнику.

Так оно и случилось. Последнюю неделю месяца стало подмораживать по ночам лужи и вдоль берегов озер, а первого октября вдруг повалил снег. Утром проснулись, а вокруг все белым-бело.

Однако быстрое течение Оби еще не сдавалось, и по фарватеру вверх и вниз проплывали караваны и малые суденышки. Капитаны, которые доставляли грузы для стройки, говорили Алексею полушутя, чтобы рубил для них хату, так как ненароком могут и зазимовать в ледовом плесу. Это казалось ему веселой шуткой, пока и вправду — разом, за одну ночь, не забило всю реку от берега до берега шугой, а на следующий день она уже была скована монолитным панцирем льда. Несколько барж и буксиров так-таки и оказались вынужденными зазимовать.

Пока шла суета по выгрузке, перевозке, укрытию для сохранности прибывшего добра, расквартированию людей, остающихся на зимовку, подкатил ноябрь и ударили тридцатиградусные морозы.

— Не волнуйся, — говорил Алексею бригадир, — это еще почти жара. Скоро будет за минус сорок — вот тогда и запоем.

Новые «дары» природы рождали новые заботы. Петь было некогда. Задудли сильные ветры, закружили метели, и все засыпало на метр снегом. Теперь, чтобы пустить технику, жгли костры и грели воду, рассчитывали проходы и проезды, откапывали балки.

Связь с внешним миром была прервана. Открытие зимника можно было ожидать не ранее конца декабря, когда болота перестанут дышать остатками внутреннего тепла, а лед на речках и протоках наберет прочность. Неизменными остались только рейсы вертолета.

Но не только это принесла зима. Преобразился вид поселка, облагороженный белыми шапками-сугробами, появились новые запахи. Пахло дымком, сушеными грибами, квашеной капустой.

Преобразился и лес, омертвев от холода. Исчезли птичьи голоса. Только иногда раздавались в тишине гулкие постукивания одинокого дятла да слышались скрипы закаменевших от стужи стволов деревьев, раскачиваемых ветром. Тот самый покосный луг, где Алексей и Анна ели пирожки, превратился в снежную пустыню, над поверхностью которой сиротливо торчали былинки.

Преобразилась и Анна. На голове у нее появилась песцовая шапка с длинными ушами, похожими на кашне. Носила она короткую меховую шубку, сделанную в талию, а ноги плотно облегали высокие, как чулки, киссы из меха оленьих ножек.

В деревушку, откуда-то с севера, пригнали оленью упряжку, и Анна часто стала навещать Алексея по вечерам, а на выходные дни увозить к себе. Все поселковые любили Анну и называли принцессой из сказки... Она часто привозила и раздавала свежую рыбу, которую отец добывал в майне на реке, участвовала в торжествах по случаю дня рождения кого-либо из рабочих.

В ясную погоду, взяв ружья, молодые люди становились на лыжи и

уходили в тайгу. Анна учила Алексея своим приемам бесприцельной стрельбы, учила разбираться в следах, разжигать костер и готовить место ночлега.

В начале января Дьяков сделал приятный сюрприз — прислал «Буран» с короткой запиской: «Это тебе на зиму вместо коня. Привет знакомому семейству. Возможно, скоро навещу.»

Алексей радовался, что все, в конечном итоге, складывается у него хорошо. И сибирские пейзажи не кажутся уже отчужденными, и в преимуществах городской жизни он начал сомневаться, и исчезла, будто ее и не было, тоска. А главное — весной пойдет укладка пути и они с Анной совершат свадебную поездку на тепловозе, украсив его еловыми ветками...

Но радоваться Алексею пришлось недолго.

10

В начале февраля прилетела, как обычно, кассирша. Она выдала рабочим зарплату, а потом зашла в конторку к Алексею и сказала:

— Вас срочно вызывает Дьяков. Полетите сейчас со мной.

— Ты что — ошалела? — возмутился Алексей. — Почему сразу не предупредила? Мне же хоть час нужно, чтобы собраться.

— Извините, но не учла. Только вертолет ждать не будет. Светового времени не хватит на полет.

«Все ты учла, стервоза мстительная», — подумал Алексей и, как бы раздумывая, проговорил: — Так... бумаги нужные подобрать, Дубину найти, чтобы предупредить и возложить ответственность за участок на него на период моего отсутствия... Нет, не успеваю. Вот что, милейшая Альбина, летите без меня и доложите Дьякову, какую вы «козу» устроили.

— Вы что? Он же сказал: срочно!

— Вот и объясните ему, что вы не «учли», а я по этой причине следующий раз прилечу.

— Ладно, я поговорю с экипажем, собирайтесь, — зло сказала Альбина.

— А зачем я ему понадобился? — спросил Алексей.

— Откуда мне знать? Вам виднее. Может быть, вы план не выполняете. За последнее время он уже несколько выговорешников раздал. Бесится.

Она пошла к вертолету, а Алексей написал записку Анне и стал разыскивать Ивана Гавриловича.

Бригадир пожал плечами, когда Алексей спросил, что может означать вызов начальства без каких-либо видимых причин.

— Во всяком случае Вас вызывают не для того, чтобы орден вручить, — сказал он, поморщившись. — От таких неопределенных вызовов хорошего ждать нечего. Если на совещание приглашают, так говорят по каким вопросам, чтобы подготовиться можно было. А так... не знаю.

— Ну, а за что, как вы думаете, нам могут претензию предъявить? В чем мы могли проштрафиться? — не унимался Алексей.

— Думаю, что у нас претензий больше, — уверенно сказал Иван Гаврилович. — Хотя ни за что ни про что могут и по шее дать. «Жираф большой — ему видней», как пел Высоцкий.

— Все-таки я не могу понять. Он же обещал сам прилететь.

— Значит, ему не до нас... другие дела затирают. Только, действительно, непонятно тогда, зачем ему ты... Впрочем, если схлопочешь выговор, не переживай. Не сдавайся, главное. Режь, что держит нас материалами. Валяй, лети.

В вертолете Альбина под села вплотную к Алексею и, напирая плечом, всю дорогу дышала ему в ухо, рассказывая о себе, о балдежной компании, с которой она хочет его познакомить, о записях на маге, роке и прочем, от чего у него заболела голова. Он постарался не слушать ее, не думать о причинах вызова, а стал думать об Анне.

Прилетели в город, когда уже стемнело. В аэропорту их ждала вахтовая машина, которая отвезла в общежитие. Не оправдав и на этот раз надежд Альбины, он распрощался и рано лег спать.

11

— Ну, как дела? — спросил Дьяков когда Алексей зашел к нему в кабинет.

— Не очень. Морозы давят, а техника слабая, ломается. Нужны запчасти, трос, масла, горючее. Снегоочиститель хорошо бы иметь, бульдозер еще бы один. Совсем утонули в снегу, — рассказывал Алексей.

— Да-да, суровая зима нынче, — согласился Дьяков и заходил из угла в угол. — Ну, а как там Дубина? Как настроение у людей?

— Ругают вас. Материалов мало.

— Да-да, ругают. Не успели все забросить...

«Что он все дадакает? — подумал Алексей. — Чего темнит? Говорил бы зачем вызвал.»

А Дьяков все ходил и о чем-то раздумывал. Алексей замолчал и стал ждать. Наконец, походив, Дьяков остановился перед Алексеем и ска-

зал:

– Пойми только меня правильно, Брескин... Я не вижу другого выхода. У тебя уже есть опыт по освоению трассы... весьма положительный опыт. А мне некого больше послать туда...

– Куда послать? — похолодев, глухо спросил Алексей.

– На подготовку нового участка. Он позарез будет нужен к концу лета. Я понимаю, что обидно... Но что мне делать? Я не приказываю. Я прошу...

Алексей угрюмо молчал, наклонив голову, глядя в пол. Рушились планы, надежды, мечты. Пугала разлука с Анной. Больно было расставаться с людьми, с которыми сблизился, сроднился и готовился к большим делам. А деревушка? Она стала для него родным домом. Неужели он все это оставит? Дьяков просит... Ему, конечно, виднее, кто и где нужен для дела. Но обидно, очень обидно. Анна должна понять, что он не может отказаться, не имеет морального права. Они все равно будут вместе.

– Это не так уж далеко, — будто из подземелья донесся до Алексея голос Дьякова, — всего на сто двадцать километров севернее. Будешь изредка навещать Анну. А то пусть сразу едет с тобой. Чего весны ждать-то?

– Она ведь тоже работает, — возразил Алексей. — Кроме того, я хочу, чтобы моя мать приехала весной, познакомилась бы с родителями Анны, пожила у них. Нет уж, если ехать, то поеду пока один.

– Молодец. Спасибо тебе, — удовлетворенно сказал Дьяков. — Из тебя со временем толковый руководитель получится. Ты у меня не сидишься в мастерах долго. А что касается Анны, то мы ее можем геодезистом взять на работу, чтобы при тебе была неотлучно.

– Хитрый вы, — сказал Алексей, улыбнувшись.

– А куда денешься? Хочешь жить — умей вертеться. Ну что, по рукам?

– По рукам-то — по рукам... — Алексей вдруг посмотрел в упор Дьякову в глаза и с новой для него твердостью в голосе отрезал: — Только просто так я не поеду!

– Как так?

– А так. Чтоб все до единого гвоздя было. Хватит, я намучился летом не без вашей помощи. А сейчас зима на дворе.

– Хорошо. Договорились. Пока возвращайся, а через неделю пришлю тебе замену и будем организовывать экспедицию.

Поскольку вертолет был запланирован на следующее утро, Алексей пошел по магазинам. Он купил три одинаковых рюкзака: Якову Ефимовичу, Анне и себе. Взял запас пороха, дроби и папковых патронов.

Труднее всего ему было решить, какой подарок сделать матери Анны. В конце концов, он увидел набор эмалированной посуды, раскрашенной пестрым орнаментом, и набил ею полный рюкзак. Купив два флакона дорогих духов, он вдруг с удивлением вспомнил, что ни разу не замечал, чтобы Анна пользовалась какой-либо парфюмерией.

Когда Алексей вернулся в поселок, к нему сразу же пришел Иван Гаврилович. Узнав причину вызова, он досадливо махнул рукой и сказал:

— Эх! А что я тебе говорил? Хорошего не жди.

Поговорив с бригадиром, Алексей завел «Буран» и поехал в деревушку.

12

Они обнялись впервые. Анна расстегнула на Алексея полушубок, сунув руки за его спину, и спрятала голову у него на груди. Она казалась маленькой и беспомощной, хотя последнее было обманчиво.

Анна слышала, как сильными толчками бьется близкое ей сердце. Теперь оно принадлежит ей. Не беда, что предстоит разлука: их любовь не может от этого пострадать. Да и что это за великое расстояние — сто двадцать километров? Если пораньше утром выехать на оленях, то к обеду можно уже быть там. Нет, не будут они томить себя долгими ожиданиями встреч. И до весны не так уж и далеко. Раз дело требует — значит, надо ехать Алеше. Видно, что ценят его. Он добросовестный, умный... и добрый. К ней относится тепло, бережно. Чувствуется, что она нужна ему на всю жизнь.

Анна вдруг ощутила легкое прикосновение губ на виске. Она подняла лицо им навстречу, подставляя свои губы.

У Алексея ныло сердце. Привык он к частому общению с Анной. Тоскливо ему будет без нее. Теперь ему трудно представить, как бы он жил, если бы не встретил ее. Наверное, так же бесцветно, как многие живут в городе, превращаясь в мещан. Знала бы мама — насколько изменились взгляды и интересы ее сына, как он счастлив, что повстречал и полюбил девушку, так не похожую на всех других. Она бесхитростна, энергична, отважна, а ее романтика основана на реальной окружающей действительности. Милая, любимая, как хорошо, что ты есть. Так думал Алексей.

Через три недели, сидя в вагончике, который стоял в кедровом бору, так похожем на прежний, Алексей при свете керосиновой лампы писал письмо матери.

«Дорогая мамочка, очень прошу тебя приехать в мае, так как у меня нет никакой возможности взять отпуск. Думаю, что тебе будет интересно посмотреть, как я живу и работаю. А главное — я хочу, чтобы ты познакомилась с девушкой, на которой решил жениться. Мы очень любим друг друга. Ее зовут Анна. Она добрая, умница, ко всему способная. Чем-то похожа на тебя. Она тут родилась и выросла. Настоящая дочь тайги...»

БРАКОНЬЕРЫ

Дул неназойливый западный ветерок, и по ночному небу медленно проплывали серые клочковато-шерстистые облака. Сквозь их частые разрывы мелькала блеклая луна, похожая на лепешку с надкусанным краем. Ее появление высвечивало всякий раз широкое русло реки с темными вытянутыми пятнами лесистых островков, с конусочками баке-нов, покачивающихся на плавной волне, и юркие моторные лодки, несущиеся куда-то хищными птицами.

В прохладном полумраке, прижимаясь к пологому левому берегу, стремительно, по щучьи, скользила против течения узкая лодка — кал-данка.

В лодке находились двое: старик и восьмилетний мальчик. Сидя на корме и запрокинув голову, мальчик разглядывал небо. Ему казалось, что это не облака уплывают вдаль, а бежит, догоняя лодку, одинокая, печальная луна. Отчего она такая унылая? Может быть, завидует земле, где в морях, озерах и реках водится рыба?

— Деда, а, деда, — окликнул старика мальчик.

— Чего тебе? Боязно?

— Да не-е... Спросить хотелось чего-нибудь.

— Ну, спроси, коли хочется.

— Деда, почему на луне воды нету?

— Вот те задача! Да откуда мне знать? — удивился старик. — Какая нам забота до этого?

— Скукотища там, — грустно заметил мальчик. — Что за радость без рыбы?

Старик согласился:

— Правильно говоришь. Мы, Пальяновские, никак без рыбы жить не

можем. Поболее ста лет рекой кормимся. Только все тяжелее и тяжелее добывать ее. Запретами обложили нашего брата, а сами реки травят.

– Во-во! — восторженно воскликнул мальчик. — Я видел, деда, как по Оби несло уймищу дохлой рыбы!

– В том-то и главная беда, — огорченно сказал старик. — А рыбнадзор нам руки обрубает. Люди веками рыбу ловили, а ее не убавлялось. А теперь...

– Но мы поймаем, деда?

– Всяко может быть... А поймаем — так бабка пирог с нельмой испечет.

– Хорошо бы...

– Однако, Андрюха, время уже не на небо смотреть, а на берег. Гляди-ка лучшее.

– Я гляжу... Лозняк видать у самой воды.

– Ага! Тута и переждем, — старик вздохнул. — Слышал я, однако, что инспекторов понаехала свора. И с округа, и с области. Шныряют по всем пескам. Злющие, як псы!

– Злющие?

– А то как же? Опять у них вышла промашка с Тасманом.

Старик сделал веслами последний рывок, и лодка мягко скользнула по дну, высунув нос на маслянисто-черную поверхность берега. Тут же неприятно пахло илом.

– Теперь, Андрюха, позорнее поглядывай на песок. Как что-нибудь заметишь — сразу скажи, — сказал старик и, устало обмякнув, закрыл глаза.

– Угу, — сказал мальчик и любопытствовал: — А какая промашка у инспекторов вышла?

– О-о-о... Это целая исто-о-рия, — протянул старик, не открывая глаз. — Есть такой Бутаков Тасман. Манси... А, может, — полукровка? Неважно. Где он живет, в чуме или нет — никто толком не знает. Но у города, у песков постоянно вертится и рыбакам помогает от рыбнадзора уйти. Почему? Не знаю. Ненавидит он их люто...

Старик вдруг умолк и насторожился.

– Померещилось что ль? Глянь, Андрюха, позорнее.

Мальчик замер, прислушиваясь и вглядываясь в загадочно-непроходимое пространство. От напряжения глаза заволакивало слезами, а запах ила становился невыносим и, словно проникая в желудок, вызывал тошноту. Сплюнув за борт, мальчик выпрямился и тут же вскрикнул:

– Фонарики!

– Это очередь устанавливают. К плаву готовятся, — уверенно ска-

зал старик. — А мы подождем пока... Если суматохи не будет, то и мы плав сделаем. Нам и одного хватит... — помолчав, он высказал предположение:

— Ежели инспектора на Зубатинский песок нацелились, то и Тасман тут объявится. Тогда жди потехи — покружит он их!

Прошло несколько минут и старик снова насторожился. Прислушавшись, он сказал:

— Пошел первый плав...

Ничего не видя, старик и мальчик одинаково представляли: как быстрое течение несет воровскую лодку, как шлейф провяза, словно нена сытное существо, отягощается живым трепещущим серебром, как азартный гребец умело направляет стремительную упряжку, упиваясь своим опасным звездным часом.

— Пора! — скомандовал старик и толкнул лодку на воду.

Они поменялись местами. Мальчик взялся за весла и, подражая деду, размеренными движениями направил калданку в полуоборот к течению, а старик с привычной сноровкой стал сбрасывать за борт провяз, который, распускаясь, образовывал теряющийся в темноте пунктир из поплавок.

Время, казалось, остановилось. Стояла пугающая тишина. Но река уносила и уносила их от опасного места. Мальчика стала пробирать мелкая дрожь. От чего? От ночной прохлады? Осенью на реке всегда ознобно...

Наконец томительное ожидание достигло желанного мгновенья. Старик стал выбирать сеть. Она — живая, трепещущая — ложилась на дно калданки и продолжала там бушевать, шлепая по бортам.

И тут, словно ниоткуда, истошно ревя моторами, рассекая ночь лучами прожекторов, к плавному песку устремились три инспекторские лодки.

— Эх, ма! — приглушенно вскрикнул старик, но при этом продолжал начатое дело без лишней суеты.

А за спиной уже были слышны крики и брань. Прогревели выстрелы, и к облакам взлетели три ракеты. На большой площади стало светло, как в цирке на манеже. В его центре металась дьявольски увертливая лодка, а инспекторские катера, гоняясь за ней, старались захватить ее с двух сторон.

Между тем, покончив с сетью, старик пересел за весла. Знание реки и чувство времени не обмануло его. Устье протоки, которое он заранее имел в виду как возможное убежище, открыло родные объятия и поглотило бесшумное суденышко.

Направляя калданку вдоль затопленного берега протоки, поросше-

го осокой и камышом, старик зорко вглядывался в бегущие навстречу заросли. Наконец, он нашел то, что искал, — едва заметный узкий прогал. Эта водная тропинка была настолько тесна, что стоило немалого труда, хватаясь руками за растительность, протаскать лодку в глубь материка. Впрочем, это был не то, чтобы материк, а перешеек между протокой и озером. Старик знал, что за этим озером есть еще два, и все они соединены ручьями и имеют связь с протокой как бы по окружности.

Едва беглецы спрятались в зарослях перешейка, как в протоку влетела громкоголосая моторка и стремглав промчалась мимо, нагнав высокую волну. Вслед за нею, с интервалом в минуту, а, может быть, и в две, прошли гуськом три инспекторские лодки.

— Так им его никогда не поймать, — шепнул старик, — а пока гонятся гуртом — с песка все и разбежались. Опять утер им нос Тасман.

— Так это он утек, деда?

— А кому же еще быть, как не ему? — в голосе старика прозвучали нотки гордости, будто бы Тасман был ему близким родственником.

Когда вдали затихли шумы моторов, старик подвел итог гонки:

— Ушел Тасман. Укрылся где-то у второго озера, а инспектора проскочили мимо и ушли в Обь через третье. Нам туда нельзя возвращаться. Будем ночлег искать.

Протащив вручную калданку до озера, беглецы взяли курс на северный лесистый берег. Там и сухо, и дров для костра в избытке.

Сразу попав на удачное место — кем-то уже обустроенное скамейками из валежин вокруг размытого дождями кострища — старик сгреб в кучу сучья, которых для начала было вполне достаточно, и чиркнул охотничьей спичкой об терку. Поручив мальчику собрать побольше дров, он принялся за приготовление ухи.

Вскоре в цинковом ведерке, подвешенном на длинную жердь, забурлило варево. Старик и мальчик сидели рядом, спиной к лесу, и задумчиво смотрели на огонь. Оба, будто заново, переживали недавние события, приведшие их к этому укромному убежищу.

Первым нарушил молчание мальчик:

— Деда, ты не досказал мне про Тасмана. Какая промашка вышла с ним у инспекторов?

— Да такая же почти, как час назад. Правда — есть разница, — старик хохотнул, развеселившись, и пояснил: — Пустил Тасман слухок, что большая компания на Юганскую Обь нацелилась. Сыграл он на человеческой слабости — пуще всего верить слухам. И не промахнулся. Устроили там грандиозную облаву. Недельку до того стратегию разрабатывали в конторе. А в результате — кроме Тасмана, никого там не встрети-

ли. Да и он ушел. А рыбаки в тот день по другим местам промышляли, так как предупреждены были — куда соваться, а куда — нет.

Закончив рассказ, старик наострил уши и сказал:

— Не слышать тасманова мотора. Где он теперь-то?

— А тута я, Тимофеич, тут! — раздалось у него за спиной.

От неожиданности старик и мальчик подпрыгнули, вскочив на ноги и изумленно глядя на человека, который, словно призрак, внезапно возник перед ними. Тасман был доволен произведенным впечатлением и улыбался, растянув рот, как колобок, который «и от бабушки ушел, и от дедушки ушел...»

— Пугливый ты что-то стал, Тимофеич. Ой, однако, пугливый! — сказал Тасман, лукаво подмигнув.

— Тьфу, бес! — сплюнул в сердцах старик. — Так ведь и кондрашка может хватить.

— Зато я не инспектор. Однако, почему рыбу и провяз не спрятал?

— Вот дурень я старей, — забеспокоился старик. — Они могут враз на огонек прилететь.

— Могут, могут, — подтвердил Тасман. — Только погоди маленько суетиться. Я лодку свою подгоню сюда и помогу все следы замести.

Когда Тасман приплыл на веслах, чтобы не создавать мотором нежелательного шума, все дружно принялись за неотложное дело. Рыбу и сеть уложили в мешки и закопали в лесу, замаскировав хранилище пластами дерна. А излишек земли унесли с собой и высыпали в воду.

— Ни в жисть не найдут, — удовлетворенно рассудил Тасман, потирая руки. — А искать будут. Утром гости приедут, и мы их встретим, как положено.

К предстоящей встрече сделали необходимые приготовления: прямо перед станом поставили сеть с ярко-белыми поплавками — коротенькую, словно игрушечную, а на берегу воткнули в песок несколько рогатул и уложили на них удочки. Сполоснули лодки.

— Дяденька, почему ты всем помогаешь, а у самого лодка пустая? — удивленно спросил мальчик.

— На то причина самая простая — люди должны помогать друг другу, — ответил Тасман. — Если человек думает только о себе, удачи ему не будет. Моя рыба плавает еще. Мне большая удача нужна. Зима-то длинная, а я не медведь, чтобы спать и лапу сосать. В моем чуме хватает ртов.

Подумав, Тасман добавил:

— Не всем я помогаю. Те, кто для наживы ловит, — это худые псы. Им я не помощник.

Управившись с делами, компания уселась вокруг костра.

Тасман провел рукою по языкам огня, словно погладил их, и сказал:
– Самое время поесть. Дух голода уже требует — вертится в желудке и кричит.

Мальчик с интересом слушал Тасмана и с восторгом смотрел на него. Его смуглое лицо, испещренное мелкими морщинками, казалось маскарадной маской, скрывающей деятельного и ловкого молодого человека. Андрюху одолевало любопытство.

– Дяденька Тасман, а сколько тебе лет? — робко спросил он, зная, что взрослые считают такой вопрос не совсем уместным, особенно когда он задается женщинам. Но Тасман ведь не женщина.

Тасман рассмеялся и, хитро подмигнув, шутливо ответил:

– То-то я смотрю, что ты зыркаешь: то на деда, то на меня. Сравниваешь? А я вот не помню сколько мне лет. Может, шестьдесят, может больше, а то и тридцать, может быть. Отца бы и мать спросить, да они ушли, оставив тело в земле.

Вот ведь какой Тасман — что ни скажет, все интересно, но не все понятно и новые вопросы возникают. Глаза мальчика откровенно выражали это. Тасман, став серьезным, объяснил:

– Понимаешь, Андрюха, дух человека в теле живет. А умирает тело — и дух без него ходит. Может быть, рядом ходит, а мы не видим. Большим шаманом надо быть, чтобы увидеть его и поговорить с ним.

Не первым был Андрюха, чье воображение уводил этот человек в необычном направлении. Для многих, кто его знал, Тасман был загадочной личностью. Ему были знакомы неведомые тропы в глухих, гиблых местах, его знание древних обрядов и легенд вызывало всеобщее изумление и уважение. Когда он рассказывал о каких-либо чудесах, свершившихся хоть сто лет назад, хоть в прошлое лето — ему безоговорочно верили. Было такое впечатление, что Тасман жил всегда и был всему очевидцем. Например, в позапрошлом году он будто бы был в верховьях Конды и встретил там шерстистого лесного человека трехметрового роста, который помог ему соорудить плот и которого он называл Менком. Иногда Тасман предостерегал рыбаков от походов по безымянным ручьям, впадающим по правому берегу в Юганскую Обь. Есть, мол, один из таких ручьев — узкий и глубокий — который через систему озер тянется, виляя, километров на сто. Некоторые люди, попавшие в его верховье, бесследно исчезли. Там, будто бы, даже земля сама по себе вспыхивает высокими столбами огня, а погубив человека, огонь затухает. Быть может, там святое место и духи защищают его от непосвященных.

Старик разлил уху в деревянные миски, искусно вырезанные из кедрового капа, и раздал деревянные ложки. При такой посуде — ни руки,

ни губы не обжечь.

Прежде чем приступить к еде, Тасман отломил кусочек хлеба, положил на него рыбку голову и бросил в огонь. Старик понимающе кивнул и сделал тоже самое. И снова мальчик не удержался, чтобы не спросить о такой диковине:

— А для чего вы это сделали?

— Сорни-най тоже хочет есть, — строго сказал Тасман. — Видишь — она руки протягивает, просит.

Андрюха взгляделся в огонь и ему действительно стало казаться, что это не пляшущие языки пламени, а множество движущихся рук, которые не только просят, но и отдают свое тепло ласковыми прикосновениями. Он подумал и последовал примеру старших, бросив в костер ломоть побольше.

— Когда сидишь у огня, всегда тянет смотреть на него, — сказал старик. — Смотришь... смотришь... и на душе светлее становится. И покойнее...

— Это дух, золотая тень входит в человека — тень вечности, — пояснил Тасман.

— А кто такая Сорни-най? Фея? — спросил мальчик.

— Нет. Феи — это Мисне. Три сестры. А Сорни-най — главная богиня. От нее вся жизнь зависит на земле, все удачи и неудачи. Если захочет она, то защитит нас утром от рыбных инспекторов. Однако, пора ночлег готовить. Постель в тайге должна быть, как теплое гнездо.

Поручив старику и мальчику нарубить елового лапника, Тасман вбил в землю несколько стоек и натянул на них брезент в виде экрана против костра, а с боков придавил его валежинами. Получилось нечто похожее на пещеру. Пол этой пещеры он застелил ветками хвой.

— Годится? — спросил он, довольный своей работой.

— Еще как! Мягкая, — сказал мальчик, на что Тасман философски заметил:

— Постель, даже самая мягкая, хороша для короткого сна, а не долгого отдыха. Вставать-то нам рано надо.

Засыпая, мальчик слышал, как Тасман говорил деду: — В городе опаснее, чем в тайге. Там больше хищников, чем в лесу. Они свирепее и не насытнее, чем росوماха. Волчьи глаза на улицах встречаются чаще, чем в урманах. Там нет открытого огня, очищающего душу, делающего взгляд добрым и мудрым. Золотая богиня не любит города...

Это была последняя фраза, которую мальчик воспринял уже издавна. А перед восходом солнца ему приснился сон — будто на противоположном берегу озера появилась женщина с золотистыми волосами, развивающимися как языки огня. Всплеснув множеством рук, она как

на крыльях, слетела на синюю гладь и заскользила по ней мимо белых крылатых лодок. «Это и есть Сорни-най», — догадывается Андрюха и с замиранием сердца наблюдает, как она быстро движется в его сторону, заглядывает ему в лицо и дышит теплом. Наконец, она превращается в большое ослепительно-лучистое пятно, на которое невозможно смотреть...

Мальчик заслоняет глаза ладонями, протирает их кулаками и начинает понимать, что уже проснулся и сидит на постели, а в проем пещеры-палатки бьет утренний солнечный луч.

Видение сна мгновенно сменилось картиной реальности. Рассекая озеро пополам неслась к стану моторная лодка, а на берегу сидела пара беззаботных рыбаков с удочками в руках.

«Не разбудили...» — подумал мальчик с обидой и вдруг ахнул: — Инспектора! — но, увидев, что дед и Тасман не проявляют какого-либо беспокойства, он принял невозмутимый вид, подошел к берегу, уселся рядом с дедом на бревно и тоже взял в руки удочку.

— Однако, плывут, проткни их рыбаь кость! — сказал Тасман беззлобно. — В новой жизни нет старых скоростей — быстро плывут. Только поймать меня не могут.

Инспекторская лодка обогнула ставную сеть и на крутой волне, словно белые чайки заплесали поплавки. Сделав крутой вираж, она лихо влетела носом на зашипевшую песчаную отмель. Молодцеватым водилой оказался инспектор, лет двадцати пяти, какой-то дерганый, с копной черных волос на непокрытой голове.

— Голова мохнатая — умом не богатая, — шепнул Тасман на ухо старику.

Второму инспектору в зеленой фуражке было на вид не менее сорока лет. Из лодки он вылезал не спеша, даже с признаками какой-то скуки. Видимо, надоела ему вся эта маята с погонями и протоколами.

— Вот этого опасаться надо. Опытный следопыт, — снова шепнул Тасман.

— Здорово, рыбаки! — гаркнул молодой, сиганув из лодки.

— Привет-привет, — охотно ответил Тасман, изобразив на лице добродушную, невинную улыбку. — Раненько вы пожаловали. Что не спится-то?

— А то не знаешь? — сказал лохматый и, стараясь пригвоздить противника тяжелым взглядом, спросил: — Почему, к примеру, ты убегаешь ночью?

— А у меня, к примеру, игра такая. Вы гоняетесь, а я убегаю. Мне нравится.

— Ничего — разонравится, когда поймает. Научим тогда рыбнадзор

уважать. Понял?

Не меня на лице выражение добродушия, Тасман ответил:

— Чего же не понять? Только я и так уважаю хороший рыбнадзор. А плохой — кто будет уважать?

— Это кто же для тебя плохой?

— Да тот, к примеру, который сам закон нарушает, недозволенным ловом занимается или, скажем, отберет рыбку у браконьера, а государству не сдаст, себе оставит. А бывает и такой рыбнадзор, который подряд все сети заберет без разбору — незаконные и законные — а потом их продает и деньги в свой карман кладет или протоколом пугает, чтобы взятку ему дали. Кто будет такой рыбнадзор уважать?

— Ладно, хватит язык чесать. Говори, где рыба?

— Какая рыба? Рыбы нет — щука одна.

— Посмотрим, посмотрим — потом сами жалеть будете. Никакой поблажки не дадим.

Инспектора осмотрели берег и лодки — ни единой криминальной чешуйки. Потом направились к лесу.

— Это я их по ложному следу пустил, — сказал Тасман. — Специально наследил в сторонку, а наши походы пушистой веточкой ликвидировал.

Минут через двадцать инспектора вернулись на берег.

— Зазря время потеряли, — сказал Тасман. — Старик вывез мальчика удочками побаловаться, а ставная сеть — это чтобы не с пустыми руками вернуться. Можете измерить ее — точно по норме.

— У вас все по норме. Даже лодочки помыты, чистоплюи чертовы!

Теперь не оставалось сомнений, что этого, лохматого, вот-вот доконали досада и он что-нибудь выдаст своим тридцатидвухзубым ртом. Так оно и вышло.

— А ну-ка, дед, раскалывайся — где спрятал провяз и рыбу? — сказал он, угрожающе выпятив нижнюю челюсть. — Я видел, как ты плава делал. А не скажешь — лодку продырявлю! — И он вытащил из-за пояса ракетницу.

— Ты дулом не размахивай, а то под суд попадешь, — сощутив глаза, предупредил Тасман. — Сказали тебе, что рыбы нет — и отвяжись от старика.

— Заткнись! Не тебя спрашивают, — прорычал лохматый, обвел всех взглядом и остановил его на мальчике.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Андрюха.

— В школу ходишь?

— Хожу. В первый класс.

— Вот и хорошо. Поди сюда. В школу с тобой поедем.

Старик растерялся. А Тасман сквозь зубы жестко процедил:

— Никуда он не поедет.

— А я говорю, поедет! — сказал инспектор и направился к мальчику.

В два прыжка Тасман оказался у костра, схватил обгоревшую жердь, на которой до этого висел котелок, и стал между мальчиком и ретивым инспектором.

— У меня знаешь какая профессия? — спросил он, держа в руке жердь, как копьё.

— Ну и какая? — с ухмылкой поинтересовался инспектор, поигрывая ракетницей.

— А такая — таежная. Я там родился и привык против хищного зверя, если винтовки под руками нет, вот такой штукою обходиться.

Пожилой инспектор, который до этого момента молча наблюдал происходящую сцену, наконец, вмешался:

— Хватит, Волков, ничего ты не добьешься. Поехали.

— А-а, так ты еще и Волков? Подходящая для тебя фамилия, — сказал Тасман и засмеялся. А когда инспектора были уже в лодке, крикнул вслед: — Однако, плохой рыбнадзор — это еще который ракетницей грозит и колданки протыкает.

Лохматый выматерился и рванул с места так, что моторка чуть не выпрыгнула из воды.

Когда опасные посетители скрылись за мысом. Тасман сказал:

— Это еще не все. Теперь будут в бинокль наблюдать. А мы пока с удочками посидим, ухи сварим, чаю попьем. Пусть сыщиков тоска заест.

Так и сделали, внушая зависть служителям закона, плохого закона — придуманного во вред таким людям, как старик и Тасман.

Когда же осеннее солнце, уже не имея сил забраться высоко в небо, повисло у самых вершин деревьев, — рыбаки-браконьеры залили водой тлеющие угли в костре, смотали удочки, просушили ставную сеть, освободив ее от карасей, окуней и шук, и стали разъезжаться.

— Ты, Тимофеич, не беспокойся, — сказал Тасман, — ночью я привезу тебе провяз и рыбу. Твой дом, как я помню, четвертый от коровника. Так? А ты старуху свою попроси, чтобы нацедила для меня пузырек вечернего молока. Это для внука.

Так Тасман открыл одну из своих тайн. У него есть внук! Совсем маленький еще — раз ему нужно свежее парное молоко.

Возвращались домой налегке, без страха.

Обь была спокойная, серебристо-сияющая, как сплошное плесо.

В СТОРОНЕ

Рассказ

Горин вышел из землянки и прислушался к звукам раннего утра. Над головою, перелетая с ветки на ветку, пошумливали непоседливая сойка. Чуть дальше, в молодом ельнике, пересвистывались рябчики. Еще дальше, на лесистой гриве, слышались отчетливые пощелкивания глухаря.

За гривой лежало большое клюквенное болото, потом опять грива, потом опять болото. Так, перемежаясь, леса и болота простирались далеко на запад. С этой стороны ждать Горину было некого, разве что заблудившегося охотника.

С востока, за стометровую полосу кустарника, путь к землянке преграждал оконечный залив озера и ручей с топкими берегами, по которым ни человеку, ни зверю не пройти. Чтобы попасть сюда, нужно идти около двух километров на юг, обходя опасные места.

С севера, сливаясь на горизонте с небом, огромное как море, поблескивало озеро. Оно казалось неодолимой преградой, надежным хранителем покоя этих мест. Но, прежде всего, именно отсюда появлялись пришельцы на моторных лодках, которых привлекало устье ручья.

За заливом, огибая болота, извивалось полотно грунтовой дороги, убегающей за озеро к поселку. Стоя на берегу в ясную погоду, можно было по желтым песчаным откосам различить ее отдельные высокие участки и движущиеся по ним точки. Это ползли нагруженные хлыстами лесовозы. Гул, доносившийся оттуда днем и ночью, постоянно напоминал Горину о том, что жизнь в отделенном от него мире идет своим чередом.

Послушав окружающие звуки, не обнаружив в них ничего нового,

Горин направился сквозь кустарник к берегу. За кустарником — бревнышко к бревнышку — пролегла узкая лежневка, оканчивающаяся небольшим причальным помостом на деревянных сваях. У помоста, вторя легкой волне, покачивалась остроносая долбленая лодка.

Следуя установленному им правилу, Горин пришел сюда, чтобы проверить: нет ли каких посягательств извне на его владения. Ступив на помост и окинув беглым взглядом озерные дали, он оглянулся. Как он и предполагал, к нему, вынырнув из зарослей, уже бежал большой чернящий кот.

Африкан — так благодаря окрасу называл Горин кота — был его единственным другом, неизменным товарищем в хождениях по тайге и собеседником в тягучие вечера. В то же время, чего не знал Горин, кот служил и невольным поводом к дурной славе, гуляющей по окрестным деревням. «На кой ляд он держит кота?» — удивлялись те, кому чудом случая удавалось проникнуть в тайны жития странного хозяина землянки. «Ежели для промыслу в лесу жить, так весь резон должен быть в собаке. Нет, тут что-то не того...» — говорили они, приставляя к виску палец.

Запустив руку в садок, привязанный рядом с лодкой, Горин вытащил рыбешку и бросил коту. Дождавшись, когда от нее остались только серебристые чешуйки, поблескивающие в косых лучах солнца, он наклонился и ласково провел ладонью по лоснящейся шерсти Африкана. Откуда было знать словоохотливым разносчикам легенд, что в его сердце, независимо от здравого рассудка, живет закоренелая антипатия к собакам, представляющая собою далекое эхо войны.

И все же, промышляя дичь, он однажды завел собаку. Это была рослая рыжеватая лайка, смелая и злобная, способная в одиночку посадить медведя. Охота с нею всегда была приятной и давала хороший результат. «Умница, Янга. Молодец, Янга», — говорил обычно Горин собаке после удачной охоты. Он погружал свои узловатые пальцы в ее густую, плотную шерсть, тербил играючи, почесывал шею, а Янга виляла ему хвостом-колечком, стелилась в порыве проявления преданности, прижимала уши, делая лисью мордочку.

Но вдруг случилось непредвиденное.

Возвращаясь как-то с богатой добычей, Горин, проходя, подстрелил рябчика. Мелочь. Тьфу! Можно было бы и не обратить внимания на то, что Янга решила полакомиться, убежав с птицей. Но это было совершенно несомненно с требованиями, предъявляемыми к охотничьей собаке. Попусти раз — и грош ей цена. Поэтому Горин, не раздумывая, срезал с деревца добротный хлыст и пошел в заросли, куда скрылась Янга. Преступница была там. Придавив рябчика лапой, она рвала зу-

бами перья и, как видно, не собиралась прекращать этого занятия даже при появлении хозяина. Горин замахнулся на нее. И тогда Янга вдруг оскалилась окровавленной пастью и, казалось, изготовилась к прыжку. Вот тут-то и сработала безотчетно-защитная реакция, приобретенная Горинным в незапамятные времена против немецких овчарок. В одно мгновение отлетел в сторону хлыст, вскинулось как бы само собой ружье — и прогремел выстрел...

Он долго потом сидел в оцепенении перед распростертым на траве телом, укоряя себя за содеянное и думая о том, что прошлое сидит в нем и по сей день, что оно таится и только ждет момента, чтобы вылезти наружу...

В этот ранний утренний час Горин не торопился возвращаться в землянку. Он любил постоять на помосте наедине с озером, которое казалось ему всегда живым: то врагом, то другом. Оно всякий раз вызывало разные чувства и мысли, побуждало к действиям, не давало застыть душе. Если оно застывало в мрачной неподвижности, сдавленное свинцовой тяжестью низкого неба, то и Горину начинало казаться, что его плечи сгибает непомерная тяжесть, которую пора сбросить. Если пенистые волны, подгоняемые шквалом, яростно ударяли в помост, били в ноги, бросали в лицо холодную россыпь брызг, то и в сердце Горина вздымалась ответная волна ярости, направленная на рабское недомыслие людей...

Сегодня же — спокойная в легком колебании голубая водная пустыня навевала редкое ощущение внутреннего покоя и ложное представление о незыблемости настоящего.

И тут, словно в подтверждение этой ложности, до слуха Горина вдруг долетел далекий, едва слышный рокот мотора.

Горин поднес к глазам старенький бинокль, который болтался у него на шее, и увидел лодку, идущую по направлению к заливу вдоль дуги противоположного берега. Прикинув, что в его распоряжении есть минут десять-пятнадцать, он недовольно скривил губы, смачно выругался и пошел за ружьем.

Обычно он всюду таскал ружье, перекинув его наперевес груди, как автомат. Но на этот раз он отступил от правил и был очень недоволен собой, так как знал, что тут не городской проспект, и даже у входа в землянку можно натолкнуться на любого небезопасного зверя или человека.

Ругая себя, Горин подумал, что пора бы ему устроить засаду на ромаха, которая вот уже с неделю как повадилась разгуливать по ночам вблизи землянки. Так просто эта зверюга не станет тут околачиваться. Не на Африкана же она зарится? Ей кто-нибудь покрупнее нужен. Не

он ли сам стал предметом ее внимания? А что? Все может быть. Зверь этот — коварный, до удивления свирепый и алчный. Он ловко умеет затаиться на дереве в густых ветвях, подстерегая все живое, даже человека. В отличие от других хищников, он никогда не ограничивается одной жертвой, достаточной для насыщения. Алчность, ненасытная алчность ломать хребтины и перегрызать горло — особое свойство его звериной натуры. Пора. Пора пресечь наглость бродячего бандита. Она не менее опасна, чем наглость некоторых алчных браконьеров, которых он сумел отвадить от посещений его угодий. Сумел ли? Может быть, эта лодка, которую он готовится встретить, начинена новыми сюрпризами? Посмотрим, посмотрим... Не так-то легко застать его врасплох. Слава богу, несмотря на возраст, его слух и зрение поострее, чем у этих удальцов. А реакция и пуля — и того попроворнее. И напрасно они надеются завести с ним дружбу. Сюда их он все равно не пустит. Сам не пустит. Без помощи охот-инспекторов. Он сам по себе, а они сами по себе пусть волков этих травят. Каждый должен заниматься своим делом, не мешая другому. Хотя какие они волки? Волк — волку рознь. Волки обычно живут и ходят в стороне, зазря не нападут, если даже голодные. Предпочтут есть растительную пищу. Они уважительны к людям и стараются не причинять им вреда. А те волки, что нападают на домашний скот и человека, — это бандиты. В семье — не без урода.

Так размышляя, Горин вернулся к берегу с ружьем и затаился на краю кустарника.

Теперь, глядя в бинокль, он пришел к выводу, что пассажиры, сидящие в лодке, вовсе не похожи ни на местных, ни на заезжих браконьеров, а, судя по одежде, являются представителями более высокой цивилизации, нежели деревенская или поселковая.

«Какого лешего им нужно? Корреспонденты что ли? Так я им дам интервью... — раздражаясь, думал Горин. — И чего людям неймется? Чуть не по-ихнему, так от любопытства из шкуры готовы выпрыгнуть. Допытываются, в душу лезут. Пока в лесхозе работал и на делянках жил — свои покою не давали. Когда убрался к чертям в болото, лезут все кому не лень. Впрочем, всегда и везде у людей одна и та же болячка болит. Досужая порода...»

Пока он так рассуждал, лодка подлетела к помосту и накатом ударила в долбленку, отчего из нее выскочило весло и упало в воду. Мужчина, который рулил, сидя в брезентовой штормовке на корме, перевалился через борт и стал его ловить. В нем Горин узнал одного из поселковых.

«Болван!» — выдохнул Горин сквозь жесткие губы и обратил свое внимание на двух других приезжих. Их вид никак не вязался с пред-

ставлением о том, что они могут без ущерба для своей паружности совершить прогулку далее, чем за тридцать метров от берега, где кончается лежневка. Их костюмчики, рубашечки, туфельки — казалось, только что покинули городской бульвар и каким-то чудом перенеслись в этот аскетически-дикий приют, чтобы посеять запахи соблазнов, существующих где-то всевозможных удобств, развлечений и вкусных блюд. Эти двос вылезли на помост и стали осматриваться. А поселковый — в штормовке, поймав весло, стал им размахивать, показывая то на озеро, то на берег, то на ручей. Горин подумал, что их более интересует не он, а окрестные места. Но с какой целью они прибыли — было пока неясно.

Когда городские перестали вертеть головами и, остановив свой взгляд на троце, вознамерились ступить на лежневку, Горин поднялся во весь свой дюжий рост из кустов и недружелюбно крикнул:

— Эй! Что надо?

Приезжие разом повернули головы на окрик, растерянно посмотрели на могучую фигуру, на ружье, которое Горин держал в руках, и один из них сказал:

— Мы ищем место для охотничьего домика. В поссовете порекомендовали подъехать к вам, так как вы давно тут живете и знаете всю округу.

— Знаю, но советов не даю, — отрезал Горин. — Ставьте свой балаган где угодно, но только не здесь.

— Почему же балаган? — без обиды парировал городской (видимо, в поссовете их детально ввели в курс дела, обрисовав хозяина землянки). — У нас народ организованный. К тому же мы хотим предложить вам быть егерем.

В подтверждение этих слов другой мужчина широко заулыбался, подмигнул, перекосив рот, и так развел руками, словно ожидал, что Горин бросится с объятиями после такого лестного предложения.

Но Горин выжидательно молчал.

Тогда первый мужчина продолжил:

— Если бы вы согласились, то все можно было бы организовать в лучшем виде. Мы направляли бы сюда охотников только с путевками или лицензиями, а вы определяли бы им места охоты и следили бы за соблюдением правил. Мне кажется, что это могло бы вас вполне устроить. Нам говорили, что вы не при деле. Вот мы и подумали...

— А нечего тут думать, — оборвал его Горин. — Какая вам забота — при деле я или нет? Ищите себе другое место.

— Ну зачем вы так, — огорченно сказал второй мужчина. — Мы ведь по-хорошему.

— И я пока по-хорошему советую другое место искать. Не нужны

мне тут всякие шалопаи с ружьями. И так всю живность разогнали. Тьфу!

Сплюнув, Горин повернулся к приезжим спиной, считая на этом разговор оконченным, и, не торопясь, побрел к землянке. Вслед за ним, выскочив из кустарника, степенно двинулся Африкан.

Приезжие недоуменно переглянулись, пожали плечами и уехали.

— У него не все в порядке с головой, — уверенно сказал один из них.

А Горин был очень обеспокоен. Вдруг и впрямь поселятся рядом? Не оберется он тогда хлопот, как три года назад с лесорубами, когда вырубка велась по соседству. Что на сорах, что на ближайших гривах — только и слышно было: бах! бах! Этих разбойников он утихомирил — устроился сторожем на лесобирже и, подкараулив случай, поджег шалаш с ружьями и патронами. Такая трескотня пошла, что никто и не отважился тушить кострище. Все дотла сгорело. Побесились, побесились, а раз не пойман, то и не вор. Однако немало успели повибить дичи. Вот только нынче вроде бы все в норму стало приходить. А тут — эти городские... Плохо было, когда даже за паршивой куропаткой приходилось топать за болота. Еще хуже будет, если придется бросать насиженное место и перебираться на другое.

Вернувшись в землянку, Горин повесил на гвоздь у двери ружье, прошел в угол и вытащил из-под тряпья большую бутылку с самогонном. По-размыслив, он махнул рукой, налил полный стакан и выпил залпом. Ничем не закусив, а только громко крикнув, Горин разжег железную печурку и поставил разогревать вчерашний шулом из утки.

От ударной дозы выпитого Горин все же не захмелел. Для его могучей комплекции это был всего лишь невинный глоток, способный только слегка расслабить натянутые нервы. Однако ноющая точка в груди, которая время от времени давала о себе знать, не исчезала. Горин хотел было налить еще, но вдруг передумал и отнес бутылку на место. Раздвинув тряпье, он извлек из того же угла небольшой сундучок, окованный белой жстью, открыл его и достал сверток, обернутый в прозрачную пленку.

В свертке была толстая тетрадь с пожелтевшими страницами, поблекшими убористыми строчками, карандашными схемками и рисунками. Из тетрадки торчала шелковая ленточка-закладка, тоже поблекшая от времени.

Пролистав несколько страниц, Горин открыл тетрадь в месте закладки, положил ее в развернутом виде на стол, покрытый листом фанеры, и уселся на чудной изогнутой формы стул, похожий на отщепенца венского гарнитура и выделяющийся на общем фоне убранства землянки, как инородное тело.

Со страницы тетради слегка прищуренным взглядом на Горина смотрело миловидное лицо девушки, запечатленное на маленькой фотографии, срезанной, судя по печати, с какого-то документа и прочно приклеенной гумирабиком в верхней части листа. Ниже фотографии никаких записей не было, а были только странные рисунки: горящий и падающий самолет-истребитель, парашют, повисший бесформенной массой на дереве, оскаленная пасть то ли волка, то ли собаки, виселица со знаком свастики и землянка в лесу.

Горин провел пальцами по фотографии и, наклонив голову, стал сосредоточенно всматриваться в лицо девушки, словно стараясь что-то припомнить. В какой-то миг глубокая складка, рассекающая его широкий лоб на две равные части, начала вдруг разглаживаться, а губы, вздрогнув, изгибаться в почти нежную улыбку. Но это длилось ровно столько же, сколько может длиться существование солнечного зайчика, отраженного от мелькнувшего вдалеке зеркальца. Не успев разгладиться, края складки снова сдвинулись, а уголки губ приняли прежнее выражение суровости.

Закрыв тетрадь, Горин аккуратно обернул ее в пленку и положил на дно сундучка, который затем задвинул в угол и завалил тряпьем.

Когда на печурке задрезбуждала крышка кастрюли и пар из-под нее наполнил землянку насыщенным запахом дикой утичины, Горин взял с полки деревянный черпак, вырезанный им из кедрового капа, наполнил варевом алюминиевую миску и принялся за еду.

Ел он не торопясь, пережевывая пищу с умеренностью движений, указывающих на отсутствие какой-либо необходимости спешки. Его скулы, медленно ворочаясь, напоминали массивные жернова, а хруст перемалываемых утиных косточек говорил о завидной добротности зубов. Широкая спина, большая взлохмаченная голова на короткой шее делали его похожим на матерого медведя, сидящего в тесной берлоге.

Опорожнив миску с супом, Горин принялся за кашу из овсянки, а после каши выпил не менее литра чая, макая в него сухарики.

Обильное количество съеденного и выпитого в этот раз не было чем-то исключительным, так как плотному завтраку Горин всегда придавал первостепенное значение. Обычно, закончив утреннюю трапезу, он надолго покидал землянку и, не чувствуя усталости, имея необходимый запас энергии благодаря наполненному желудку, бродил по лесам и болотам. Сидеть весь день без толку в землянке он не мог. Бездействие, как правило, начинало нагонять на него мрачные мысли, будоражить воспоминаниями, томить сердце.

Покончив с завтраком, Горин снял с гвоздя ружье и пошел не в сторону лесной гривы, как обычно, а к озеру.

Озерная гладь встретила его безмятежным покоем. Угас предутренний ветерок, улеглась волна, заискрилась поверхность озера яркой си­невою, замерла у помоста остроносая лодка. Ничто не напоминало о недавних пришельцах. Но корявой занозой засела в голове Горина мысль о том, что нужно обязательно узнать — насколько серьезно на­мерение городских. Не отказались ли эти «шелкоперы в галстуках» от своей затеи после недружелюбного разговора?

Решение поехать в поселок созрело не сразу. Горин не любил часто мозолить глаза людям. Поэтому его посещения поселка всецело зави­сели от необходимости получать свои пенсионные гроши и делать на них закупки. Однако, решившись на внеочередную поездку, он стал об­думывать, как ему побыстрее обернуться туда и обратно. Доброжела­тельный вид озера привлекал соблазном избрать, казалось бы, наибо­лее приятный и короткий путь на ходком под веслами суденышке. Но Горин знал о непредсказуемом коварстве местной погоды, способной за час-другой сбросить благодушное томление и проявить крутой нрав. К тому же противоположный берег почти на всем протяжении пред­ставлял собою голую песчаную отмель, не имея ни одного надежного укрытия для лодки. Только в начале зимы, когда лед набирал прочность, а лесовозную дорогу заметало снегом, Горин решался пересечь озеро. Тогда он становился на лыжи, впрягаясь в небольшие сани, смастерен­ные в виде нарт, и, сходя в поселок, привозил значительный запас продуктов, которых хватало до той поры, когда начинали идти на убыль сорокаградусные морозы. В иные времена года Горин пользовался на­топтанной им тропой, ведущей к дороге, и попутным транспортом. Этот путь он и избрал теперь.

Захватив объемный рюкзак, сшитый им из плащевой ткани, пере­кинув за голову ремень ружья, Горин плотно прикрыл дверь в землян­ку и бодрым шагом направился вверх по ручью. Не отставая от него, перебежками, последовал Африкан.

Двухкилометровый участок тропы, вьющийся между ручьем и под­ножием гряды по молодой поросли ельника и березняка, был приятен отсутствием бурелома, чистотою, плотной под ногами почвой. Слева, ближе к ручью, проглядывались скопления зарослей рябины, а справа, по склону гряды, земля была сплошь покрыта зеленым ковром брус­ничника. Вдоль этой поймы постоянно обитали рябчики и зайцы, при­летали по утрам косачи и капылухи, приходили попить чистой водицы из ручья лоси.

Горин шел, внимательно глядя под ноги, примечая всякий след, пе­ресекающий тропу. Иногда он приостанавливался, нагибался, шевеля губами, словно вчитываясь в интересные письма.

Вскоре тропа вывела его к переправе через ручей.

Два берега, похожих на крутые склоны глубокого оврага, соединял сучковатый ствол гигантского кедра. Этому бывшему лесному красавцу еще бы жить и жить, как его братьям, которые выстроились чуть подалеже от коварного ручья. Но безучастные, быстротечные воды сделали свое губительное дело: подточили могучие корни, лишив их опоры. И все же, грянув наземь, великан и в бесплодии своем продолжал служить живым тварям, образуя своеобразный нерукотворный мост.

Странные чувства испытывал Горин всякий раз, подойдя к этому месту. Прежде чем ступить на несогнутое тело гиганта, он усаживался перед ним на валежину, закуривал папироску и, насупившись, смотрел на вывороченные, вздыбленные корни. Может быть, ему виделось что-то общее в их судьбе? А, может быть, напротив, он находил несходство, отмечая, что ему этот кедр служит, пусть небольшую, службу.

Далее, по заливному кочковатому болотцу, путь был не из приятных, тем более для Африкана. Прикрикнув и повелев ему возвращаться домой, Горин стал пробираться в сторону дороги, ловко минуя топкие ловушки, которые знал все наперечет. Когда до грунтовки оставалось шагов сто или того меньше, против тропы остановился лесовоз, из кабины высунулся водитель и крикнул:

— Эй, болотник! Поторопись! Доставлю!

Обтерев пучком травы сапоги, Горин забрался в кабину, буркнул водителю: «Спасибо» — и тут же отвернул голову к боковому окну.

Минут пять ехали молча. Водитель несколько раз бросал на пассажира косые взгляды и, наконец, не выдержав, сказал:

— Ох и бирюк ты, Горин! Слова от тебя лишнего не услышишь.

— Оттого и не услышишь, что слова — лишние, — ответил Горин.

— Ха! Во, молодчага! — рассмеялся водитель и, бросив лукавый взгляд, спросил: — А признайся — правду говорят, что прошлую зиму ты сдал десятка два соболей?

— Может, и сдал, а может, и нет. Кому какое дело?

— Есть дело, — перейдя на серьезный тон, сказал водитель. — Хочу напроситься к тебе на недельку. Приеду по первому снегу.

— А это зря. Все равно не пущу.

— Как же так? — не растерявшись, ожидая, видимо, подобный ответ, лелейным голосом проговорил водитель. — Я к тебе с уважением. На государственной машине везу. Заметь, бесплатно. А ты мне — от ворот поворот?

— Поворот! — отчеканил Горин. — Останови машину. Я выйду.

Водитель усмехнулся.

— Да, ладно. Довезу уж. Ничего мне от тебя не нужно, — сказал он

спокойно и добавил: — Бирюк — ты и есть бирюк.

— А хоть кем назови, — миролюбиво согласился Горин и спросил: — Скажи-ка лучше — слышал чего в поселке о городских?

— Слышал. Один, кажись, тобою интересовался.

— А более ничего?

— Ничего.

Когда прибыли в поселок, Горин сразу же направился в самое людное место — в магазин.

Обычно, торопливо набив всякой снедью рюкзак, подгоняемый любопытными взглядами покупателей, он, не мешкая, устремлялся к дороге, стараясь перехватить ту же машину, на которой приехал. Но на этот раз он долго толкался у прилавка, прислушиваясь к разговорам, а когда пошел к выходу, то вдруг остановился, сделал вид, что что-то забыл, и снова стал в очередь.

Потратив на эту игру не менее часа, но так и не услышав того, чем интересовался, Горин вышел из магазина и стал прохаживаться по улицам.

По пути ему попался новенький аккуратный домик, незнакомый ранее, в котором была библиотека. Он вошел в него, сбросил с себя рюкзак, уселся в удобное кресло рядом с журнальным столиком и стал просматривать журналы и газеты, не обращая внимания на молоденькую библиотекаршу — чистенькую, приглаженную, с вытарашенными на него глазами.

На одной из страниц журнала его привлек заголовок, написанный крупными буквами: «Звонок из прошлого».

По мере того как он читал, лицо его наливалось краской, багровело, складка на лбу сужалась и превращалась в «шрам». Наконец он поднял голову, посмотрел за барьерчик в глаза библиотекарши и сказал:

— А ведь съели Никиту зазря. Он двадцать миллионов реабилитировал, а никто не вступился... Вот так... Сегодня одно, а завтра — другое...

Покинув библиотеку, Горин решил пройти мимо поссовета. Там всегда стоит какой-нибудь «УАЗ», а шофера, бывает, осведомлены больше, чем их начальство.

Как он и думал, стоянка у входа в поссовет не пустовала. Кроме машины председателя, стояла еще одна машина — милицеевская. Нерешительно потоптавшись возле них, Горин хотел уж было уйти, но тут на крыльцо выбежала секретарша и, окликнув его, сказала, что зовет председатель.

Подосадовав на свое недомыслие, так как городские, наверное, успели уже пожаловаться и предстоял неприятный разговор, Горин, го-

товый в любой ситуации к отражению атаки, вошел, не сняв рюкзак, в просторный кабинет.

Председатель был не один. У окна вразвалку сидел на стуле начальник райотдела милиции. Видимо, он и заметил Горина у машин. Но, чего не ожидал Горин, что казалось странным, оба смотрели ему в глаза не с осуждающей суровостью, а с веселой улыбкой озорников.

— А ну-ка, проходи, проходи. Садись. Расскажи-ка нам, как ты отшил гостей? — усмехаясь, сказал председатель.

Горин насунился, решив, что неприятностей все же не избежать. Но районный милиционер, рассмеявшись, успокоил его:

— Да ты не ершись. Все вышло, как надо. Мы не очень-то заинтересованы, чтобы сюда начали ездить все, кому не лень. И лес могут поджечь, и все что угодно натворить. Успеть бы за своими присматривать...

— Я тебя вот зачем позвал... — перейдя от шутливого тона к серьезному, сказал председатель. — Скажи-ка, Горин, — это разве хорошо, когда от постороннего человека мы вдруг узнаем, что ты был военным летчиком-истребителем, бил фашистов, а нам — ни гу-гу?

Горин молчал, глядя на свои сжатые кулаки, которые лежали рядом на столешнице-приставке к несуразно-большому председательскому столу.

— Я понимаю. Скромность... — продолжал председатель. — Но в какое положение ты ставишь нас? Не знаем, не ведаем о своих людях...

— Кто он — этот человек? — спросил Горин, подняв тяжелый взгляд.

— Говорит, что сослуживец. Вместе летали, сражались. Потом, буд-то, его и тебя в одном бою сбили. Он попал в партизанский отряд, а ты потерялся. После войны все тебя искал — не нашел. А тут, надо же! Через сорок лет! Здорово! А?

— Где он сейчас? — спросил Горин, казалось, с каким-то спокойным безразличием.

— В гостиницу пошел. Там, наверное, и есть. Часа два прошло.

«Видать, лейтенант Буг пожаловал, — думал Горин, выйдя из поссовета и направляясь к гостинице. — А раз пожаловал, то и подождать может.»

Горин умерил шаг и свернул в боковую улочку.

«Ясно, что подождет, — рассудил он. — Не для того схал в такую даль, чтобы развернуться. Но почему Буг умолчал о главном? Сам хочет рассчитаться? А это... мы еще посмотрим...»

— Эй, болотник! Садись! Доставлю! — Пробудил Горина, как от сна, знакомый голос водителя. Горин и не заметил, что идет уже по главному тракту, рассекающему поселок.

«А что, если и впрямь уехать? — заколебался он. — Не я ведь его

ищу, а Буг меня... Нет! — решил он. — Пришло время ставить точку.»

Горин знал, что так называемая гостиница находится в конце этой улицы, на выезде, а жители поселка называют ее просто — заежкой, что более соответствует неказистому виду обветшалой рубленой избы.

Эта заежка состояла из тесной прихожей, пристроенной в виде тамбура, и одной большой комнаты — узкой и длинной, напоминающей казарму. Затрапезная внутренняя обстановка состояла из дюжины металлических кроватей, такого же количества табуреток, стола двухметровой длины, похожего на верстак и покрытого потертой клеенкой, оцинкованного бака для питьевой воды, к ручке которого на цепи была прикована железная кружка. Этот мрачный стиль немного оживлял новенький, блестящий чайник, стоящий на тумбочке у окна, и одинокая, поблекшая картина на стене, изображающая Варсавию.

Когда Горин, полный решимости, переступил порог, то увидел только какого-то незнакомого тщедушного человечка с реденькой белесой бородкой — похожего на «доисторического» мужичка. Он стоял перед картиной, в пол-оборота к двери, вытянув шею и бородку, и при появлении Горина обернулся и сказал:

— Смотри. Баба-то какая с негритосом! Третий день не разгадаю. Им что, бабам, наших мало?

Ничего не ответив, скривив губы в усмешку, Горин прошел в дальний угол комнаты и рядом с кроватью у стены положил рюкзак и ружье. Бросив прищуренный взгляд на дверь, словно прицеливаясь, он подхватил ближайший табурет, поставил его рядом с поклажей, сел и стал стаскивать сапоги.

Любопытство, с каким мужичок только что рассматривал картину, обратилось теперь на странного гостя.

— Чего уставился?! — вдруг рывкнул Горин, не поднимая глаз и продолжая заниматься своим делом.

Мужичок от неожиданности вздрогнул и даже прискочнул.

— А я ничего... я так... я Еськин, — залепетал он.

— Ну, и что с того, что ты Еськин?

— А так... для знакомству.

— А я не собираюсь знакомиться.

— Как же? — изумился Еськин. — Ведь крыша одна.

— А мне эта крыша, чтоб только портянки перемотать, — сказал Горин и усмехнулся, как бы для себя, беззлобно.

Еськина это воодушевило.

— Может чифирчик, сварганить для согреву души? — предложил он. — Так я мигом.

Не ожидая, что скажет на это гость, он метнулся к чайнику, забрен-

чал крышкой, просеменил к баку с водой и, суетясь, прислонила нижней губой, затараторил:

— В нашем положении, особливо если в лесу, без чифирчика никак нельзя. Приучены мы. Спасибочко городским. Как объявились, так и чайничек начальство прислало. А то — хоть пропади.

— Погоди-ка молоть, — сказал Горин. — Где городские?

— Они-то? Уехали. А чайничек — вот он. Красавец! Теперича им не взять меня на измор. Начальству, то есть. Они, значит, безобразие бригадирова покрывают. А я правды ищу. Ну, скажи, ежели тебе по роже съездют и сморчком обзовут, простил бы?

— Если бы по делу заработал, простил бы, — сказал Горин, закончив переобуваться и направляясь к столу.

— Вот и я говорю — по делу бы. Я ведь по-хорошему про его Клавку все выложил. Бугра, то есть. А он в харю, значит?

— Да, погоди, — снова оборвал его Горин. — Ты расскажи о городских. Сколь их было?

— Как сколь? Как есть — двое. Вчера только стемнело, значит, они и объявились. Кастриюлю по соседству заимствовали. Пакетики из портфелей повыложили и супчик заварганили. А мое понятие, значит, что неуважительная это пища — супчики и борщички. Любой, ежели работага, — к примеру я сам, — должен вторые блюда уважать, съедая по две, а то и три порции враз.

— Постой! Что ты все мелешь не по делу? — раздраженно сказал Горин. — Давай о главном. Был какой разговор?

Лицо у Еськина сделалось важным. Он значительно подмигнул Горину и сказал:

— Был разговор. Сурьезный.

— Ну?

— Они все об том чучеле рассуждали, что за озером живет. Слыхал, верно, о ем? Егерем хочут его сделать.

— Дальше валяй, — багровея, сказал Горин.

Еськин хихикнул.

— Так я и говорю им, что не сурьезно это, — продолжал он. — Пушай, мол, разберутся. Справки о ем возьмут. Какой, мол, дурак али чуда, значит, будет по своей воле со зверьем жить.

— Ну, а далее что? — не сказал будто бы, а выдохнул Горин. В нем закипала ярость.

Но Еськин не замечал этого. Он был увлечен своим красноречием.

— А потом еще один городской объявился, — рассказывал Еськин. — Сразу, значит, видать было — не из их компании. Поздоровался со всеми и сел молча. И в разговор не вступал. А я, значит, разясняю.

Проверить, мол, надо — для какого отводу глаз при том чучеле кот проживает. Подозреваю, мол, по его замашкам зверским, что собак он в тайге прячет, которые ему вместо баранов для еды...

Еськин вдруг осекся. Глядя на него мутным, тяжелым взглядом, Горин медленно поднимался с табурета.

— Ты чево? — испуганно спросил Еськин и попятился к двери.

Одним прыжком Горин настиг его и схватил за грудки.

— Ах ты, балаболка. Сморчок поганый. Хорек вонючий, — прохрипел он, оторвав Еськина от пола.

Еськин завыл, заизвивался, задергал ногами, тщетно пытаясь вырваться. Держа его на вытянутых руках, словно боясь испачкаться, Горин пнул дверь, пронес его через прихожую, вынес на крыльцо и швырнул на дорогу, в пыль.

— Кара-у-ул! Убивают! — завопил Еськин.

В следующее мгновение, словно порыв ветра взметнулся вверх и приподнял его над дорогой. Он вскочил и, не оглядываясь, побежал к центру поселка.

Горин постоял, глядя ему вслед, потом вернулся в комнату, не торопясь собрался, надел рюкзак и перекинув через голову ремень ружья, и вышел из заежки. Сделав глубокий вдох, он зашагал вон из поселка. Вскоре его догнал порожний лесовоз, и через полчаса он уже был у своей тропы.

Теперь, под тяжестью рюкзака, идти было намного труднее. Сказывалась усталость из-за суетного дня, и шаг был не столь тверд, как утром. Ноги то и дело сбивались с центра межкочечных щелей, скользили по откосам, нарушая равновесие тела. И все же Горин не упал ни разу, не замочил зад, как многие из тех, кто отваживался тут пройти.

Перевалив за ручей, оставив позади зыбкую почву, залитую водой, Горин в поиске следов стал изучать обнаженную влажную поверхность тропы. Как он и ожидал, следы были. Отпечатки мужских сапог с подошвами в рубчик указывали на то, что некто совсем недавно прошел в сторону землянки и находится теперь там, так как обратных следов нет.

— Вот и побалакаем, товарищ лейтенант, — спокойно произнес Горин и уселся на валежину.

Закурив папироску, он погрузился в глубокие раздумья, невольно склоняясь к мысли о том роковом воздушном бое, который не только навсегда разъединил его с пилотской братвой, но и стал болевой точкой памяти. Считая, что истребитель Буга был сбит тогда из-за его же бесшабашного упрямства в бою, Горин не мог все же избавиться от мучительных сомнений. Подсознательное чувство, что в этом есть и его вина, всегда угнетало, когда он возвращался к неприятным воспомина-

ниям.

«Интересно: каков он теперь?» — думал Горин. Он знал того Буга и совершенно не мог представить его каким-либо другим. Буг был одним из лучших ведущих в эскадрилье. Он отличался не просто смелостью, что было свойственно большинству летчиков, а какой-то особой дерзостью риска. Сухопарый, жилистый, отчего казался выше ростом, хотя был на полголовы ниже Горина, он, как стальной прут, мог хлестать категоричностью суждений по оплошностям ведомых. Горину запомнился такой инцидент, после которого Буг выбрал его своим напарником. Это случилось в районе населенного пункта Лисьи Ямы в июне 1944 года. Тогда, ведомый Буга, Лапин, преследуемый двумя «мессерами», вместо боевого маневра вдруг свалился левым переворотом вниз и ушел в пике. По какой-то причине он стал выравнивать машину слишком поздно, когда уже не хватало высоты, и упал на поле, прободив брюхом мягкий грунт. Было чудо, что он остался цел. Но Лапин знал, чем все это может кончиться, и поспешил спрятаться. Разъяренный Буг, не успев приземлиться, рванулся вперед по полю, расстегивая на ходу кобуру пистолета, но машина была пуста. Потом он все же добился строгого наказания Лапину за трусость, хотя тот и отрицал это.

Горин был в недоумении и тогда, и теперь, перебирая детали минувших событий, почему Буг выбрал именно его ведомым вместо Лапина. Горин понимал, что среди летчиков он выделялся не только внушительной внешностью, но и неуживчивым нравом, резким и вспыльчивым. Упорной, упрямой натурой, противодействием в защите собственного достоинства от самовластных притязаний кого бы то ни было, несмотря на ранги, он многим был не по нутру и потому не имел постоянного ведущего. Но его уважали за хладнокровие и расчет в бою, за непоказную храбрость.

В паре с Бугом вести бой было нелегко. Он все время вертелся в виражах, меняя цель и запутывая не только врага, но и своего ведомого, требуя от него, чтобы подметал за хвостом. И, несмотря на то, что совместных удачных боев было проведено уже немало, Горина не покидало предчувствие беды.

Однажды на рассвете они вылетели на «свободную охоту» и залетели далеко в тыл противника, так как подходящей цели не встречалась. Из предосторожности они держались под самой кромкой кучевых облаков, но вдруг прямо из них, всего метрах в двухстах, вырвались две пары встречных «фоккеров».

— Горин, — крикнул Буг, — сходимся на лобовых!

И тут же, через считанные секунды, один из «фоккеров» буквально развалился в воздухе от меткого огня Буга. Его напарник, не желая по-

добной участи, крутым виражом ушел в облака, а вторая пара резко взяла вправо, ускользнув из-под прицела Горина.

— Выходи за облака, — скомандовал Буг, — и посматривай за мной.

«Непонятно — для чего это нужно? — удивился Горин, наблюдая через просветы, как Буг догоняет фашиста. Между тем, заметив, что один из «фоккеров» (второй куда-то пропал), набирая высоту, ринулся по направлению Буга, он, не раздумывая, пошел на перехват. Приближаясь в развороте, стараясь зайти ему в лоб, он держал пальцы на гашетке и ожидал сокращения ракурса, чтобы стрелять. Когда он открыл огонь, в наушниках прохрипел раздраженный голос:

— Горин, куда ты исчез? Я тебя не вижу, черт подери!

Но Горин не успел ответить. Огненная трасса прошла по его кабине, обожгла жаром, и самолет свалился в штопор вслед за сбитым им «фоккером»...

Остальное он теперь с трудом выуживал из памяти, как обрывки тяжелого сна.

Вот, задыхаясь в едком дыму, он тщетно старается выпрыгнуть из крутящейся машины, а земля с неимоверной быстротой, вращаясь, рвется ему навстречу. Вот, наконец, он уже в свободном падении рассекает воздух и рывком дергает вытяжное кольцо парашюта. Тут же под ним раздается сильный взрыв от упавшего «фоккера». Его оглушивает резкий удар, слетают сапоги и заворачивает стропами вверх левую руку. От боли он вскидывает голову и видит истребитель с длинным, черным шлейфом за хвостом. Чуть в стороне — падающая точка. Это Буг. И снова удар снизу. Ослепительная вспышка взорвавшегося солнца. И мрак...

Что было потом, он уже помнил до мелочей.

Вот он очнулся... Земля пахнет сыростью и прелью прошлогодних листьев. Вокруг тихо. Слышно только, как где-то сверху щебечут птицы. Застонав, он садится. Вокруг густой лес, но ему повезло: упал на небольшую полянку, минуя деревья. Парашют распластался на низкорослом малиннике. Рука распухла, болит, но ноги целы и он может встать. Значит, надо спешить, искать Буга, пока не нагрянули фашисты с собаками. Пистолет на месте — в кобуре. Если Буг не ранен, то они быстро прорвутся к своим. Но что же могло произойти за облаками? Кто его сбил? Не тот ли, за которым он погнался? Не похоже на Буга. Неужели там были еще «фоккеры»? Может быть, недаром он был раздражен отрывом ведомого? Да, это нарушение правил, если нет крайней необходимости в отрыве. Но ведь необходимость была! Нельзя же было пропустить фашиста, который намеревался атаковать Буга. Он прикрыл этим своего ведущего? Факт — прикрыл. Но, приказ уйти за

облака — выполнил? Нет, не выполнил. Это тоже факт. Бесится сейчас, наверное, Буг... Да, именно так он думал тогда, прикидывая, в какой стороне приземлился лейтенант.

Обмотав ноги поверх носков парашютной материей, он в полной уверенности, что найдет Буга, решительно двинулся в выбранном направлении. Довольно скоро он нашел парашют, зацепившийся за вершину дерева, но хозяин его, как сквозь землю провалился.

Не найдя ответа на мучившие его вопросы, упрямо сказав себе: «Там разберемся» — Горин поднялся с валежины и чуть было не наступил на Африкана, который оказался под ногами. «Поли-ка, ждал ведь меня, — подумал он тепло, но тут же, вспомнив Еськина, брезгливо поморщился и сплюнул. — Вот паскуда поганая. Собак, значит, ем вместо баранов?»

С тяжелым чувством, то ли от воспоминания происшедшего в заежке, то ли от неопределенности предстоящей встречи, он шел вдоль ручья к своему убогому жилищу, по привычке вглядываясь в каждый след на тропе, зорко посматривая по сторонам и вверх на разлапистые густые ветви деревьев.

В полпути, там где гряда разламывалась распадком и росли белоствольные березы, Горин приостановился у одной из них и посмотрел на холмик, под которым была захоронена Янга. «Жаль собаку, — подумал он, — ох, как жаль.» Всякий раз чувство вины преследовало его, когда он проходил это место. И тогда, как в оправдание, перед ним возникали оскаленные морды овчарок и то отчаянное остервенение затравленного зверя, с которым он в них стрелял или душил до онемения пальцев, пока длинная розовая лента языка не вываливалась сквозь зубы безжизненным клочком.

Эти и другие сорокалетней давности события до сих пор посещают его в тревожных снах. В них он блуждает по глухим лесам и болотам, преследуемый карателями и собаками, сам устраивает засады на фашистов, взрывает мосты, пускает под откос поезда. Словом, продолжает заниматься тем же и переживать то же, как и сорок лет назад....

Подойдя вплотную к землянке, он опустил на землю рюкзак, взял в руки ружье и, открыв рывком дверь, шагнул вниз за порог.

За столом сидел пожилой человек в штатском костюме. На его ногах красовались новенькие болотные сапоги, купленные, как видно, в поселковом магазине. Он смотрел в упор на Горина и выжидательно молчал, изучая его лицо и, быть может, ожидая увидеть на нем признаки растерянности. Но Горин в свою очередь с невозмутимым спокойствием разглядывал непрошеного гостя.

Это, как он и думал, был Буг, хотя время немало потрудилось, пре-

образив когда-то стройного щеголеватого лейтенанта в погрузневшего, постаревшего и, по всему видно, усталого человека.

— Узнаешь? — спросил он усмехнувшись, не обращая внимания на ружье.

— Узнаю, Буг. Как не узнать? — ответил Горин и повесил ружье на гвоздь у двери. Он пододвинул к столу скамью, так как стул от венского гарнитура был занят Бугом, и уселся напротив.

— Здорово ты запрятался, Горин, — произнес Буг, продолжая пристально вглядываться в его лицо. — Нелегко было тебя разыскать.

— Чего это мне от тебя прятаться? — невозмутимо отпарировал Горин. — Мог бы и раньше найти, если бы очень захотел. Не по чужому паспорту живу. А тебя искать я не собирался, чтоб ты знал. Но раз уж пришел, то и встрече рад.

— Так уж и рад? — снова усмехнувшись, сказал Буг и кивнул в сторону ружья.

— Не скрою, — признался Горин, — ружьишко — это на всякий случай, чтобы ты сдуру не стал грозить мне оружием. Куда приятнее побеседовать в равных условиях.

— Раньше, может быть, так и было бы, — согласился Буг, — а теперь весь запал вышел. Многое сгладилось в душе. Но не оставляло меня желание прояснить кое что. Вот и пришел.

— Проясняй. Только вины своей я не вижу в том, что за облака опоздал. Нужно было помешать «фоккеру», который за тобой бросился. Я его сбил, а второй меня рубанул. Когда падал, то увидел, что и ты готов. А вот почему — так мне и не ясно до сих пор. Думаю, что ты сам виноват. Нужно было теми двумя заняться, а ты в облака за одним поперся, бросив ведомого.

— Это я-то тебя бросил? Почему приказ не выполнил?! — рявкнул Буг.

— Ты потише. Не горячись. Ты мне сейчас не командир, а я тебе не подчиненный.

— Хорош гусь! Да ты соображаешь, что нам в первую очередь высота была нужна при их численном преимуществе?

— Какая высота? С которой ни хрена не видно, что под облаками делается?

— Ладно, — примирительно сказал Буг. — Вопрос: кто кого бросил — давай отставим. Однако, если бы ты выполнил приказ, то мог бы и подстраховать. Перехитрила меня та сволочь фашистская.

— Вот теперь все ясно, — подвел черту Горин. — Значит, наверху других «фоккеров» не было.

— Не было, — подтвердил Буг. — И все же, если бы тогда я нашел

тебя в лесу, то пристрелил бы. Горяч был. Думал, что ты струсил.

— Скор ты на выводы. Скор! — зло сказал Горин. — Я ведь хорошо помню, как ты Лапина угробил.

— Я же сказал, что горяч был, — повторил Буг.

— Вот она где у меня, твоя горячность. — Горин показал себе на горло, сдавив его пальцами. — Из-за нее-то и дорога в партизанский отряд была мне заказана. Знал я, что ты там.

Буг опешил. Казалось, что его лицо стало длиннее от вскинутых бровей.

— Как знал?!

— А так, от учительницы, которая снабжала вас информацией. Кроме той, конечно, что добывалась она нами сообща. Она-то и помогла мне на первых порах, спрятав в тайнике, пока я не пришел в норму.

— Странно... очень даже... Светлана ведь погибла.

— Погибла... — В голосе Горина прозвучала грустная нотка. — Замучили ее фашисты и повесили. А почему? — он снова озлобился. — А потому, что вы же, конспираторы паршивые, ее не уберегли. И парнишка из моей группы погиб из-за этого. Слышал о взрыве в комендатуре? Так это Ленка за нее отомстил... А ты, я смотрю, и тут готов подозревать: не холуем ли я был у фрицев? Не буду я перед тобой распинаться и зря время терять.

Горин поднялся, сходил в угол за сундучком и, положив перед Бугом тетрадь, сказал:

— Тут все сказано. Почитай. А я пока делом займусь.

Буг недоверчиво полистал тетрадь, заглянул в середину, где была закладка, удивленно повел бровями и начал читать с первой страницы.

Наверное, ни одна повесть о войне никогда не вызывала в нем того интереса, тех чувств, которые он испытывал теперь. Он то задумывался, прерывая чтение и отрешенно глядя перед собой, то смахивал со лба испарину, бросая странные взгляды на Горина, то грустно покачивал головой. Со страниц тетради, словно отдаленные выстрелы, устремились к нему знакомые события, скупая хронология боевых дней. Только факты, факты и факты, многие из которых хорошо были известны Бугу, но до этой минуты оставались загадкой.

Пока он читал, Горин разложил на столе закуски, принес бутыл с самогоном и заполнил два стакана по верхнюю каемочку.

Закрыв тетрадь, Буг долго молчал, осмысливая неизвестную ему ранее историю борьбы в тылу врага, насыщенную многочисленными диверсиями, которые осуществлял Горин.

— Предположим... — словно продолжая раздумья, сказал Буг, — предположим, что все это правда. Но потом... Чем ты занимался потом? Ведь

я наводил справки. Это уже после прихода наших. На фронтах тебя не было. Ты числился в без вести пропавших. Но чутье мне подсказывало, что ты жив.

— Правильно, — подтвердил Горин, — я и не был на фронте, так как стал специалистом иного профиля, что мне пришлось по душе. Зверь пятался, а я сидел у него в утробе и раздирал ему внутри кишки.

— Странно... очень странно, — тихо произнес Буг, не сводя с Горина пристального взгляда.

Горин вдруг побагровел. Глаза его помутнели и налились кровью.

— Прекрати, товарищ лейтенант, — прошипел он, не доводи до греха. Ты что — не понимаешь разве, какой ждал меня итог? Я ведь, прежде чем к высшему командованию на приемы проситься, должен был перед вашей милостью оправдаться. А зачем мне оправдываться в том, в чем не виноват? Да и был бы прок? Трибунал — и баста!

— Резонно, — отведя глаза, сказал Буг. — Да-а, дела-а. Поэтому после войны и сюда забрался?

— А куда же еще? Смутные времена были.

— Знаешь, а я не совсем правду сказал, что многое сгладилось, — признался Буг. — Ох, сколько еще не сгладилось. Только мягче что ли стал? Терпимее к людям. Товарищей, друзей тех лет остались считанные единицы. Чаще стал вспоминать прошлое. Появились сомнения. Вот и решил тебя разыскать. Наверное, чем ближе мы к концу, тем более склонны оглядываться назад.

— Что правда, то правда, — успокаиваясь, согласился Горин. — Давай-ка оглянемся на Светлану и Леньку. Помянем их.

Они выпили залпом, враз опрокинув стаканы, как пьют только русские. Захмелев, Буг разговорился. Он долго рассказывал о том, как воевал, как дошел до Берлина, как ликовали, празднуя победу, как потом он летал на «гражданке». Он поведал Горину и о своей Зое, фронтовой подруге из санбата, ставшей женою, о детях, о внуках и правнуках и о том, как теперь живет все их племя.

— А ты зря так. Зря. — сказал Буг, показывая на стены землянки. — Как можно жить без людей?

— Значит, можно, — упрямо сказал Горин, — я привык. Понимаешь, привык.

— Теперь и времена другие, — настаивал Буг, — теперь разбираются, а ты себе добровольную ссылку устроил.

— Зря стараешься, лейтенант. Я же сказал...

Буг вздохнул так, словно ему не хватало воздуха.

— Не можешь ты пересилить обиду, — сказал он. — Получается, будто перед тобою виноваты все. А я вот пересилил... Я ведь после парти-

занского отряда напрямик в штрафной офицерский батальон попал. И никаких тебе полетов. Вину искупал. А за что, скажи?

Горин усмехнулся.

— Вот не думал, что ты пострадать можешь. Но тебе это полезно было, чтобы о других научился судить здраво. Хотя вижу, что не до конца ты перевоспитался.

Уже короткая летняя ночь была на исходе, когда они улеглись спать. Покапливая, покряхтывая, они ворочались на жестких лежанках, пока сумрак не стал расплзаться в стороны от светлеющего окна. Так и не уснув, Горин встал и принялся за приготовление завтрака, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить гостя.

— Бренчи, брэнчи. Я все равно не сплю, — подал голос Буг. — Пора собираться в дорогу.

— Остался бы на недельку, — неуверенно предложил Горин. — Куда спешить-то? Поохотились бы, порыбачили...

— В том-то и дело, что спешу, — сказал Буг. — При мосей-то оравсе дел всегда хватает. Там еще один правнук должен на свет появиться. А вот погода можно будет и приехать к тебе. Прихвачу одного из внуков, да и нагряну. А то, может быть, и ты к нам? Слушай, приезжай на самом деле.

Через час они вышли из душного подземелья, вдыхая пьянящий родниковой свежестью воздух. Как и накануне, утро было ясным и тихим. Над головою с ветки на ветку перепархивала сойка. В ельнике пересвистывались рябчики. Со стороны лесной гривы доносились пощелкивания глухаря.

Горин вызвался проводить Буга, ссылаясь на не безопасный путь за ручьем. У переправы они присели на валежину и выкурили по папироске. Глядя на кедр, ставший мостом, Буг сказал:

— Удивительные тут места... сберечь бы их людям...

Горин ничего не ответил, поднялся, и они пошли дальше. По болотцу пробирались молча. Горин сосредоточенно смотрел под ноги, выбирая возле каждой топи наиболее удобное направление, заботясь, чтобы как-то облегчить непривычный для Буга поход. Когда до дороги оставалось не более десяти минут ходу, у тропы, как и в прошлый раз, оставился лесовоз, и до путников донесся знакомый Горину окрик:

— Эй, болотники! Поторонись! Доставлю!

Буг, который шел сзади, окликнул Горина и сказал:

— Постой. Тут я и сам могу. Чего тебе топать зря?

Он подошел и, прежде чем протянуть на прощанье руку, поковырялся в боковом кармане пиджака, вытащил маленький плотный квадратик бумаги с мелким типографским оттиском и дал его Горину.

— Пока мы шли, — сказал он, — я вспомнил, что в гости-то тебя пригласил, а адрес не соизволил сообщить.

Когда Буг добрался до дороги и, помахав на прощанье рукой, забрался в кабину машины, Горин заглянул в оставленную ему визитку. «ПОЛКОВНИК В ОТСТАВКЕ» — прочитал он. «Вот как? Полковник, значит? — подумал Горин, пренебрежительно скривив губы. — Куда уж тут нам...»

Глядя вслед удаляющейся машине, стоя по колена в воде отдающей затхлостью, он произнес вслух:

— Может, и не свидимся более, товарищ полковник... А я, разве что, на егеря соглашусь...

У КОСТРА

Рассказ

Место было глухое. На крутом яру протоки, словно в раздумье, засыпали вековые кедры. Из тяжелой тень падала на береговую линию, отчего вода поблескивала черным глянцем, как нефть. Остальная часть протоки, освещенная полной луной, отливала серебром и под действием быстрого течения казалась извивающимся телом змеи. Противоположный берег, в отличие от крутого, едва возвышался на урезом воды, щетинился осокой, курился белесой дымкой над окнами озерков, доносил какие-то шорохи и всплески.

На яру горел костер, освещая небольшую поляну, могучие стволы деревьев, обступающие ее и троих мужчин, расположившихся на траве у расстеленного на земле брезента. Мужчины были одеты в одинаковые костюмы защитного цвета с капюшонами, отброшенными за плечи, а на голове одного из них красовалась форменная фуражка речника с «крабом».

— Как рассветет, так и зорьку отстоим, — сказал речник, прервав молчание.

Он подождал, что скажут остальные, но те только закивали головами в знак согласия, занятые едой. Тогда, подумав, он добавил:

— Утей тут много, тыщи. Шулюм заделаем... А потом нишковать будем.

— Тебе виднее, — отозвался мужчина с небольшой окладистой бородой, похожий на лесника, третий — опять только кивнул, торопливо жуя, словно боялся опоздать на зорьку.

В тишине было слышно, как весело потрескивают в костре сучья, и гудят за спинами комары, отгоняемые дымком. Настроение у всех было

хорошее от предвкушения интересной охоты, от сказочного дремучего леса, от игривых языков пламени и искринок, уносящихся вверх, чтобы там погаснуть.

И снова, как бы рассуждая, речник сказал:

— Колот делать не будем. В лесу найдем. Знаю, шишкиют тут...

— Верно, — сказал мужчина с бородкой и, покряхтывая, встал, расправляя занемевшие мышцы от непривычного сидения на земле. Потянувшись и сделав глубокий вдох, он вдруг закашлялся и, махнув досадливо рукой, отошел в сторону. Когда приступ кашля прошел, он вернулся к костру и весел проговорил:

— Эх, Степан, сейчас бы неплохо твоего чайку бутылочного похлебать. А?

— Враз заделаем, — встрепенулся речник. — Это ничего, что темно. Я засветло приметил: тут иван-чай растет, и лабахник, и багульник. В самый раз багульничек от кашля. Донимает он вас, Христофор Христофорович!

— И не говори, Степа, замучил. Все зимники сказываются.

— Да-а, работенка у вас! Сурьезная. Руководством-то заниматься не каждому дано. Тяжелее нашего капитанского дела. Хотя, тоже бывает... С рекою осторожно надо. А я в момент.

Он вскочил, как распрямившаяся пружина, и зашуршал по траве, скрывшись в темноту леса.

— Редкий, видать, парень, — сказал мужчина, которого звали Леонидом Иосифовичем.

— Верно — редкий. Из коренных сибиряков. А они — твердые ребята, с характером, — подтвердил Христофор Христофорович. — Только какой он уже парень? Вот пятнадцать лет назад, когда я сюда приехал, это да — ухарем был, бравым парнем. А теперь остепенился. Хотя иной раз и такое выкинет, что сразу не сообразишь, что к чему. Вроде бы и против логики, а выглядит благородно. Да, летит время, летит. Тридцать пять лет уже Степану. И мои лучшие годы тут прошли. Считаю, что тоже местным стал. Все строим, строим, а конца-краю нет. Большая кладовка — эта Сибирь.

Леонид Иосифович поморщился и сказал:

— На долго ли хватит содержимого этой кладовки? С воздуха посмотреть — всюду факела горят. На землю спустишься — вся она, бедная, в дырках и качалках. Высосут из нее скоро все соки. Хаос какой-то. Не нравится мне тут. Вот доработаю три года по договору и вернусь в свой Херсон. А у вас какие планы, если не секрет?

— Нет у меня секретов, — ответил Христофор Христофорович, вздохнув. — Что мне теперь на юге делать? Все там уже обустроено и

без меня. Да и не только из-за этого. Бывает приеду в отпуск в родные края, а мне и то не нравится, и это не так, и люди не те. Как иностранец себя чувствую. Привык я, брат, тут, привык. На мой век здесь вполне дел хватит, тем более, когда горят факела. Надо же кому-то их тушить? А на пенсию уйду, буду огородничать, заниматься рыбалкой и охотой. Интересные это дела. Жаль, что редки у нас такие вылазки, как нынче.

Шорох и хруст сучьев в лесу прервал их разговор. Вынырнув из темноты, Степан помахал в воздухе пучком травы и тут же захлопотал у костра, занявшись приготовлением бутылочного чая.

Через минут пятнадцать чай был готов. Тонкий, приятный аромат, дополняя запахи хвои, распространился по поляне.

— Напиток богов, — сказал Христофор Христофорович, прихлебывая из железной кружки.

— Только редко его боги пьют, — заворчал Степан. — Одна работа на уме. А потом то кашель, то одышка, то сердце. А от чего? Отдыхать надо. Есть катер, есть капитан, а что толку?

— Надо, надо отдыхать. Это ты прав, — согласился Христофор Христофорович. — Вот мы и отдыхаем сегодня. Однако, Степан, дай ружье Леониду Иосифовичу, а то я вижу — не терпится ему посмотреть и в руках подержать, все взгляды бросает на твой арсенал.

Степан вытащил из чехла ружье, собрал его, любовно протер тряпочкой и передал Леониду Иосифовичу, спросив:

— Обращаться-то умеете?

— Приходилось, — неопределенно ответил Леонид Иосифович.

Внимательно рассмотрев ружье снаружи, он разломил его, заглянул в стволы, направив их на свет костра, и зачем-то в них подул.

— Хорошее ружье, «тулка», — сказал он удовлетворенно. Затем, подумав, вскрыл пачку с патронами, вытащил два и положил их в карман.

— А зверья тут много? — спросил он вдруг, оглянувшись на лес. — Дебри-то какие.

— Хватает, — заверил его Степан и стал рассказывать охотничьи истории, которые с кем-то когда-то приключились.

— Что вы все о других, — сказал Леонид Иосифович, — вы о себе расскажите.

— Можно и о себе... вот. — Он сбросил куртку и рубаху, оголив левое плечо. Оно все было в узловатых рубцах до локтя.

— От чего это? — не то испуганно, не то удивленно спросил Леонид Иосифович.

— Мишка память оставил, — сказал Степан. — Мне наука и вам для науки показываю. Его не трогай — и он не тронет, уйдет. И в глаза ему

смотреть не надо: не любит. А я пальнул сдуру. Не в него, а так.... чтоб пугнуть.

Степан оделся и молча стал смотреть на огонь костра. Его языки, словно обладая тайнами волшебства, притягивали взгляды охотников причудливою игрой.

— Удивительно, — сказал Христофор Христофорович, — сколько ни смотри на огонь — никогда не надоест.

Леонид Иосифович, поерзав на месте, не выдержал и, обращаясь к Степану, попросил:

— Расскажите, как все было-то...

— Можно и рассказать, — отозвался Степан, — коли жив остался. Накрыв он меня тогда. Вот я левую руку и сунул в его пасть. Хорошо, что в ватнике был, а то бы отгрыз начисто. Пока он ею занимался, я другою рукой ножичек достал. Ну и поронул по брюху. После этого он бросил меня и стал из себя потрохи выдирать, а я к дороге пополз. Там меня и подобрали ханты... Молод был, горяч. Так-то...

— Жутко! — сказал Леонид Иосифович. — Страшно было?

— А то как?

Наступило длительное молчание, так как после истории с медведем никому не хотелось говорить. Леонид Иосифович перебирал в памяти случаи, когда ему было страшно. Думая об этом впервые в жизни, он с удивлением обнаружил, что по существу вся его биография состояла из страхов. Дома, когда все было хорошо, он боялся, что вдруг что-то случится и станет плохо. На работе он боялся начальства, ответственности, сокращения штатов, конфликтов и поэтому прожил невзрачную благополучную жизнь.

Христофор Христофорович стал думать о неудаче со строительством моста через речку Тром-еган, похожую на анекдот. Тогда, отложив свои таежные дела, сго разыскал хант, имеющий русское имя Иван, чтобы высказать претензию: «Зачем, начальник, ты мостку построил, а меня не спросил? — Развалится твоя мостка». Как ни смешно, а так оно и случилось. В паводок мост подмыло и он упал. Подвела, конечно, геология. Но факт остается фактом, что пророчество ханта Ивана оправдалось. Он после этого не замедлил приехать опять. «Что я сказал, начальник? Развалилась мостка? Меня надо спросить, однако». Полушутя, полусерьезно Христофор Христофорович попросил у Ивана разрешения заново построить мост. «Строй, однако», — сказал Иван и уехал весьма довольный.

А Степан, не желая нарушать их мыслей, стал думать о предстоящей зорьке, о стрельбе по утям. Как душу отведет. Стрелял он без промаха, мог положить птицу в ноги, чтобы по траве не искать. Затаенной

страстью любил он тайгу, рыбалку и охоту на сорах, и свой служебный катерок, переделанный из старого буксира.

Внезапно громкий хруст сучьев нарушил задумчивую тишину, насторожил, заставил всю компанию встрепенуться и повернуть головы на шум. Кто-то, казалось, тяжелый и грузный с трудом пробирался сквозь чащу. Леонид Иосифович вытащил из кармана отложенные два патрона, поспешно зарядил ружье и взвел курки.

Хруст приближался, нарастал и, наконец, между ближайших стволов показалась большая голова, увенчанная массивными рогами.

— Лось, — тихо сказал Степан, — стрелять не надо.

Но тут же прогремел выстрел... Он оглушил, ослепил, неожиданным диссонансом вторгся в гармонию ночи, вызвал недоумение и досаду.

Лось сделал гигантский скачок в темноту и скрылся.

Все сидели, как в шоке. Христофор Христофорович ощупывал ухо. Из него сочилась кровь.

— Нехорошо, — сказал Степан, — зачем стрелять-то было?

— Нервы... — дрожа подбородком, сказал Леонид Иосифович. — Случайно нажал.

— Нехорошо, — повторил Степан с неприязнью в голосе, — мог убить. — И было ясно, что он имел в виду не лося, а Христофора Христофоровича, над которым заряд прошел всего в нескольких сантиметрах, задев ухо.

Степан взял из рук Леонида Иосифовича ружье, еще дымящееся стволом, и стал осматривать его с таким видом, будто это была не его «тулка», прослужившая ему пятнадцать лет, а чья-то. Вздохнув, он повернулся спиной к костру и не спеша подошел к краю яра.

— Нехорошо, — послышалось снова оттуда.

Постояв с минуту, Степан вдруг взмахнул ружьем над головой, как дубиной, и оно, описав большую дугу, плюхнулось где-то на середину протоки.

Стоя на яру, неизвестно о чем думая, он, казалось, внимательно вслушивается в шорох осоки и всплески на противоположном берегу, где намечалось встретить утреннюю зорьку.

У костра было тихо, как на похоронах. Только слышался кашель Христофора Христофоровича, который, отвернувшись в сторону, зажимал носовым платком ухо. Леонид Иосифович, не поднимая глаз и словно окаменев, смотрел на огонь. Настроение у всех было испорчено.

Зорька не состоялась...

ЧАКА

Рассказ

Чистое небо знойного дня словно опрокинулось в лыву и сделало ее бездонной. Там, на недостижимой глубине, застыло на одном месте кудрявое облачко, которое при каждом всплеске на поверхности приходило в движение и казалось лебедем, встряхивающим перьями.

В изящном планирующем полете бесшумно скользили над водной гладью длиннокрылые чайки, высматривая рыбные косячки. Временами, падая камнем, они вздымали снопы искрящихся брызг и рождали круговые разбегающиеся волны. Выхватив из-под воды добычу, чайки уносились в сторону песчаной косы.

Сидя в долбленке, опустив весла, Тюнев отдыхал, любуясь окружающим миром и его зеркальным отражением — похожим и непохожим, знакомым и сказочным...

Вдоль лывы, под невысоким яром, вода поблескивала изумрудным гляncем, впитав краски прибрежного бора, и манила в свои глубины загадочной подводной куцей. Казалось, ничто не в состоянии нарушить умиротворенного благополучия этого затерянного таежного уголка, хранящего тайны единства природы.

На дне лодки, сверкая серебром чешуи, подергивалась и персливалась, как ртуть, не успевшая заостенеть, масса мохтика. Тюнев запустил в нее руку и, привскинув несколько рыбешек, бросил взгляд вверх, где кружили чайки.

Одна из птиц, сдержав полет, вдруг зависла над лодкой и, перейдя в плавное падение, опустила на корму.

— Привет, Чака! — сказал Тюнев. — Угощайся.

Чайка покрутила головой, поглядывая глазом-бусинкой, и, припор-

хнув к ногам Тюнева, схватила рыбку. Вслед за тем, словно подхваченная восходящим потоком воздуха, она взмыла к небу.

Проводив ее взглядом, Тюнев взялся за весла и направил лодку к песчаной террасе, под спасительную от зноя тень прибрежных кедров.

Растянувшись там на песке, подложив под голову широкие ладони, он стал рассматривать впечатляющую своей суровой экзотикой картину.

Из стены яра, источенного паводками и ветрами, торчали могучие корни, похожие на гигантские корявые руки. Столетний ствол, угрожая падением, нависал над террасой, создавая островок уютной прохлады.

Глядя на голубые просветы-зайчики, Тюнев с сожалением думал: «Скоро рухнет этот красавец. Может быть, осенью в дожди. А жаль...»

Постепенно дремота стала одолевать его, глаза затуманились, веки, как шторы, поползли вниз, губы прошептали еще раз: «Жаль»... — И он уснул.

.

Что-то большое белое, похожее на снежный ком, глухо ударило в окно... Через минуту удар повторился, рассыпаясь по стеклу в частую дробь.

— Ой! — вскрикнула Мария, роняя из рук пряжу. — Что это, батюшки?

Замерев в ожидании, она впилась взглядом в голубой квадрат неба, обрамленный оконной рамой. И тут снова что-то налетело, затрепетало и сползло вниз.

— Никак курица сбесилась? — удивилась Мария, заметив мелькание белых крыльев, и выбежала на улицу из избы.

Тут же, взволновав полусонную тишину деревушки, заметались в воздухе пронзительные крики. Над головою Марии кружилась и кричала встревоженная чайка. Из двора, который был рядом, вышел сосед и, задрав голову, застыл, глядя на необычное поведение птицы.

— Кажись, Мария, она тебя клюнуть метит, — сказал он.

— Не, Петро. Ты гляди-ко. Она будто на речку зовет. Вишь? Отлетит к берегу и вертается.

— Угу. Может до твоего Аркашки кличет? — высказал догадку Петро.

— Ой, правда! Не беда ль какая? — Всполошилась Мария. — Давай-ко на моторе, да за нею. Кто знает...

Они спустились с крутого берега к воде. Петро запустил мотор. Разбрасывая по сторонам веера брызг, лодка понеслась вслед за чайкой...

.....
Тюнев лежал, скованный по рукам и ногам густыми, увесистыми ветвями-лапами. Не дождался великан осенних дождей, рухнул от собственной тяжести, потеряв опору.

«Вот и все... Вот и конец...» — думал Тюнев.

Он представил одинокую, с пряжей в руках, быстро состарившуюся без него Марию, ее потускневшие, выплаканные глаза, прохудившуюся крышу, которую некому починить, холмик собственной могилы у леса и ему стало горько и больно, что не будет он больше жить с Марией и никому не будет до нее заботы... Но... что это?

Вверху, за ветвями, как наваждение, внезапно затрепетали белые крылья. Надрывный крик резанул слух и ударил в сердце.

— Чака... дорогая... дружище... — прошептал Тюнев, и слезы потекли по его скулам.

В тот же миг он вдруг услышал другие крики. Скосив в ту сторону глаза, он увидел, как от берега, обгоняя друг друга, к нему бегут Петро и Мария...

САШЕНЬКА

Рассказ

Ветер стучал в окна. А когда его порывы усиливались, то дрожали стены вагончика, и слышался скрежет железа, словно кто-то ножом скоблил сковороду. Вагончик был старый, но зато теплый, а это — счастье. Зимы в Сибири холодны, морозы трескучие. Правда, теперь май, но все равно холодно.

Сашенька с тревогой взглянула на кровать с панцирной сеткой и двумя ватными матрацами, на которых спали ребятишки: «Привыкнули? А то вдруг станут болеть... Что тогда делать? Может быть, зря сорвались с места? Там, на юге — тепло. Но трудно... Все-таки семья, двое мальчиков. Сережа говорит, что тут воздух чистый, как слеза, климат здоровый, и что вырастут они крепкими, как настоящие сибиряки. Сережа, хоть и молодой, а серьезный, рассудительный, а главное — надежный, и работать любит. Все говорят, что хороший сварщик. А какая там, на юге, сварка? А тут — трасса...»

Сашенька вздохнула и в задумчивости подошла к окну. Слово «трасса» было для нее новым, внушало уважение и неясное чувство беспокойства.

«Какая она, это трасса?» — беззвучно шевеля губами, спрашивает себя Сашенька и отвечает: «Холодно там... ветрено. У Сережи, наверное, руки мерзнут. В карманы-то не сунешь: работать надо.» Сережа часто ей рассказывает о трассе, обещает показать, но все некогда, да и дети...

Сашенька снова вздохнула. Ей не спалось. А проснулась рано потому, что скоро приедет вахта и привезет Сережу. Чудное, новое для нее слово — «вахта». Скоро уже месяц, как они приехали, а Сашенька не

перестает удивляться и делать для себя открытия. Вот и погода какая-то странная: три дня назад было так тепло, что казалось, пришло лето, — а тут вдруг задул северный ветер, ночью подморозило, закружились пушистые снежинки, словно зима вернулась. Но соседка тетя Маша говорит, что это последние вздохи, что к десятому июня станет тепло, даже жарко, и можно будет купаться в озере.

На плите закипел чайник, засвистела свистулька, отчего сразу повеяло ощущением уюта. Она любила этот чайник, подарок отца. Он, когда дарил его перед их отъездом, сказал:

— Как засвистит, так и нас с матерью вспомните. И писать о своем житье-бытье чаще будете.

Она написала им уже. И не одно, а четыре письма, но ответа все нет. Долго, наверное, идет почта. Даль-то какая...

Сашенька заварила чай, укутала чайник полотенцем, чтоб дождался Сережу, снова подошла к окошку и потерла запотевшее сразу стекло. Прямо перед вагончиком прибит плакат к столбу. Но виднелась только тыльная его сторона из реек и фанеры. Однако, она знала, что там крупными буквами написано: «Строители, дадим стране газ!»

«Хорошо бы, — подумала Сашенька, — если бы дали и в нашу Вишневку. Вот радость была бы.»

В тамбуре хлопнула дверь и послышались короткие уверенные шаги. Вошла тетя Маша.

— Я к тебе вот зачем, — сказала она. — Ты, как привязанная, с детьми сидишь и света божьего не видишь. А небось хочется поглядеть, что вокруг творится. Так ты поезжай на вахте, которая за сменой пойдет. И для Сергея будет приятная неожиданность. А я детей покараулю. И не беспокойся: своих, слава Богу, пятерых вырастила. Да скорей собирайся, а то уйдет вахта.

В кабине было тепло и сидеть было мягко, а за спиной слышались неразборчивые голоса дневной смены. Водитель Сашеньке понравился. Сразу видно, что шустрый, общительный и весь, как на шарнирах. От такого за полчаса узнаешь больше, чем сам за месяц увидишь. Как только Сашенька уселась, он начал рассказывать о прошедшей зиме, какая она была суровая, как печку дополнительную поставил в машину и благополучно пережил самые жестокие морозы. А теперь уже почти «Ташкент», и включать печку нет надобности. Сейчас же включил ее ради пассажирки. Он знает, что для женщины главное — это тепло. А ее Сергей — парень примечательный, работага и без закидонов. Такой здесь годится.

От его рассказов Сашеньке становилось уверенней на душе, чувствовалось, что не пропадешь тут и все будет хорошо.

Дорога петляла по сухим местам в обход болот, которые уже успели оттаять и угрожающе темнели полыньями. В такую ахнешь — и поминай, как звали. И, словно угадав ее мысли, шофер сказал:

— Вчера трактор утонул в такой. Занесло сдуру тракториста. Хорошо, что успел выскочить. А трактор попробуй теперь достать-то.

И снова тревога колыхнула Сашенькино сердце.

«Строители, дадим стране газ!» — вспомнила она плакат. Да, газ, наверное, очень нужен, раз собралось здесь в глуши столько людей. Хотя... разве в Вишневке лучше было? Грязь, бездорожье, унылые степи. И безденежье...

Дорога внезапно будто оборвалась, вынырнув за полосу леса, и Сашенька вдруг сразу увидела Сережу. Он шел среди рабочих, одетых в одинаковые меховые куртки. Все о чем-то возбужденно говорили, словно спорили. А потом вдруг разом рассмеялись.

Сашенька, не раздумывая, выпрыгнула из высокой кабины на мягкую, покрытую ягслем землю и побежала, спотыкаясь о валежины и пни, счастливая, словно встреча была после долгой разлуки. Увидев ее, все остановились удивленные, а Сережа ринулся навстречу и с тревогой спросил:

— Ты откуда? Что-нибудь случилось?

— Нет, Сереженька, все хорошо. Дома тетя Маша с детьми. А я посмотреть...

Сережа понял, о чем не договаривала Сашенька. Они оба разом оглянулись туда, куда уходит трасса. Она как бы манила, звала своей устремленностью за горизонт. Казалось, ей нет конца.

И Сашенька впервые с радостным удивлением подумала, что вся ее жизнь с Сережей еще впереди и что она так же бесконечно заманчива своей далью, обещающей неизведанное счастье. И дети тут вырастут крепкими, закаленными, и все будет хорошо...

Новеллы

НАСЛЕДНИК

Новелла

Уже неделю стояли сорокаградусные морозы. Жесткий северный ветер пронизывал насквозь, перехватывал дыхание и, казалось, что коченеют не только пальцы, лицо и тело, но и сердце.

В один из таких дней, увязая в снегу, шли гуськом люди по глухой тайге. Их было десять человек. У каждого за спиной висел туго набитый рюкзак с запасом продуктов и необходимыми житейскими предметами. До нового места работы, куда они шли, было около тридцати километров. По мере продвижения всем становилось ясно, что за день туда не дойти, не хватит сил.

— Черт бы побрал этого мальчишку, — сказал Реут, бородатый пожилой мужчина. — Что можно делать в такой мороз?

— Ты первым поддался на его уговоры, — напомнил ему высокий, как жердь, человек, идущий спереди. — Авось доберемся... А о работе не думай, он найдет, что тебе делать.

— Нашел время зубоскалить, — сердито отозвался Реут. — На твоих ходулях не только по снегу, а и по болоту ходить можно, как аисту. А я уже изнемог. Пора бы место под ночлег готовить.

Словно в ответ на его жалобное ворчание в морозной тишине раздался звонкий голос ведущего:

— При-и-вал!

Реут сразу встрепенулся, сбросил на снег рюкзак и крикнул залихватски:

— Топоры и лопаты к бою! Слушай мой инструктаж! Готовим не один костер, а два. Интервал десять метров. Садиться и стоять без движения запрещаю! За работу!

Застучали топоры, замелькали лопаты, расчищая площадку под привал... И вот — живительные, милые взгляду и сердцу языки огня охватили два длинных штабеля бревен.

Набросав гору елового лапника, на котором было удобно и сидеть, и лежать, развесив над огнем чайники и ведра со снегом, люди принялись за еду. Тот, кого Реут называл мальчишкой, подошел к нему, опустился рядом на подстилку из лапника и сказал:

— Это вы хорошо придумали, сделав два больших костра. Такой способ мы можем применить в большие морозы, окружив места работ множеством костров, и быстрее выполнить задание.

Долговязый, который сидел за спиной Реута, наклонился к его уху и, хихикнув, сказал:

— А что я говорил тебе, Реут? Не будет у нас безработицы.

Реут недовольно поморщился.

— Вот что, товарищ Болеславский, — обратился он к молодому человеку нарочито официально, — вы бы сначала спросили людей, что они думают о вашей затее.

— Мне кажется, что люди думают правильно, — в тон Реуту ответил Болеславский. — Иначе мы не сидели бы здесь у костра.

Реут усмехнулся.

— Это еще ни о чем не говорит, — возразил он. — Дурное дело не поздно и поправить.

— Чем же оно дурное? — возмутился Болеславский. — Мы на полгода раньше построим дожимную станцию, страна получит дополнительный газ, который очень нужен многим не энергетическим районам. Так чем же плоха затея? Может быть, вас пугают трудности?

— Красиво подводишь базу, — снова усмехнувшись, сказал Реут. — Далекое пойдешь, парень!

— Эх, а я на вас надеялся! — воскликнул с горечью Болеславский. — Неужели вы подозреваете меня в честолюбии, в корысти и черт знает в чем еще?

— Я не имел в виду это, — смягчившись, проговорил Реут. — Вроде бы немного знаю тебя...

— И на том спасибо... А что вы думаете по поводу энтузиазма? Ведь ваше поколение именно этим отличалось. Не так ли? Почему же вы исключаете в нас такую возможность? Вам обидно? Вам горько за прошлое? Но при чем тут мы? Почему, занимаясь самобичеванием, вы растлеваете молодежь? Почему, уничтожив одни идеалы, не подготовили для нас других? Вы практически бросили нас на самоопределение, вы устарились, опускаете руки. Но... быть может, именно это и породит в нас великую энергию...

Реут попал врасплох, не находя сразу, что ответить. Болеславский, выждав, сказал:

— Мне не раз говорил дед, чтобы я остерегался когтистых лап бюрократии и демагогии, которые всегда тянутся к горлу завоеваний революции. Это они душат энтузиазм и сеют сомнения. Вина старших, ваша вина, что вы допустили нравственный упадок в обществе. Многие из вас, товарищ Реут, стали палачами своей же веры.

— Постой! — прервал его Реут. — Ты во многом прав, но говоришь лозунгами. Человек не может сделать больше, чем в него заложено. Если, к примеру, ты сможешь за одну минуту съесть котлету, то это не значит, что за шестьдесят минут ты одолеешь шестьдесят котлет. Подавишься! Я к тому говорю, чтобы и нам не подавиться в спешке. Я не уверен, что мы поступаем правильно, переключаясь в такой мороз туда, где нет ни кола, ни двора.

— А я уверен! — горячо отпаривал Болеславский. — Дед меня учил так: «Глаза бояться — руки делают.» А иначе не будет прогресса.

— Что ты заладил: «Дед да дед!». Кто он, твой дед-то?

Болеславский долгим взглядом посмотрел в глаза собеседнику.

— Революцией занимался мой дед, — ответил он. — Потом с конторой боролся и народным хозяйством занимался...

— Тогда все ясно, — сказал Реут. — Это в тебе наследственное. — Он замолчал и задумался.

— А чему еще учил тебя дед? — раздался из-за спины Реута голос долговязого. В нем слышалась издевка.

— А еще учил меня дед — Родину любить! — резко выпалил Болеславский. — А вам такое чувство знакомо?

Он поднялся с подстилки, подошел к огню и поворошил бревна. Сноп искр взметнулся к вершинам деревьев, вселяя уверенность. Он старался прогнать чувства обиды и неприязни. Рассудок подсказывал главное — здесь, в холодной тайге, где сидят у костра люди, покинувшие насиженное место, не должно быть личных обид.

Эта мысль успокоила, а прерванный разговор унес его в воспоминания о недалеком прошлом: к рассказам отца о делах не только деда, но и прадеда. Прадед, который погиб при Брусиловском наступлении, заложил основу их семейных традиций, их нравственного понимания общественного долга. Уходя на войну, он посадил на колени сына и сказал: «Запомни, сынок, самое главное в жизни — это Родина. Потом мать и жена.»

«То же самое и я буду говорить своим детям и внукам», — подумал Болеславский.

В это время долговязый, наклонившись к уху Реута, шептал:

— Чуешь, куда он все завернул? Костями там ляжем. Давай тикать, пока не поздно.

— Тикай ты к черту! – рявкнул вдруг Реут. – Такому помогать надо, а не тикать.

Долговязый испуганно отпрянул и затих.

Ночь прошла беспокойно. Люди сгрудились на лапнике, чтобы было теплее, но все равно, застывая, просыпались и шли к огню, обсуждая там предстоящие дела и проблемы.

Под утро Болеславский вдруг крепко уснул, так что Реуту пришлось его будить. Он тряс его за плечи и говорил:

— Поднимайся, дружище! Пора идти на точку. Ну, проснись же, наследник революции!

У ОКНА

Новелла

За окном разыгралась метель. Тоскливо завывал ветер, ударяя в стекло снежной пылью.

Екатерина Николаевна, красивая тридцатилетняя шатенка с серыми глазами, выражающими тревожную задумчивость, стояла у окна и смотрела на улицу. Там было уже темно. Ранние зимние сумерки и густая пелена снега скрадывали очертания домов, а по тротуару, казалось, двигались призрачные тени.

Постепенно количество прохожих уменьшалось, а она все стояла и смотрела, провожая каждого взглядом, словно ожидая, что кто-нибудь вдруг остановится и посмотрит на ее светящееся окно. Но прохожие, подняв воротники, сутулясь под напором ветра, быстро проходили мимо.

Впервые за последние два года, с тех пор, как она стала жить одна, на Екатерину Николаевну нахлынуло непроходящее, ноющее чувство, от чего опускались руки и ничего не хотелось делать. И то ли от этого внутреннего состояния, то ли от того, что от окна дуло, ее все время морозило и она зябко передергивала плечами.

Почему-то в этот вечер на нее вдруг обрушились воспоминания, которые, казалось бы, уже не должны были волновать. По-видимому, причина была в том, что накануне она встретила Сергея Дмитриевича, бывшего своего мужа, с молоденькою женой. Но какое ей дело до этого? Любовь, заманчивая новизна и интимные радости – все обратилось в прах, поросло быльем. Она хорошо помнит, как в последние два-три года тяготилась замужеством, мучилась и обманывала его. Он вечно был занят неотложными делами, надолго оставлял ее одну, мало уде-

лял ей внимания, а она живой человек – вот и результат! Правда, Сергей Дмитриевич пытался увлечь ее своими интересами и сделать ее помощницей, подсовывая книжки о жизни Льва Толстого, Гаршина и других знаменитостей, у которых жены были самоотверженными дурочками. Одна, как проклятая, переписывала романы, другая вязала чулки, пока муж писал, так как ему требовалось ее присутствие при этом процессе, третья... Короче говоря, все мужчины эгоисты. Стоит ли жить для того, чтобы превращаться в служанку, в рабыню обстоятельств? Нет, она не желала такой судьбы. Она тогда твердо решила, что лучше жить одной... А он все же любил ее и даже на суде при разводе сказал об этом. И после продолжал убеждать ее, чтобы выбросила из головы глупости. Хорошенькие глупости! Она и слушать не хотела, торопила с размером квартиры.

И вот теперь у нее прекрасная однокомнатная на третьем этаже, уютно обставленная, и все, что она делает, так это только для себя, без чьих-либо претензий.

Но отчего так тошно на душе? Не от того же, наверное, что она встретила эту парочку молодоженов? Смешно... Они явно растерялись, лица стали серьезными, чуть ли не почтительными, и раскланялись, как в старом водевиле. Интересно, кольнуло ли у него сердце? По лицу не определить, умеет собою владеть. А у той – любопытство из глаз наружу лезло, не умеет эмоции прятать. Дурочка, может быть? Да нет, Сергей Дмитриевич не такой простака, чтобы на дурочке жениться. Ему ее в общество выводить, в круг знакомых, их бывший круг... И смотрится она неплохо, хорошенькая, волосы рыжеватые – видимо, хной подкрашивает – и похоже, что слишком подвижная.хлопотно будет с нею Сергеем Дмитриевичу... И хохочет она слишком громко. Наверное, как всегда, он рассыпал свои остроты. А ее, Екатерину Николаевну, его остроты всегда раздражали. Да и сдержаннее она, чем эта рыжеволосая, и красивее. Что его подкупило? Ее молодость? А куда девалось «вечное чувство», о котором он говорил? Вот и верь в настоящую любовь.

Тогда ей показалось, что в его взгляде промелькнуло нечто, похожее на сожаление или сочувствие. Почему вдруг сочувствие? За что ее нужно жалеть? Пусть себя жалеет...

Екатерина Николаевна уже хотела было отойти от окна, как вдруг заметила за пеленой снега идущую пару. Она невольно сжалась и отступила за портьеру. Это были они... Они приближались к рябине, стоящей у тротуара напротив. Вот они остановились, и он стал показывать куда-то вверх рукой. Не на грозди ли побуревших ягод, висящих на голых ветках? Нет, скорее всего, на его освещенное окно...

У Екатерины Николаевны замерло дыхание. Может быть, надума-

ют зайти? Ну что же, она встретит их как гостеприимная хозяйка, угостит свежим, крепким чаем. Как он любит... Но что за нелепые мысли? Зачем им заходить? Так и есть, они уже не смотрят вверх и пошли дальше.

Екатерина Николаевна передернула плечами, но не от озноба, а от раздражения, недовольства собой и поспешно отошла от окна. Она выключила верхний свет, включила торшер, набросила на себя пуховый платок и с ногами забралась в глубокое удобное кресло, стоящее у книжных полок. Пошарив глазами по рядам книг, она взяла томик стихов Лермонтова в голубом переплете, нашла нужную страницу, пробежала по ней глазами:

«Любить, но кого же? На время не стоит труда.

А вечно любить невозможно. В себя ли заглянешь,

Там прошлого нет и следа...»

Прочитав, она задумалась и так, сидя, неизвестно сколько времени еще думала, перебирая в памяти события из прошлой замужней жизни и настоящей, насыщенной ухаживаниями мужчин, для которых она представляет собою особый соблазн как одинокая, красивая, имеющая отдельную квартиру женщина. Она только и успевает отмахиваться от этих ухаживаний, зная, что мужчины любят похвастать своими победами, а ей ни к чему портить репутацию для будущего. Но сплетни, словно мерзкие мокрицы, расползаются повсюду, ставя под сомнение ее добропорядочность.

Постепенно мелкая дрожь стала охватывать Екатерину Николаевну от подкатившего непонятно почему смеха.

— Ха-ха-ха! — захохотала она громко грудным голосом. — Ха-ха-ха!

Она хохотала долго, смахивая ладонью слезы, застилающие глаза.

Затем, преодолев приступ смеха, Екатерина Николаевна резво вскочила с кресла и пошла на кухню с таким решительным видом, будто собралась совершить что-то очень важное.

— А я тоже люблю свежий, крепкий чай! — сказала она таким тоном, словно кому-то бросала вызов.

ПРИЗРАЧНАЯ ЯВЬ

Феерическая новелла

Мысли о ней не давали покоя. Они обжигали сладостным предчувствием, что и она постоянно думает обо мне.

Всем своим существом я ощущал те мгновения, когда она, блуждая во тьме неизвестного, вдруг приближалась ко мне, влекомая внутренним наитием, но попадающая в тупики лабиринта, называемого судьбою.

Иногда казалось, что она находится совсем рядом, что стоит только сбросить с себя оцененение, куда-то пойти, где-то постоять и подождать – и она выйдет навстречу.

Такие минуты нагнетали состояние почти физического ощущения ее нежного дыхания, руки ловили хрупкие пальчики, протянутые в непроглядной мгле, обвивали гибкое тело, льнувшее каждым изгибом. Все млело и таяло в моей груди, погружая рассудок в туман полузабытья, и я распадался на струйки дождя, превращался в дорожную пыль, в прозрачную синеву неба, в эхо – отзвук ответного таяния...

Я любил ее продолговатое лицо со слегка выдающимися скулами, гладкие мягкие волосы каштанового оттенка, рассыпающиеся на плечах, миниатюрный носик, наводящий на мысль об утонченности натуры, выразительные губы с подвижными уголками, обладающими неодолимым свойством притягательной силы, и, наконец, глаза – светло-серую с зеленоватым оттенком пучину таинственного мира внутренней красоты.

Я стремился проникнуть в эти неизведанные глубины, невидимые так ясно, как видим мы гармонию форм, создаваемых великим творцом всего земного – природой, стараясь постичь гармонию духа, жаж-

душего одарить родственную душу нежностью возвышенных чувств и милосердием...

Мысль о ее неповторимости не покидала меня с тех пор, как я постиг тайну женских масок, изображающих доброту, щедрость, нежность и целомудрие, но прикрывающих ими истинное лицо мелочности, злобности, грубости и беспутства. Ее лицо, не знающее фальшивых гримас, словно видеозэкран, отражало каждое движение возникающих эмоций. Она, словно жемчужина в груди серых песчинок, излучала сияние, вселяя радость и надежду. Я не представлял ее способной нанести даже нечаянный удар, ранящий сердце. Я видел только, как она, превращаясь в изящное, порхающее существо, собирает нектар с цветочного поля, чтобы потом сделать целебный бальзам и залечивать им старые раны...

По утрам, когда первые лучи солнца, отыскав одно из тысяч городских окон, заглядывают в ее комнату, черты ее лица, выражающие инерцию умиротворенности сна, начинают вдруг преображаться в мягкую улыбку пробуждения и, вслед за тем, в сладостной истоме изгибается ее тело, распрямляется грудь, возвращая упругость расслабленным мышцам, жизнь наступающего дня приподнимает веки, отдаляя видения, навесные снами, в которых, быть может, расплывчатым пятном промелькнуло и мое лицо, не открывшийся взор уже невольно стремится закрепить его в памяти, перенести в обозреваемый мир, наделяя чертами реального образа.

Итак, вступая в новый день, манящий и интригующий неизвестными событиями, она решительно сбрасывает с себя одеяло и идет к роялю...

Ликующее возрождение в лучах солнца, радость существования, вера в обретение счастья – наполняют окружающее пространство звонкими искрами мелодии Моцарта.

Одарив этими волнующими звуками микромир, закованный в бетон, изгнав тень тревоги – спутницы ожидания, наполнив родниковой чистотой таинственную околосердечную область, именуемую душою, она выпивает чашечку кофе, выполняет перед зеркалом неизбежный ритуал служения изяществу и красоте и отправляется в концертный зал на репетицию...

О! Как не мог я догадаться об этом раньше? Разве трудно было понять, что никакая игра воображения не может поместить это утонченное, хрупкое существо рядом с раскаленной плитой в столовке, вложив в руку тяжелую поварешку для помешивания щей, или поставить ее у воющего станка строгать чугунные болванки? О нет! Предначтения природы уже от рождения закладывают основу распределения жизненных ролей, соответствующих внешнему облику индивидуума

и талантам. И поэтому мое нежное создание не может жить в мире без звуков, рождаемых одухотворенной натурой, чтобы омыwać сердца производителей, не давая им очерстветь.

Эти мысли неодолимо овладевают мною, заставляя прерываться в работе, попуская заглянуть в киоски театральных касс.

Я обхожу их одну за другой, просматриваю многочисленные репертуары концертных программ, утоаю в догадках и сомнениях, не решаясь сделать окончательный выбор, и, наконец, закрыв глаза, тяну на счастье, как в лотерее, один из билетов.

Однако обладание им нисколько не успокаивает меня, не восстанавливает душевного равновесия и я постоянно ловлю себя на том, что ежеминутно поглядываю на стрелки часов, отвлекаясь от своих исследований в области гуманитарной психологии, причастной к единообразию и взглядам на индивидуальность как на источник помех.

Дождавшись «звездного часа», то есть конца рабочего дня и начала вечерних концертов, я немедленно отправляюсь к парадному входу «храма» искусств, всматриваясь в лица женщин. Но так и не встретив ее под колоннадою театра, я устремляюсь в партер и усаживаюсь на первый ряд, держа в руках программку, которая своим многообещающим видом разжигает мое нетерпеливое ожидание.

И вот поднимается занавес...

Я впииваюсь глазами в существо, сидящее за фортепиано, и слышу, как невольный стон вырывается из моей груди, так как вместо ожидаемого «божества» вижу изогнутую карикатуру в форме полумесяца и сразу же теряю интерес ко всему, что происходит, не принимая во внимание бытующее мнение, что суть заключается не в форме, а в содержании, что под красивою оболочкой может оказаться тухлятина, а под личиною уродства – внутренняя красота и совершенство.

Но меня не устраивает этот парадокс контрастов.

Я понимаю совершенство только в гармоничной совокупности внутреннего с внешним и поэтому, несмотря на возмущенное шипение зрителей, встаю с места, хлопнув сиденьем, и покидаю полупустой зал.

Вечерний воздух целительной прохладой освежает мое лицо, разгоряченнос нервным возбуждением и разочарованием. В первую очередь я стараюсь собрать воедино разбежавшиеся мысли и направить их в прежнее русло, у истока которого, словно маяки, блещут неоновыми огнями театральные кассы. Снова «сыграв в лотерею», я запасаясь билетом на следующий вечер и, удовлетворенный, отправляюсь прогуляться по оживленным улицам, следуя народной мудрости, которая гласит, что «под лежачий камень и вода не течет», а «на ловца и зверь бежит».

Между тем, перебирая варианты поисков, я вспоминаю о методе дедукции, применяемом в свое время Дюпеном и Холмсом, и тут же, если не принимать во внимание вероятность самовнушения, прихожу к выводу, что **Я УЖЕ ГДЕ-ТО ВИДЕЛ ЕЕ**, но где – вспомнить не могу.

Испробовав построить логическую цепочку рассуждений, основанную более на догадках, нежели на фактах, я в конце концов запутываюсь в тех сетях, которые сплет, и прихожу к спасительной мысли, что следует не только ворочать мозгами, но и прислушаться к голосу интуиции. Поэтому, когда мне начинает казаться, что нужно перейти на другую сторону улицы или свернуть в переулок, я немедленно реагирую на эти внутренние толчки, пробиваясь сквозь плотный поток толпы и вызывая заторы в движении транспорта.

В малолюдных переулках, желая отдышаться, а также из тактических соображений, я перехожу на неторопливый шаг, что позволяет более внимательно вглядываться в лица и обозревать женские силуэты, не подвластные быстрому ритму спешки и не обремененные авоськами.

В этом занятии для меня важнее всего встречные взгляды, в которых я пытаюсь уловить признаки беспокойного поиска. Но исключительно во всех случаях мимолетные контакты глаз заканчиваются рассеянным скольжением в сторону.

Наконец, я начинаю чувствовать усталость от безрезультатных блужданий. Накал энтузиазма, гоняющий меня по улицам, постепенно угасает, а на смену ему наползает раздражение от ослепляющих вспышек реклам, от какофонии звуков, засоряющих эфир трамвайными звонками, скрипами, скрежетом и гулом нескончаемого потока машин, от беспардонных локтей активистов толпы, от всей окружающей суеты.

Помимо этого, чувство голода начинает напоминать о себе таким поющим зовом, что я готов, кажется, «заморить» не одного «червячка», а, по меньшей мере, целую дюжину. Поэтому, сказав себе, что на сегодня хватит, я решительно сворачиваю в сторону площади Пушкина, то есть домой – в мою обитель раздумий и грез.

Там из окна комнаты можно превосходно любоваться огромной панорамой, в центре которой на высоком пьедестале стоит вылитый из бронзы великий оптимист, устремляя свой взор в мою сторону и рождая во мне веру в бессмертие целеустремленного духа.

Однако, не успев дойти до ближайшего перекрестка, я вдруг улавливаю сквозь уличный грохот звуки музыки, заставляющие меня насторожиться и затрепетать. Чтобы лучше услышать и распознать что играют, я иду им навстречу и вскоре обнаруживаю на противоположной стороне открытое окно, обрамленное портиком, в доме старой по-

стройки, из которого вырывается наружу до страдания знакомая мелодия. Я продвигаюсь на самый край тротуара, становлюсь на бордюр, вытягиваю шею и прислушиваюсь...

Кто-то играет на рояле, самозабвенно отдаваясь неповторимым аккордам. Я сразу узнаю «Аппассионату». Меня охватывает восторг и ужас перед лицом неумолимой Судьбы. Я слышу, как она приближается, чтобы подвести итог. Ее отдаленные предостерегающие ноты, как предвестники назревающих событий. Они нарастают и нарастают, становятся все тревожнее и отчетливее, нарушая безмятежное течение. Они все ближе и ближе... Они набирают силу! Они...

Наверное, внутри рояля лопается струна... Отвратительный скрежет, подобный звуку, издаваемому острием ножа по дну кастрюли, судорогой пробегает по моему телу и ударяет в виски, вызывая головокружение. Я весь сжимаюсь, преодолевая острую боль, и тут же, по стечению обстоятельств, гаснут уличные огни и все погружается в темноту ночи.

Через некоторое время я начинаю чувствовать, что боль отступает, а чья-то рука нежно поглаживает мои волосы, лицо, касается губ.

Я открываю глаза и вижу озабоченное лицо со слегка выдающимися скулами, каштановые струйки дождя, стекающие мне на грудь, и светло-серую с зеленоватым оттенком пучину, в которую начинаю тут же погружаться, опуская потяжелевшие веки.

— Как хорошо, что ты нашла меня, — шепчу я непослушными губами.

— Нет, дорогой, — отвечает она, — это ты, наконец, возвращаешься.

Я улыбаюсь неожиданному счастью, вслушиваясь в ее голос, но не понимая сказанного. Она каким-то образом догадывается об этом и говорит:

— Саша, милый, я ведь твоя жена...

Я слышу, как она плачет, но не имею сил, чтобы поднять руку и дотянуться до ее лица. Тогда она берет мою ладони, осыпав ее поцелуями, прикладывает к своей влажной горячей щеке. Ее негромкий голос, словно преодолев большое расстояние, проникает в меня обрывками отчаянья и радости, тревоги и надежды.

— Боже мой, как я испугалась, когда ты исчез, попав под машину. Я обзвонила все больницы и нашла... Как я корила себя! Но доктор успокаивал и говорил, что потрясение может вернуть тебе память. Как ты страдал, милый Сашенька, не замечая меня и в то же время мучаясь в изнурительных поисках. О, удержать тебя было невозможно. И так три года... три ужасных года! Быть предметом и мечтой... Быть рядом и не существовать... Это невыносимо, родной. Давай я тебе помогу, чтобы

ты вернулся совсем...

Мне было жаль ее. Мое блаженство омрачалось ее страданием, но я не понимал, о чем она говорит и чем я могу ей помочь. Поэтому, собрав силы, я снова сказал:

— Как я счастлив, что ты нашла меня...

— Инна, — добавляет она, — меня зовут Инна.

— Ин-на, — повторяю я с наслаждением и вижу из-под приспущенных век, как в ее глазах вдруг вспыхивает надежда.

— Вспомни... вспомни, как все началось, — говорит она, словно гипнотизируя меня пристальным взглядом. — Я жила выше этажом. Мы часто встречались на лестнице, когда шли на работу или возвращались домой, мельком здоровались. Но однажды ты приостановился и спросил: «Это вы играете на рояле?» Я ответила, что играю. И тогда ты заинтересовался: не играю ли я «Аппассионату»?.. Ты пришел послушать. Потом приходил еще и еще. С этого месяца частых встреч... — помнишь, тогда под окнами цвела акация и моя комната была наполнена ее удивительным ароматом, которым ты постоянно восторгался, — с этого времени мы уже никогда не расставались. Я стала твоею женой. Но вскоре...

И вдруг теплая волна стала накатываться на мое сердце от пробуждающегося сознания. Запах акации, звуки музыки, яркие картины моего счастья, обгоняя ее рассказ, увлекли меня стремительностью воспоминания всего до того мгновения, когда память оборвалась, наткнувшись на неодолимую преграду, за которой была тьма неизвестного...

Но, словно птица Феникс, рожденная из пепла, вновь появилась она, дарующая счастье. Она — та самая необыкновенная и единственная — сидит у моего изголовья, исполненная возвышенными чувствами самопожертвования в любви и милосердием...

Сатирические рассказы

ОПАСНОЕ ДЫХАНИЕ

Рассказ

Пукин дышал мне в спину. Он дышал учащенно, словно запыхался в беге. Я знал, что сейчас его нижняя челюсть отвисла, рот округлился, а легкие общаются с окружающей средой, минуя промежуточное звено, называемое носом.

Так дышать он стал недавно – с того дня, как началась перестройка и вступило в действие положение о выборности на руководящие посты.

— Ты плохо кончишь, Пукин, — говорил я ему. — У тебя такой солидный агрегат выше рта, а ты им пренебрегаешь.

Но он, дьявол, был весьма находчив.

— У меня в носу сместились перегородки, — объяснял Пукин. — С верхней полки упала книга и угодила в нос.

Если он не врал, то долбануть его мог только увесистый том «Капитала», так как в последнее время он блистал афоризмами по экономическим рычагам, а меня подбивал идти в обход инструкций.

— Сбрось с себя, Сан Саныч, эти бюрократические вериги, — советовал Пукин. — Они уже всех завели в тупик.

Хитер, прохвост! Но меня, старого волка, такой дешევкой в капкан не заманишь. Инструкция как была, так и будет панацеей от беспорядка. Без нее — анархия и хаос. Сам-то он ничего не нарушает и от самостоятельных решений увиливает, хотя ему как заму, я позволяю некоторую свободу. И лазейку выискал — все перефутболивать совету трудового коллектива. Млеет от удовольствия, стервец, что обуза решений легла на плечи масс. А свои-то плечи — приниженные, сутулые — словно фокусник вывернул наизнанку. Грудь колесом и чуть что — ле-

тит таким гоголем-моголем на трибуны побрызгать демократической слюной. Пробудилась, видите ли, в нем после долгого сна «спящая красавица» Гласность и запела панихиду анкетному отбору административно-командной породы, и пролила потоки слез над жертвами догмата, сидящими в зале.

У меня было такое впечатление, что кто-то ненароком огрел его по голове деревянной колотушкой и разбудил. Ах, Пушкин! Задал ты мне загадку, как взрыв Тунгусского метеорита. Я ведь хорошо помню недалекое прошлое, когда ты говорил совсем иное... Не твои ли это слова: «Все наши беды от слабости. Нам нужны сильные личности. Нам нужна отеческая порка.»? Выпороть бы тебя теперь... И оратор ты не впечатляющий. Посмотрел бы на себя со стороны: рыба с открытым ртом, выпрыгнувшая из привычной среды на берег.

...Между тем, несмотря на занятость мыслей меня, стало тревожить то, что происходило за окном автобуса, на котором я и Пушкин пробирались по зимнику. Налетел снеговой заряд, и все скрылось за сплошной круговертью. Дорогу катастрофически переметало.

Я оглянулся на Пушкина. Его лицо показалось мне безучастным, и только отвисшая челюсть слегка подрагивала.

Какого черта он уселся за моей спиной? В автобусе – я да он. Ну и сел бы в другом ряду. Так нет же, за спиной пристроился. Вид что ли делает, что признает субординацию, или глаза прячет? Во всяком случае это не очень приятно, так как все время ощущается его дыхательный напор. Дует, как Соловей-разбойник. Но меня ему не сдуть! Однако понимает, наверное, что демократия – демократией, а единоначалие еще не сыграло в ящик. В социальных преобразованиях так же, как и в техническом прогрессе: путь от идеи до воплощения тернист и долог. А на тернистой тропе нетрудно и шею свернуть...

И все же, смахивая с затылка конденсат от испарений Пушкина, я чувствую, что со мною что-то происходит. Что-то похожее на необратимый процесс формирования стимула к самоорганизации.

Ах, Пушкин! Ты невольно напоминаешь мне о современных требованиях. Но именно поэтому зря на что-то рассчитываешь. Башка у меня работает и шея крепкая. Мы великолепно самоокупаемся! А тебя это бесит. Оттого и дышишь, как гончая. У меня в молодости, когда я увлекался охотой, была гончая. Она после травли зайца дышала так же часто и горячо, как ты. Слава Богу, Пушкин, что язык у тебя не свисает набок, как у той псины. Уж лучше бы ты, как раньше, посвистывал носом. Мало, конечно, приятного в тех трелях и фугах, но зато миролюбиво звучит.

— Пушкин, дыши носом, — прошу я его вслух.

СВЕТОПРЕДСТАВЛЕНИЕ
или Удивительные события, предшествующие
исчезновению одного города

1

Буровой мастер Карпухин был на редкость упрям, хотя изображал паиньку.

Сложив ладони и зажав их коленками, он сидел на краю стула, как в лесу на пеньке, и внимал правым ухом брань начальника. Левое ухо ему служило выходным отверстием.

— Болтовня! Вредительство! — кричал начальник, товарищ Чебураков, потрясая в воздухе местной газеткой.

— Не согласен, — возразил Карпухин, потупив взор, — это не болтовня, а дело жизни и смерти, о чем говорит сам заголовок.

Товарищ Чебураков с удовольствием задушил бы Карпухина, редактора и корреспондента газеты, устроив братскую могилу. Но законом это не разрешалось. Поэтому он разразился новой тирадой:

— Писаки! Экологические демагоги! Думаете нет на вас управы? Стране нужна нефть! Много нефти! А ну-ка, скажи, Карпухин, нужна нефть стране или нет?

— Нужна, — сказал Карпухин.

— А без бурения ее взять?

— Не взять, — уверенно сказал Карпухин.

— Тогда в чем дело? Бури!

— Не могу, — сказал Карпухин, вздохнув. — Совет бригады решил не бурить.

— Ах, скажите — они решили! Пупы болотные! А я вас заставлю! —

рявкнул товарищ Чебураков.

Карпухин раздвинул коленки, освободив правую руку, засунул ее в карман и вывернул там кукиш.

— Не заставляйте, — сказал он, упрямо сжав губы.

Товарищ Чебураков тут же перестал кричать и, сделав доминантно-надменное лицо, нажал кнопку звонка. В приемной мелодично защебетала электрическая птица. Декоративная дверь, похожая на другую во встроенном шкафу, приоткрылась, образуя узкую щель, и к середине кабинета процокало по паркету тонкое пахучее существо с перламутровыми ногтями. Склонив набок голову, оно замерло в ожидании директив шефа.

— Лидочка, голубушка, передайте ОК, чтобы подготовили приказ на увольнение бурового мастера Карпухина, — сказал шеф.

— По какой статье КЗОТа? — деревянным тоном поинтересовалась «голубушка», козырнув своей осведомленностью.

Товарищ Чебураков взял это на карандаш в списке резерва на выдвижение и, не меняясь в лице, сказал:

— По самой, что ни на есть... Понятно?

— Пре-дель-но! — отчеканила Лидочка, как сержант, и изящно поджала ножку, обтянутую черным узорчатым капроном, будто собиралась лягнуть Карпухина.

Однако обреченный мастер, не теряя духа, набрался наглости и учтиво спросил:

— Скажите пожалуйста, Лидия Сидоровна, на каком этаже вы живете?

Эффект оказался неожиданным. Поджатая ножка вопрошаемой судорожно вытянулась, перекосив очаровательный ротик, а рыжие зрачки вспыхнули испепеляющими инфракрасными огнями.

Эта сногшибательная метаморфоза объяснялась рядом веских причин, которые мозг Карпухина, как компьютер, мгновенно выудил из архива памяти.

Во-первых, он и «голубушка» обитали в одной девятиэтажке. Он на первом этаже, а она на девятом. Лифт из-за отсутствия запчастей уже год как на ремонте. Но это — куда еще ни шло по сравнению с тем, что, во-вторых...

Во-вторых, обращение «Сидоровна» звучит по-деревенски вульгарно, оскорбляя цивилизный облик и аромат французских духов.

В-третьих, из-за того, что во-вторых, Сидоровна поменяла паспорт и стала Станиславной.

В-четвертых...

То, что было в-четвертых, Карпухин решил выразить словами, же-

лая сгладить свой промах.

— Прошу прощения, Лидия Станиславна, я нечаянно оговорился... — сказал Карпухин, виновато потупив взор. — Я совсем забыл, что вас дразнят сидоровой козой, которую пора выдрать.

Наступила оглушительная тишина. Стрелка барометра, который висел на стене, упала вправо, показывая катастрофическое падение давления. Лидия Станиславна беззвучно открывала и закрывала рот от недостатка кислорода. Лицо шефа сделалось синюшным, как у утопленника.

— Во-о-он, мер-за-а-вец! — взревел вдруг эфир голосом товарища Чебуракова.

Хрустальные пальчики люстры зазвенели над головой Карпухина. Он, как ошпаренный стриж, вылетел из кабинета за декоративную дверь...

2

Молниеносное развитие событий, толчком к которым послужило «возмутительное» поведение бурового мастера Карпухина, как вихрем закружило товарища Чебуракова, чему он и сам способствовал не меньше, чем внешние побудительные силы...

Товарищ Чебураков (кстати, его величали Николаем Михайловичем) не был пассивным чинушей, а был подвижным, как ртуть, закоренелым производственником, сердце которого заскорузло от шрамов и рубцов многочисленных ран, нанесенных выговорами, и который был талантливо горазд на сверхоперативные действия в любых экстремальных условиях производства.

Несмотря на то, что он, интеллигентно говоря, был не в духе, то есть, говоря по-простому, невероятно раздражен, зловеще расстроен и близок к состоянию аффекта, — он незамедлительно стал принимать экстракардинальные меры в борьбе за план. Если бы в этот момент кто-то вздумал привязать его к креслу или пригвоздить к стене, вложив в рот кляп, то он всем своим нутром продолжал бы кричать по телефону, отдавая распоряжения. И только одна дьявольская сила, о коей он и сам не подозревал, могла, как дуэт охотника, прервать его стремительный бег, превратив потом в свирепого подранка...

Как только Карпухин выскочил из его кабинета, товарищ Чебураков, издав звук, похожий на рычание бенгальского тигра, схватил телефонную трубку и закричал:

— Анашкина мне! Анашкин, это ты? Чего мямлишь? А ну-ка, слу-

шай меня внимательно. Погоди! Погоди! Немедленно брось все дела и лети мухой в орс. Возьми тушенку, апельсины, еще что-нибудь и загрузи наш вертолет. И чтоб через два часа груз был на семнадцатой буровой. Лично доставь и доложи оттуда по рации. Ясно? Действуй!

Грохнув трубкой о ложе телефона, он снова поднес ее к уже открытому рту.

— Коммутатор? Соедините с орсом. Что? Занята линия? Разъедините! Как кто? Чебураков! Пора по голосу узнавать!... Симон Аркадьевич? Приветствую, дорогой! Да, я. Выручай, дружище. Сейчас к тебе Анашкин подъедет — так ты дай команду отпустить со склада тушенку и апельсины. А? Срочнейшим образом нужны. Что? Нет, не для начальства... Нет, никто не прилетает... Для гегемонов! Ага — ЧП. Ну, спасибо... Девушка, девушка, не отсоединяйтесь. Дайте рацию. Рация? Это Чебураков. Передайте срочную радиogramму на семнадцатую. Пишите: «Коллективу бригады. Ставлю известность увольнению Карпухина за саботаж. Требую немедленно приступить бурению. Конце дня прилечу для беседы. Чебураков.» Все!

Он откинулся на спинку кресла, шумно выдохнул воздух и, прищурившись, стал смотреть перед собой, как в пустоту, туманным взглядом, прикидывая, что бы еще предпринять. Колеблущееся в его глазах марево, поплавав из стороны в сторону, вдруг стало принимать очертания его секретарши, которая мялась на одном месте, поджимая попеременно то одну, то другую ножку, словно хотела по-маленькому...

— Ты еще здесь? — удивился товарищ Чебураков.

— Угу-у-у, Ни-ко-о-лай Ми-и-и...

Николай Михайлович вышел из-за стола, защелкнул дверь и, пойдя к Лидочке, сказал:

— Каков наглец, а?

— У-у-у-а-а-а, — еще пуще завывала она, лицо ее искривилось в некрасивую гримаску, а по щекам потекла черная тушь.

— Ну-ну... не надо... Не расстраивайся, голубушка... Я не дам тебя в обиду... — сказал он и по-отечески положил ей на плечи руки.

Лидочка тут же бросилась ему на грудь, захлебнулась в безутешных рыданиях, завибрировала, отчего его руки сползли ей на поясницу, потом еще ниже, пока не уперлись в бедра...

— Не на-а-а-да-а, — произнесла она, сомлевая.

Товарищ Чебураков отшатнулся, но Лидочка успела выдохнуть: «Ах!» — горячим воздухом в его лицо и, качнувшись, будто нечаянно наткнулась на его губы. Он даже и не понял, как это случилось, что с ним произошло и сколько это длилось... Но это было приятно... Более того, это было так приятно, что он на некоторое время даже потерял

всякие ориентиры. Ему показалось, что он куда-то поплыл, попал в какой-то вертящийся аттракцион и, прилипнув спиной к полу, повис над потолком, который переместился вниз...

Очнулся он, лежа на спине, на обшарпанном паркете. Лидочка, подперев рукою его затылок, поддерживала ему голову и вливала в рот воду из стакана.

— Сердце... — сказал он, клацая зубами о стекло. — В кармане валидол...

Она тут же сунула ему под язык валидол, помогла встать и проводила в кресло.

— Это у вас от истощения нервов, — сказала она. — Вы работаете на износ. А ваша преподобная супруга думает только о себе, а о вас совсем забыла. И желудок вам испортила столовками, и нервы своей зудю. Все ваши соседи об этом говорят. А вам и немного расслабиться надо бы, и для души что-нибудь... Отдушина вам нужна! А у вас ее нет. Хотите: я буду вашей отдушиной? Хотите?

— Хочу, — вяло отозвался он. — Однако... позови, голубушка, Лапину. Я ей продиктую мотивировочку приказа.

Лидочка надула губки, сделав обиженное лицо, и, демонстративно виляя бедрами, вышла, думая о том, что и она смогла бы не хуже Лапиной записать «мотивировочку под диктовочку», а потом этак небрежно вручить ее этой выдре. Ох! Даже во сне «всеми фибрами души» ненавидела она полногрудую «кадровичку», считая себя более достойной для подбора и расстановки кадров. Эх, власти бы! Уж она подобрала бы кого надо... Ух, расставила бы... О-го-го!

Наверное, Николаю Михайловичу и на самом деле не хватало ласковой руки, так как, провожая взглядом секретаршу, он сосредоточил всю свою любознательность на ее ножках, подумав стихами: «А походочка, как в море лодочка. Знать, резва она, словно козочка.» Но вдруг, вспомнив афоризм Карпухина о «сидоровой козе», вздрогнул так, будто его ударило током. И тут же по его жилам растеклось что-то горячее, а мышцы, наливаясь силой, возвестили о готовности к дальнейшей борьбе с препятствиями... И...

— Бардак! — возвестила Лидочка, появляясь в дверях со злорадно-счастливой улыбкой. — Кадры на замке. Все бабы УБР во главе с Лапиной побежали в магазин за колготками.

— Это что — дефицит? — спросил товарищ Чебураков.

— О, еще какой!

— Может быть, и тебе сбегать?

— Фи! Зачем мне? Мои лучше, — сказала Лидочка, скривив презрительно губы, и приподняла юбку, показывая свои узорчатые чулки.

Произошла пауза, во время которой товарищ Чебураков так внимательно рассматривал узоры, будто изучал ситуационный план бурения. Однако, сделав все же над собой страшнейшее усилие, он перевел взгляд на ручные часы и сказал:

— Уже половина двенадцатого. Скоро обеденный перерыв, а дел еще уйма!

— Дела делами, а кайф кайфом.

— Какой еще кайф?

— А такой! Едем ко мне на обед. Я угощу вас клевой вкуснятиной.

Он хотел возразить, но какой-то сатанинский микроб загулял по его телу, вызывая ломоту в суставах. В виде последней конвульсии жертвы — он выдал из себя:

— Приказ нельзя откладывать...

— Э-э, не беспокойтесь! Отстукаю в два счета!

— Тогда так, голубушка... — смиренно сказал он. — Сначала отстукай приказ по Карпухину, а затем по Лапиной... Освободить ее от занимаемой должности за злостное нарушение трудовой дисциплины! А тебя я назначаю начальником ОК.

— О-о-о-х... — Она так и осела от удовольствия, словно собиралась растаять и превратиться в лужицу.

Через минуту в приемной раздались ликующие трели пишущей машинки: тра-та-та... тра-та-та... та...

А в кабинете зазвонил телефон.

— Ал-ло? — живо отозвался товарищ Чебураков. — А, это ты, Анашкин? Ну, как там дела?

В трубке захрипело, зажужжало, резануло дискантом барабанные перепонки, а затем все стихло, словно ионосфера превратилась в зеркало, и вдруг, отразив волну, направленную с буровой, донесла наконец долгожданный, очищенный от помех, голос Анашкина:

— Вскрывают банки и чистят апельсины, стервецы...

— Годится! Это хороший признак!

— Как вам сказать...

— У тебя сомнения?

— Вот именно...

— Ну? Выкладывай!

— Не знаю даже, как выразиться...

— А ты выражайся по-простому, попонятнее.

— Видите ли... я сходил тут в туалет...

— Ты что — уже остограмился? Чего городишь?

— Никак нет, уважаемый Николай Михайлович. Но там... я имею в виду — в туалете, на сортирном гвоздике висит ваша радиogramмка...

— Ах, каналы! — взревел товарищ Чебураков. — Ну, я им покажу кузькину мать! Давай-ка, гони сюда нашу коляску.

— Бу сделано! Уже пропеллер вертится.

Вошла Лидочка с приказами: по десять экземпляров в закладке. Чего бумагу жалеть, когда гласность нужна? Положила эту пачку на стол перед Николаем Михайловичем, зашла за спину, надавила грудью на плечо, обожгла близким дыханием плешинку на голове, приготовившись листы переворачивать, и сказала:

— Подписывайте поскорее, да поедem... Все экземпляры, все! Для весомости. Пусть читают...

Пока он по телефону кое с кем поговорил, так она успела и в бюро по трудоустройству позвонить, дав заявку на замещение вакансии бурового мастера, и в дверную ручку отдела кадров засунуть приказ для Лапиной, скрученный в трубочку, и подготовить свои вещички к переезду... за ту самую дверь.

Когда начальник и его секретарша (бывшая) вышли на крыльцо конторы, июньское солнце уже приближалось к зениту безоблачного неба, согревая ласковыми лучами на многолюдной улице всех без разбора, хотя кое кого, как считала Лидочка, ему следовало бы испепелить... Например, Лапину, которая, выпятив самодовольную грудь, несется с колготками в сумке, но увидев у конторы зловещие фигуры, скрывается за киоском «союзпечати».

Злорадно ухмыльнувшись, Лидочка забралась в «уазик» на заднее сиденье, а товарищ Чебураков, как ему и положено, на переднее, — и они поехали. Водитель Гриша невозмутимо спокойно выслушал маршрут и запылil в заданном направлении. «Отличный у меня шофер, — подумал товарищ Чебураков, — лишнего не спросит, лишнего никому не болтанет. Надежен, как могила. Да и зачем ему болтать, если зарплата хорошая?»

Приехали на Магистральную, 15 значительно быстрее, чем шли пешком на девятый этаж.

— Прелестно! Нет слов, — сказал товарищ Чебураков, осмотрев квартиру, промокая платком на затылке капли пота.

3

Громким дребезжанием пятирублевого будильника затарахтел в прихожей звонок.

Недоуменно озираясь и протирая глаза, товарищ Чебураков соскочил с дивана, пытаясь сообразить — долго ли проспал? День еще, ночь

или уже утро? Рядом, на стене, алела розочка ночника, а по контуру плотно зашторенного окна едва пробивались полоски рассеянного света. Из полумрака, казалось, иронически усмехаясь, смотрел Вахтанг Кикабидзе. Чуть левее, замерев в бесстыдной позе, улыбалась обнаженная особа, опутанная удавом.

Товарищ Чебураков поспешно надел брюки и прислушался. Откуда-то доносился мелодичный, переливчатый звон хрусталя, который становился все громче и громче, словно кто-то приближался со связкой колокольчиков. Пол под ногами слегка покачивался.

«Что это со мной? – подумал удивленно товарищ Чебураков. – С похмелья что ли?»

В качестве отрицания этой версии он почувствовал упругий толчок в спину и, потеряв равновесие, отлетел к двери.

За дверью кто-то был и слышалось шипение – похожее на змеиное: тс-с-шш...

Он изогнулся и приблизил ухо к замочной скважине.

Тс-с-шш, – услышал он снова и узнал почти родной голос, который приглушенно кого-то убеждал:

– Пусть немного поспит еще... вымотался человек...

– А я тебе, говорю, разбуди, – требовал мужской баритон голосом водителя Гриши. – Анашкин уже обыскался. У него вертолет на простое. Да и дом ваш подозрительно шатается, как качели. Вдруг развалится?

– Не бери в голову. Он давно уже качается.

«Никакой личной жизни, – подумал товарищ Чебураков, – пусть лучше все развалится.»

– Лететь уже поздно. Полетит утром, – продолжала говорить Лидочка. – Так и передай этому прихвостню шефа.

– Это Чебурек так сказал? – спросил Гриша.

– Ага, Чебурек, – солгала Лидочка.

«Ну-ну, Гришутка! И ты – Коза Сидоровна! Вы у меня облопаетесь этими чебуреками,» – мысленно пообещал товарищ Чебураков и толкнул дверь.

– Ой! – вскрикнула Лидочка, скакнув в сторону. – Фу, напугали. Что за человек? Тайфун!

– Хватит цирка! Едем! – отрезал товарищ Чебураков.

– Куда же вы, Николай Михайлович? Темнеет...

– К своему прихвостню!

– Господи, он все слышал... Гриша, ну скажи ему, что говорилось в шутку. Правда же?

– Завал, подруга. Вляпались в помет – так нечего и чирикать. Луч-

ше попроси отпущения грехов.

— Николай Ми-и-и... про-сти-те-е...

— Ладно. Поп Чебурек прощает на первый раз. Едем!

Весело посмеиваясь, он в сопровождении водителя покинул квартиру Лидочки. На ходу спросил Гришу:

— Ты тоже заметил? Дом-то действительно качается?

— Еще как! Об этом даже в газете писали. Все от бурения.

— Не верь всему, о чем газетчики пишут. Вдруг это просто аномальное явление. От магнитной бури, например.

Спускаясь пешком по лестнице, ни Гриша, ни товарищ Чебураков не заметили, как сквозь узкую щель приоткрытой двери на одном из этажей смотрят им вслед ненавидящие глаза бывшей кадровички Лапиной, губы которой уже нашептывают текстовочку анонимки.

4

Вылетев из проема декоративной двери кабинета товарища Чебуракова и пробежав по инерции два квартала центральной улицы города Нефтянска, Карпухин сходу запрыгнул в экспресс аэрофлота и поехал на вертодром.

Там, между диспетчерским пунктом и взлетными площадками, металось перекасти-поле в виде озверелой толпы, обремененной громоздкими вещами вплоть до собственного ковша экскаватора.

Карпухин, замерев на исходной позиции у рулевой дорожки, стал дожидаться, когда законспирированный борт будет рассекречен.

Когда же тайное стало явным и многоголовая гидра рванула к номеру 254, застряв во входном отверстии, а отчаянные каскадеры винных магазинов организовали пластунское движение по второму ярусу, Карпухин за 8,9 секунды преодолел стометровку и, побив рекорды Олимпиады 88 по прыжкам в длину и высоту, скакнул в заветную щель. Получив удачный попутный покаут в челюсть, он оказался в утробе вертолета, но без сознания.

— Где я? — спросил он, очухавшись, когда вертолет висел уже над буровой.

— Там, — сказали ему, указав вниз, и десяток заботливых рук подтолкнули нерешительного попутчика к грузовому люку, через который он вывалился к ногам осиротевшей братвы.

Прихрамывая на обе конечности, Карпухин благополучно доплелся до кабельного барабана, на коем бригадир т.Какатюха вскрывал банки со свиной тушенкой, а буровик Иван Дятлов чистил апельсины.

— Взятка от Чебурека, — объяснила братва.
— ??!
— Обижаешь, мастер, — сказал т.Какатюха. — Совет бригады вынес решение: взятку съесть, буровую вышку разобрать, в скважину забить осиновый кол. Это протест на ваше увольнение.
— Тогда за работу, друзья! Утром нас ждет газета. Дадим интервью о реализации мер по статье «Дело жизни и смерти,» — сказал Карпухин.
Съели тушенку и апельсины, сравняли с землей буровую и на вездеходе ГТТ, с песней «По долинам и по взгорьям», поехали в Нефтянск.

5

Редактор газеты «Путь к изобилию» бушевал. Корреспонденты, как борзые, ждали с нетерпением, когда их спустят с поводка. Торжествующая бригада Карпухина сидела вдоль стены на мягких стульях и мле-
ла от удовольствия.

В завершение редактор сказал:

— Манькиной срочно сдать в набор интервью. Гагошиной написать статью «Город над бездной». Козодоеву подготовить фельетон по увольнению бурового мастера Карпухина. И не забудьте задать вопрос: куда смотрит прокуратура? Все! В штаны!

Бригада вышла на улицу и отправилась искать мороженое. Козодоев взял под руку Карпухина и пошел с ним собирать факты.

Карпухин заглянул домой проверить почту. В ящике была телеграмма от жены. «Котик, вышли двести. Игорешки выпал молочный зубик. Надо лечить. Плещаемся море. Гуляем Ривьере. Целую. Люся.»

Побежали с Козодоевым в сберкасса. Там сказали:

— Денег нет. Все забрал банк на зарплату.

Побежали с Козодоевым в бюро по трудоустройству.

— Вы везунчик, — сказала подслеповатая дама. — Есть вакансия бурового мастера в УБР. Там вчера выгнали какого-то алкаша Карнаукина. Просили срочно спеца. Вот вам направление.

Вместе с Козодоевым пошли в УБР к товарищу Чебуракову. Зашли в бухгалтерию. Главный бухгалтер т.Чечеткина подбивала баланс по зарплате на электронно-счетной машине. Кассир проверял машину на счетах. Карпухин попросил двести рублей.

— Расчета не выдам, — сказала т.Чечеткина, — на вас висит недоста-
ча по ветоши.

— У меня телеграмма от жены, — сказал Карпухин. — У Игорешки выпал зубик. У вас есть дети?

— Не давите на материнское сердце, — сказала т.Чечеткина. — В банке нет денег. Дефицит в бюджете.

— У меня безвыходное положение, — взмолился Карпухин, — помогите мне!

— Это ваши трудности, — сказала т.Чечеткина. — Вернете ветошь — будем разговаривать. Вы потеряли с нами связь. Где вас искать потом?

— Я возвращаюсь на свое место. Вот направление бюро по трудоустройству.

— С этого и начинали бы, чем голову морочить. Выдай ему, Кирилл Мефодьевич, двести рублей.

Зашли вместе с Козодоевым в ОК. Инспектор по кадрам Лидия Сидоровна (извините, Станиславна), получившая с утра повышение по службе, переставляла мебель руками инженера по труду т.Медведева.

— Лидия Станиславна, — сказал Карпухин без заминки, — можно вас оторвать от важного дела? Я пришел с корреспондентом.

Инспектор ОК зыркнула из-за дубового барьера на бывшего мастера Карпухина, как орлица на падаль. Зато в сторону корреспондента полетела невинная улыбка жертвенной овечки.

— Лидия... гм... Станиславна, вы не так меня поняли вчера. Мне нужно знать — качается ли девятый этаж?

От напоминания о вчерашнем Лидия Станиславна взвизгнула так, словно ее укусила мышь. В испуге инженер по труду уронил шкаф и выскочил за дверь. Козодоев был профессионально невозмутим. Карпухин, воспользовавшись состоянием аффекта, бросился ловить момент истины.

— А еще меня интересует — не дзинькают ли бокальчики у вас в серванте? — спросил он и добавил: — Ну не упрямитесь, голубушка. Ну, скажите!

Доброе слово не только кошке приятно. Поэтому «голубушка» призадумалась.

— Это вы на что намекаете? — спросила она подозрительно, но с надеждой.

Козодоев, имея интерес, воспользовался заминкой и сказал:

А на то он намекает, что пора это дело сбрызнуть шампанским...

— Гур-гур-гур, — грудным смехом заворковала «голубушка». — Коррес-пон-дент! Гур-гур-гур. Адвокат! Гур-гур. Посредник... гур... Ах, и хитер вы, Карпухин! Жена на курорте? Холостякуете? Гур-гур. Что вы там за бумажку мнете?

— Направление на работу, — растерянно сказал Карпухин. — Но я хочу насчет бокальчиков...

Лидия Станиславна зыркнула на Карпухина, как орлица на сокола.

— Бокальчики отложим на вечер, — сказала она, томно вздохнув. — А сейчас идите к товарищу Чебуракову за визой. Скажите, что я дала «добро» назначить вас старшим мастером. Хотя, постоит... Я все сделаю сама. А вы сегодня в отгуле. Ясно? До вечера! Чао.

Карпухин и Козодоев подняли с пола шкаф и пошли в магазин за шампанским.

6

Шампанское — есть напиток группового эгоизма определенных социальных кругов, не являющийся предметом первой необходимости широких масс трудящихся.

Поэтому, минуя спецмагазины и мельком взглянув на новые трюки каскадеров беспорядка в условиях милицейского надзора, Карпухин и Козодоев вошли в овощную лавку и выбрали по вкусу подарочный набор: «Советское шампанское» 6р.50к., коньяк «Ереван» 22р., вино «Черные глаза» 5р.80к., 10 банок икры кабачковой 4р.20к. Всего-навсего на 38р.50к. — без оторванных пуговиц и смещений позвонков.

Однако, опасаясь новых непредвиденных расходов, Карпухин поспешил сделать телеграфный перевод жене. Вместо 200р. он перевел 150р., заплатив за это 6р. У него осталось 5р.50к.

— Идти без цветов к даме на хату не интеллигентно, — сказал Козодоев и дал Карпухину 50к.

— Карпухин купил три красные гвоздики по 2р. каждая и облегченно вздохнул.

— Как будто бы и вся канитель, — подвел итог Козодоев. — Пока дождемся вечера, заработаем insult. Но раз ты в отгуле — можем у тебя дома раздавить один пузырек.

— Нет, — возразил Карпухин, — расслабляться рано. Нам срочно нужна сенсация, которая всех ударит по темечку.

— Толково, — согласился Козодоев. — Эту идею обсудим в твоей келье.

— Это не терпит отлагательства, — возразил Карпухин. — Пузырек раздавим, когда на первой полосе появится экстренное сообщение: «Буровой мастер застраховал свое имущество от стихийного бедствия на 100 тысяч рублей».

— Не понял, — сказал Козодоев, побледнев, как первая жертва сенсации. — Откуда у тебя такие ценности?

— Поймешь после. А я бегу оформлять страховку, — крикнул издалека Карпухин, размахивая «дипломатом» с подарочным набором и

тремя красными гвоздиками.

Козодоев побежал в редакцию с оглушительной новостью.

7

Квадратные глаза страхового агента не умещались в круглой оправе очков.

— На сколько? — переспросил он, думая, что ослышался.

— На 100 тысяч с рассрочкой на сто лет, — повторил Карпухин.

— Столько живут только в Абхазии, — фанатически серьезно заметил агент.

— Знаю. Но у меня есть наследник с молочными зубками, — парировал Карпухин.

— Но у вас не хватит денег на взнос, — хихикнул агент.

— На вашем месте я бы не хихикал, а плакал, — предостерег Карпухин. — Мне хорошо платили за подготовку образцово-показательной ликвидации жителей Нефтянска. В том числе и вас.

На лице агента стал зарождаться тектонический процесс перепрофилирования пейзажа. Нижняя челюсть заколебалась, поползла вниз, образуя разлом в форме открытого рта. Глаза лихорадочно забегали, измеряя расстояние до двери.

— Не бойтесь, — успокоил его Карпухин, — в «дипломате» не динамит, гвоздики не отравлены. Я не собираюсь покушаться на вашу жизнь — стоимостью в 1 тысячу рублей с рассрочкой на 5 лет. Для этого существуют профессионалы по созданию идеалов будущего.

Боязнь инакомыслия вдруг озарила агента спасительной догадкой.

— Что я должен сделать? — простонал он, картинно сползая со стула, как оползень.

— Оформить страховку на 100 тысяч р., — категорично заявил Карпухин, не уловив теневого нюанса внезапной безропотной покорности.

Воспользовавшись слепотой момента, агент сделал вид неустойчивого равновесия и сказал:

— Ладно. Я пошел за бланками в соседнюю комнату.

Оставшись один, Карпухин стал думать о том, что его тяжелая миссия по внедрению в массовое сознание ответственности, перед лицом надвигающейся катастрофы, осядет в мифах времени, и потомки будут говорить о нем, как о Геракле 20-го века.

Но при этом, оставшись один, Карпухин не думал о том, что страховой агент звонит в психбольницу.

Выполнив свою не менее ответственную миссию по обеспечению

общественной безопасности, агент вернулся, потирая руки, как резидент после удачной операции.

— Составьте опись имущества и укажите его стоимость, — сказал он изысканно-деловым тоном.

Таким образом появилась знаменитая опись, опубликованная впоследствии во всех нефтедобывающих странах. Вот ее текст:

ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА

гражданина Карпухина А.А. к страховому свидетельству № 7737 от
21 авг. 1989г.

1. Гарнитур «жилая комната»	— 3500р.
2. Самовар	— 45 р.
3. Модель разрушения Нефтянска	— 96455р.

Итого — 100000р.

Поставив подпись под историческим документом, Карпухин передал его в коварные руки.

8

Двое в белых халатах, как змееловы, приближались к опасному субъекту, не спуская с него настороженных глаз. Высокие полномочия распирали под материей их могущественные мышцы, способные из любого непокорного пациента выстругать безропотное существо. Эти архангелы милосердия всем своим экстремистским видом внушали невольное желание сорваться с места и броситься наутек.

Но, не потерявший здравого рассудка, безумец Карпухин, продолжал сидеть в индифферентной позе, как каменщик на простое. Он знал, что ни одна собака не укусит, если стать неподвижным предметом. Однако он глубоко заблуждался, поставив это не глупое животное на одну экологическую ступень с человеком.

Обнюхав ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА, которую подsunул страховой агент под нос архангелам, они немедленно взяли след.

— Только без рук, — сказал Карпухин, — вы помните мои гвоздики стоимостью по два р. каждая.

Такой аргумент о материальной ответственности возымел действие и обеспечил свободу передвижения в дозволенных границах. Страховой агент, скаля в улыбке зубы, предупредительно распахнул дверь, выпуская своего клиента и пожелав ему счастливого пути.

— Запомни, шакал, я еще вернусь, — пообещал Карпухин.

Забравшись в «скорую помощь», «больной» с удовольствием развалился на мягком сиденье, благодушно поглядывая на личную охрану. Но их лица были невозмутимы, как у рядовых сотрудников НКВД тридцатых годов.

Врач-психиатр был сама любезность. С таким человеком приятно и поговорить. Это не какой-то там чинуша из административных органов, которому нужно растолковывать, что белое — есть белое, а подарок — есть взятка. Этот понимал все с полуслова, кивал в знак согласия головой и смотрел умными глазами.

— Вы понимаете, что наш город висит над бездной? — спросил Карпухин. — С каждым днем мы все ближе и ближе к катастрофе. Понимаете?

Психиатр кивнул и посмотрел умными глазами.

— А почему? — спросил он так, будто причина ему была хорошо известна, как единомышленнику Карпухина.

— Вот именно! — сказал Карпухин. — Сигналы снизу идут в пустоту верха.

— Ага, — сказал психиатр и посмотрел на потолок.

— А все от чего?

— От того! — многозначительно воскликнул психиатр.

— Вот именно! — подтвердил Карпухин. — Приводные шестеренки крутятся от ведущей. А от этого возникает что?

— Это! — Психиатр энергично взмахнул кулаком.

— Правильно! Сила! Которая не несет ответственности. Я очень рад, что мы с вами познакомились. Я могу идти?

— Пока нет. Мы не все еще выяснили.

— Что?

— Фамилию.

— Той силы?

— Естественно.

— А-а... товарищ Чебураков и иже с ним, и ему подобные.

— Вы так уважаете его, что называете во втором лице?

— Я уважаю его в первом лице и не уважаю во втором, — твердо сказал Карпухин.

— Та-а-к... раздвоение личности на почве мании неизбежной катастрофы, — сделал диагноз психиатр и спросил: — Вы не будете шалить, если я вас отпущу?

— Ни в коем разе! Все в пределах дозволенного.

— Ну, ну...

Зазвонил телефон, и психиатр взял трубку.

— У меня нет ни одного свободного места, — сказал он кому-то виноватым голосом подчиненного, — даже все подсобки забиты. А что, очень нужно? Очень? Ну, хорошо. Тогда я не приму тут одного... Чебуракова. Нет, нет! Он не опасен для других...

— Да? Спасение человечества. Угу. Конечно, если бы разрушитель, то... Вполне работоспособен. Ну, что вы !? Разве мало у нас ненормальных руководит производством? Хорошо...

Психиатр положил трубку и сказал:

— Вам привет.

— От кого? — удивился Карпухин.

— От Воздвиженского. Вы оказывается неделю назад ему ковровый линолеум организовали в кабинет.

— Гм...

— Не волнуйтесь. Мы с ним приятели, хотя он и главврач. Можете идти. Если что потребуется, так не стесняйтесь. А я вам позвоню. Бывают мелкие нужды. Ну, а мы в свою очередь возьмем вас на диспансерный учет.

— Думаю, что у меня просьб не будет, — сказал Карпухин. — Разве что — выдернуть нервную систему.

Покинув психбольницу, Карпухин, как человек слова, направился в Госстрах.

9

— А вот и я!.. Главный персонаж картины «Не ждали», — сказал Карпухин, скрипнув для устрашения зубами. — Диспансерный учет в психушке — это гарантия от высшей меры наказания за убийство, которое я могу совершить. Казалось, что страхового агента вот-вот сварится в собственном соку, так как холодный пот, который заливал его искаженное лицо, тут же закипал и превращался в пар.

— Но я человек не мстительный, демократичный и лояльный, если мне не наступают постоянно на левый палец правой ноги, — продолжал Карпухин. — Можете ли вы понять, что я пекусь не о собственной шкуре, а о вашей холопской безучастности к собственной судьбе, желая ее вытравить из вас чем-то из ряда вон выходящим. Я хочу пробудить ваше сознание, чтобы вы смогли вовремя опомниться и выжить. Вы понимаете меня? Вот почему мне нужна страховка. Видимость хотя бы...

Страховой агент с ужасом посмотрел на Карпухина.

— Почему вас отпустили? — спросил он.

— В психушке нет мест, как в любой гостинице. Кроме того, сегодня трудно разобраться кто идиот, а кто еще не стал им. В основном же туда набирают болванов, похожих на вас.

— Я сейчас позвоню в милицию, чтобы вас привлекли за угрозы и оскорбления, — выкрикнул громко агент, так как хлопнула входная дверь и зашло постороннее лицо.

Карпухин оглянулся и увидел торжествующую физиономию собора Козодоева, который сотрясал воздух газетой, источающей запах свежей типографской краски.

— Убил сразу двух, — воскликнул он и приставил кисти рук ладонями вперед к голове, что означало «зайцев».

— Это мой сообщник, — сказал агенту Карпухин. — Видите, убил сразу двух, а я тут с одним предателем не могу совладать. А ну-ка, говорите: да или нет?

— Да-а, — выдохнул агент.

— Давно бы так, — примирительно сказал Карпухин. — Учитывая, что мы очень спешим, даем вам амнистию. Пишите расписку в получении моего заявления на страховку и описи имущества. А оформление пока подождет.

Получив расписку, Карпухин и Козодоев ушли, а страховой агент поспешил в соседнюю комнату и позвонил в милицию.

— Срочно направьте группу захвата, — сказал он. — Только что от меня вышли опасные рецидивисты. Один из них успел укокать двоих.

Подойдя после этого к окну, он увидел, что рецидивисты стоят на тротуаре и читают газету. Через две минуты к ним подъехала машина, из которой с пистолетами выскочили три милиционера. Но вместо того, чтобы их арестовать, милиционеры попрытали оружие и пожали преступникам руки.

— Мафия! — ахнул агент. — Милиция заодно с преступным миром. Он подбежал к двери и запер ее на три замка.

.....

Карпухин не верил своим глазам. Перед ним в новенькой форме стоял младший лейтенант милиции Иван Дятлов, который еще вчера чистил апельсины на буровой.

— Едят меня мошки! Что за маскарад? — воскликнул Карпухин.

— Га-га-га, — загоготал Дятлов. — Могу и тебя на должность сосва-

тать. Есть вакансия капитана.

— Загибаешь, Ваня. За что же мне сразу звание дадут?

— А за место, так как стаж никакого значения не имеет. Могут и генерала сразу присвоить.

— Да ну? А как ты попал в блюстители?

Дятлов стал серьезным и важным.

— По идейным соображениям. Из чувства долга, — сказал он, задрав подбородок.

— Не понял.

— Тогда объясню доходчиво. Как ты считаешь — наша бригада защитила честь энцефалитки, сравняв с землей боровую?

— Нет слов!

— А теперь совет бригады постановил, что следует вернуть честь замаранному мундиру милиции.

— Не понял, — сказал Карпухин. — Какие птицы успели его заляпать?

— Ай-ай-ай! Прессу не читаете. Товарищ Козодоев, дайте вашему подопечному журнал «Юность» со статьей «Сколько лиц у милиции?»

— Мне некогда сейчас читать. Я занят спасением города от экологической катастрофы, — сказал Карпухин. — Ты уж говори без загадок. сколько у нее лиц?

— Ой, много! Но мы решили сделать одно.

— Думаешь, получится?

— А как же! У нас большинство голосов. Можем начальника горотдела снять, а твою кандидатуру утвердить. А откажешься, арестуем как безработного за тунеядство. — Га-га-га!

— Брось такие шутки, — недовольно сказал Карпухин, — меня и так чуть было не упрятали в психушку.

— Теперь тебя никуда не упрячут. Вытащим. А что, кстати, вы в Госстрахе натворили?

Козодоев, как воскресший князь, аристократическим движением руки подsunул Дятлову под нос газету. На первой полосе крупным шрифтом было выбито: СТРАХОВКА ЦЕНОЮ В СТО ТЫСЯЧ!

Дятлов схватился за живот.

— Га-га-га! Ну, комики. Ой, не могу! Сейчас грыжа вылезет.

Пока он хохотал, подъехал «черный ворон» и из кабины вылез, одетый в новенькую форму, старший лейтенант милиции Какатюха, который еще вчера на буровой вскрывал на кабельном барабане банки с мясной тушенкой.

— Здравия желаю, — отковырял он Карпухину и Козодоеву. — Извините, у меня срочное дело к младшему лейтенанту.

— Слушаю вас, товарищ старший лейтенант, — отозвался Иван Дятлов.

— Выручай, Ваня, — сказал Какатюха, — дай литров пять бензинчику. А то не хватает доехать до места преступления.

Дятлов снял фуражку и почесал в затылке.

— Сложный вопрос, — сказал он. — У самого горючее на пределе. Суточная норма шестнадцать литров. Но, впрочем, выход есть...

Дятлов вышел на проезжую часть дороги и поднял руку. Погасив бешеную скорость скрипом тормозов, возле него остановился УАЗ автоинспекции.

— Обсохли, — сказал он гаишнику, — накапай в бак.

Оценив оперативную обстановку в пределах видимости, гаишник взмахнул полосатой палочкой. Тут же к бордюру подкатил грузовик.

— Вы нарушили правила, — козырнув, сказал он водителю.

— Этого не было, — вызывающе ответил тот.

— У вас грязная машина. Штраф десять «рэ».

— Я еду со смены на мойку.

— А ну-ка, проверим люфтик руля.

— Люфтик есть, — скиснув, признался водитель.

— То-то! Так и быть, за честность наказывать не буду. Но налейте ведро бензина.

Радуюсь, что легко отделался, счастливый водитель услужливо предложил два ведерка.

Заправив «черного ворона», грузовик уехал, а вслед за ним машина ГАИ. Какатюха поехал к месту преступления, успев что-то нашептать на ухо Дятлову. Младший лейтенант тут же отвел в сторону Карпухина и Козодоева, убедился, что никто из прохожих его не слышит и сказал:

— В городе появилось экологическое общество «Противотрясение». Органы власти обвиняют вас в подстрекательстве беспорядков, которые уже налицо. Если не верите, можете оглянуться. Они посмотрели по сторонам. У входа в Госстрах собралась огромная толпа желающих застраховать домашнее имущество. Из переулка на главную улицу двигалась колонна женщин с детскими колясками — по четыре в каждом ряду. Перед входом в музей неизвестный художник, держа двумя руками метлу и макая ее в ведро с краской, создавал на асфальте шедевр современной живописи, изображая дом №15 по улице Магистральной (в нем жил Карпухин), а под ним вырисовывал преисподнюю с чертями, одетыми в костюмы нефтяника. Возле здания Всесоюзного Производственного объединения «Запсибнефтянск-нефтегаздобыча» стояла пожарная машина с лестницей, выдвинутой под карниз пятого этажа,

вдоль которого располагались гигантские буквы призыва:

ТРУДЯЩИЕСЯ НЕФТЯНСКА! ГЛАВНАЯ НАША ЗАБОТА — НЕФТЬ!

Там какой-то смельчак отковыривал слово **НЕФТЬ**, сбрасывая буквы вниз и приколачивал слово **ЧЕЛОВЕК**. А на высоком, как верхняя палуба, крыльце кинотеатра «Выстрел Авроры» стоял поэт и декламировал стихи:

О, здравый ум! Проснись же ты,
Умерив жажду потребления!
Земля не терпит пустоты —
Она дрожит от возмущенья!

— Лед тронулся, — сказал радостно Карпухин.

— Не спеши радоваться, — предостерег Дятлов, — еще можешь попасть под суд.

— Это за что же?!

— А за то! За нарушение правопорядка!

— Ты что, Ваня? Ты как бы угрожаешь?

— Пока только предупреждаю...

— Так ты уже не с нами?

— Душою с вами, но служу закону.

— Тогда служи, а у нас дела. Прощай! — сказал Карпухин.

Размахивая красными гвоздиками, он решительно двинулся в сторону улицы Магистральной. За ним с газетой в руке последовал Козодоев.

11

Вулкан, обладающий тяжелым утробным урчанием, — это накопитель потенциала для внезапного смертоносного взрыва. Медведь, раненный охотником и залегший за корневище, — это затаенная ярость, подстерегающая врага. Товарищ Чебураков, вернувшийся с опустевшей буровой, — это и вулкан, и свирепый подранок вместе взятые.

Однако ни взрыву, ни смертельной схватке не суждено было свершиться...

Зазвонил телефон, магически концентрируя внимание на вопросе и предположении. На проводе был секретарь Горкома партии. Он спросил:

— Бурение ведешь?

— Веду! — ответил бодро абонент.

— А сваи на берегу колотить?

— Колочу!

— Понятно... Хотя и так ясно. От твоего дизельмолота уже мозги перестают работать. Того и глядишь — Горком рухнет...

— Исправлюсь. Буду колотить ночью.

— А люди? Им ведь баньки надо.

— Что же тогда прикажете?

— Срочно прибыть ко мне. Тут один профессор приехал по поводу тряски...

По пути в Горком товарищ Чебураков пытался осмыслить: на кого и на что намекал секретарь? Уж не нагрянул ли кто-нибудь из ЦК? Но на самом деле профессором оказалось не иносказательное лицо, а натуральное. Профессор был жилистым, усаемым и улыбался так, словно перед ним сидели дети. В акте знакомства он крепко сжал руку и, не отпуская ее, улыбаясь, выпалил:

— Колотите свайки, молодой человек? Это хорошо, хорошо... Трясение земли может нести людям не только зло, но и добро. Провокационные вибрации вызывают активацию нефтяных пластов. А это, почтеннейший, черное золотишко...

— Давайте приступим к обсуждению ситуации, — прервал его секретарь. — От людей идет поток тревожных писем, но о конкретных мерах мы еще не соизволили подумать. А вот буровой мастер Карпухин, — Он строго посмотрел на товарища Чебуракова, — оказался решительнее нас всех. И в прессе выступил, и буровую закрыл. Так?

— Так... — тихо проговорил начальник УБР, вспомнив, что мастер Карпухин им уволен приказом.

— Ситуация архисложная, — откликнулся профессор. — Прежде всего мы должны определить отправные точки. Во-первых, не вызывает сомнения неравновесное состояние земной коры, стремящейся перейти к равновесию. Факт? Факт! Во-вторых, что следует из первого, у нас под ногами катастрофический очаг болезни. Факт? Факт! Значит, что нужно? Не знаете? — Он улыбнулся. — Нужно спровоцировать организм к самоочищению, следуя примеру иглоукалывания и прижигающей терапии. Или... Ха- ха-ха! Пригласить Кашпировского...

— Давайте серьезно, — сказал секретарь.

— Хорошо, господа ситуации... Покажите мне на карте эту геоточку трясения.

Пришлось немного подождать, пока из геологуправления доставляли карту. Секретарь, беспокойно расхаживая по кабинету, подошел к окну и вдруг замер, наблюдая шествие женщин с детскими колясками по четыре в ряд. Профессор на листе писчей бумаги делал наброски летающих тарелок и трехглазых инопланетян, улыбаясь им, как детям.

Товарищ Чебураков обдумывал проект приказа о повышении в должности мастера Карпухина.

Наконец на стол легла карта, и все склонились над ней.

— Так... так... так... — раздумывая бормотал профессор. — Рас-членение материков... глубинный разрыв... где он? Ага! Вот русло великой сибирской реки... Это рифт! Удачненько... Очень удачненько! Проблема решается очень просто. Вызывайте эскадрилью бомбардировщиков.

— Что-о?! — изумился секретарь.

— Эскадрилью, — повторил профессор, улыбаясь и глядя на секретаря, как на ребенка. — Будем бомбить.

— Что бомбить?

— Геоточку.

— Так это же город с людьми!

— Ах, да... город... Ну и что же? Людей куда-нибудь деньги.

— Спасибо за консультацию, — сухо сказал секретарь. — Можете возвращаться в Москву. Ваше мнение учтем.

Оставшись один на один с товарищем Чебураковым, секретарь сказал:

— Народ уже забродил. На улицах шествия. Пора налаживать контакт с массами. Завтра собираем бюро и создаем комитет содействия обществу «Противотрясения».

Но бюро так и не состоялось.

Рано утром — многострадальная, изрешеченная скважинами — земля затряслась в рыданиях. Дом на улице Магистральной раскололся по полам. Развалилась на части контора товарища Чебуракова.

А главное — рухнул Горком!

Юмористические рассказы

ЭПИСТОЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ

17.12.1988г.

Уважаемый тов. Семипядинский!

Низкий вам мой поклон за внимание и огромное спасибо за теплые слова. Весьма был польщен учтивостью редакции к моей незначительной персоне присылкой журнала «Будни» №11, где напечатан выстраданный мною небольшой материал, который был всячески охаян и возвращен мне журналом «Флагман».

Поверьте, я всегда относился враждебно к заверениям «всеведущих» людишек, будто джентльмены вымерли, как динозавры. И теперь я неописуемо рад, что оказался прав. Как искатель бесценного клада, я нашел джентльмена, коим являетесь вы. Скажите, разве мы дальтоники? А вот поди же, сколько мрачных десятилетий не могли разглядеть, что отливает светлой белизною, а что серо-буро-малиновой мутью. Поэтому, умоляю вас, не судите строго мое страстное излияние. Оно от радости долгожданных веяний.

От всего сердца желаю дальнейшего процветания «Будням», ставшим хоть на миг моим спасителем, моей отдушиной в безрадостном существовании.

Джордж Лаптев,
дворник

P.S. На всякий случай посылаю новый матерьяльчик. Сожалею, что от незнания не могу называть вас по имени-отчеству.

22.12.1988г.

Уважаемый Джордж Лаптев! Прощаю вам лесть относительно «клада», так как понимаю, что должен испытывать неизвестный, но вдруг замеченный автор. Наше кредо (в отличие от журнала «Флагман») — не пренебрегать талантом, если даже его носителем является не журналист с именем или член Союза писателей... Дворник, совмещающий шарканье метлой по асфальту со скрипом талантливой пера — это уже не сенсация, не нонсенс, а закономерное явление подъема интеллектуального уровня масс. Присланный вами так называемый «матерьяльчик» — лучшее тому подтверждение. Из ваших находчивых умозаключений и метафор бьет свежая струя, каковую излить удастся не всякому и маститому писателю. Им (в отличие от журнала «Флагман») мы нередко даем отказы, дабы открыть дорогу таким, как вы. Вам повезло, что вы — дворник (шучу). Срочно подсылайте что-нибудь еще.

Всего вам доброго. Семипядинский.

P.S. Величают меня Арнольдом Ивановичем.

14.01.1989г.

Здравствуйте, дорогой Арнольд Иванович!

Как я рад! Какая это большая честь — быть «замеченным», как выразились вы. Правильно ли я понял, что могу рассчитывать на дальнейшее сотрудничество с таким широкомасштабным человеком, как вы? Иногда мне становится жутко. Оправдаю ли я ваши надежды? Мне бы вовсе не хотелось очутиться в роли рака, попавшего в кипящий котел. Сознаюсь, я человек эмоциональный. С несильно развитым, но все же воображением. Какое благо осознавать, что я тоже мыслю и существую, что меня тоже можно и нужно использовать на «полную катушку», так как «шаркать метлой по асфальту», как удивительно точно высказано вами, — это слишком легкое занятие. А насчет «Флагмана» (Каюсь! Каюсь! Прочитал из любопытства, внушенного вами, №12) — пришел к твердому выводу, что (в отличие от наших «Будней») его редактор больше предпочитает искусство болтологии авторов, нежели их способности соображать. Но можно ли забывать о том, что матушка-природа, как вдумчивый родитель, преобразила обезьяну в человека?

Нет, скажу я, нельзя! А редактор «Флагмана» забыл! Он с помощью «маститых» вновь превращает человека в обезьяну.

Как мне повезло, что я попал в ваши умные руки! Всех вам благ на благородном поприще.

Весь ваш. Джордж Лаптев.
Дворник

P.S. Спасибо за публикацию в декабрьском номере. Посылаю свеженький матерьяльчик.

5.02.1989г.

Уважаемый сотрудник Джордж Лаптев! Ну нельзя же, батенька, так резко! «Флагман» солидный и полезный журнал. Хотя... В ваших суждениях и есть что-то, над чем можно задуматься... Меня искренне удивляет высокий класс журналистского профессионализма ваших статей. И это-то без всяких университетов! Не сомневайтесь — я верю в вас. А ваша эмоциональность — это огромный плюс в борьбе с эпидемией бездуховности.

Успехов вам! Семипядинский.

P.S. Ох и льстец же вы! Высылаем январский номер.

10.03.1989г.

Уважаемый редактор Арнольд Иванович! Безмерно признателен за быстроту публикаций и высылку январского и февральского номеров. Ваша благородная рыцарская последовательность делать приятные сюрпризы вызывает глубочайшее почтение. Вы — Человек с большой буквы! Надеюсь, что уже никакая «черная кошка» не сможет пробежать между нами. Ведь главное, как отметили вы, — это высокий класс моих статей. Не правда ли? Но иначе и быть не могло, так как я квалифицированный журналист со стажем. Да, да, не удивляйтесь! И, умоляю, не давайте волю урагану возмущения, а лучше по-отечески пожайте меня... «Дворник» — это маленькая хитрость, придуманная от бе-

зысходности. Это та соломинка, за которую ухватился утопающий журналист, чтобы зацепить внимание редакции. Ах, куда только не посылал я своих статей! Все отказы, отказы, отказы... Я превратился в «злого духа», остался без друзей, без связей, без работы. Хожу в засаленном пиджаке. Простите же покаянного. Вы вся моя надежда и упование...

Преданный вам Джордж Лаптев.
Журналист

P.S. Послал вам бандеролью несколько статей. Может быть, «дворника» оставим? Как псевдоним.

21.03.1989г.

Гражданин журналист или как вас там еще? Псевдоним «дворник» — это слишком большая честь для жулика со стажем. В том, что вы двуликий мошенник, я убедился, получив бандероль с макулатурой. Она так же похожа на опубликованные статьи, как древесина на червонцы. Мне жаль того талантливое раззяву, у которого вы их «позаимствовали». Ах, как вы меня расстроили, бедняжка! Я уже готов пустить отеческую слезу на лацкан засаленного пиджака журналиста, от которого отказались даже друзья. Не сомневаюсь, что только интриган и склочник, коего вы называете «злым духом», мог добиться столь значительного «успеха» в стремлении стать отщепенцем.

Прощайте. Семипядинский.

P.S. Возвращаю вам бандерольку. Содержимое можете повесить в одном интересном месте...

1 апреля 1989г.

Приветствую тебя, Арнольд Иванович!

Извини, коллега, если немного переборщил в своей шутке. Это мой

прошлогодний должок... А здорово ты меня тогда провел!

Желаю всех благ. Драгин.
Редактор «Флагмана»

P.S. Спасибо за публикацию статей Джорджа Лаптева. Это мой новый сотрудник. Талантлив, бестия! Не правда ли? А переписочку с тобою вел я...

ЧУГУР

Рассказ

Племенной бык Чугур был воплощением истинного дьявола. Он весил полторы тонны, был огромных размеров и обладал дьявольской силой, что вынуждало держать его на цепях в отдельном помещении. Его коварство, мстительность безмерная ярость наводили страх на всю деревню. Вполне вероятно, что подобное чудовище скрывал в лабиринте критский царь Минос, устрашая им своих подданных и соседние государства.

Имея под боком такую редкостную скотину, у односельчан не было нужды пугать детей страшилищами из сказок, они пугали их Чугуром, говоря: «Вот узнает Чугур про баловство и придет к нам на двор...» С этого обычно начинали, а уж дальше — кто во что горазд. И так иной раз напридумывают, что самих страх заберет, а не только детишек. А все от того, что много ярких впечатлений у каждого набралось от тех случаев, когда Чугур на свободу вырывался. Сравнимо это было разве что со стихийным бедствием: столько он хлопот учинял своими разрушениями.

Все боялись Чугура. Не боялись будто бы председатель колхоза и конюх Миколка. Председателю, во-первых, по должности не положено было бояться, а во-вторых — он большую силу в руках и теле имел и сам на быка смахивал. Очень уважительно относились к нему за силу и храбрость. Да и как же иначе? По весне, к примеру, в сарай с инвентарем забралась рысь, а народу без инвентаря никак нельзя обойтись, — вот и топтались у ворот, пока председатель не пришел. Хотя рысь и поцарапала его малость, однако он сгреб ее за холку, как котенка шелудивого, и вынес всем на обозрение. Словом, относительно председате-

ля никто сомнений не имел. А что касается Миколки, то мнения были разные. Когда его от коней отстранили и к Чугуру приставили, сделав приплату за страх, так он всеми поджилками трясся. Но поскольку он эту скотину кормил и оводов отгонял, то бык его терпел, так что Миколка вскоре не только пообвыкся, но и обнаглел.

Стал он Чугура с цепей снимать, а вместо них на шею веревочку повязывать и, держась за эту веревочку, прогуливаться по деревне. Очень уж хотелось ему показать, какой он храбрый укротитель. А попутно и позубоскалить, глядя, как народ по подворотням разбегается.

Однако был в деревне еще один человек, у которого желание всех потешить пересиливало страх. Это был тракторист Степка. Склонность к юмору у него проявилась в момент, когда он, вылупив глаза на широкие бедра птичницы Клавуси, кувыркнулся в речку с крутого яра вместе с трактором. Все, кто в поле был, работу побросали, надорвав животы от смеха, а ему лестно стало, что оказался в центре внимания. Вот он-то, Степка, и решил однажды, когда Миколка быка прогуливал на веревочке, позабавить односельчан отважным юмором, станцевав перед Чугуром кавказский танец лезгинку.

Во время пируэта в виде быстрого скольжения над дорогой он вдруг почувал, что критический миг наступил и пора уносить ноги, а не то юмор может обернуться трагедией. Но не желая быть осмеянным, Степка изловчился покинуть арену артистически достойно — для чего, увеличив в несколько раз темп пируэта, метнулся таким аллюром в ближайший двор, а разъяренный Чугур, своротив забор, понесся за ним вслед.

Зная, что состязание в беге он наверняка проиграет, Степка посмотрел за огородами сараюшку, сходу влетел в нее и закрыл дверь на засов. Блаженно растянувшись на сеновале, он думал, что все благополучно обошлось и ореол славы высвечивается над его головой выше крыши.

Но Чугур, видимо, думал иначе.

Он постоял с минуту, глядя мутным кровавым взглядом на дверь, за которой скрылся Степка, а потом вдруг разбежался и начисто снес жидкое строение.

Часа через два, когда Чугур успокоился и ушел, юмориста вытащили из-под обломков и отправили на больничную койку. Однако потом, когда Степка явился жив-здоров, вся деревня от потехи и смеха долго отойти не могла.

Не смеялся только председатель. Он собрал правление и влупил Степке штраф в пользу хозяина сараюшки. А Миколке объявил выговор за безответственность и зубоскальство, пригрозив отстранить от

быка.

Но Миколка не воспринял угрозу всерьез. Где, мол, найдут еще такого рискованного смельчака, как он. Поэтому, когда председатель бывал в отъезде, наглые похождения по деревне продолжались. И так это происходило до тех пор, пока однажды возле агронома дома им не повстречалась корова Муська сторожихи Семеновны.

Узрев Муську, Чугур вознамерился пообщаться с нею. Но Миколка сдуру уперся и стал тянуть за веревку, хотя удержать Чугура было то же самое, что движущийся трактор.

Протащив за собою с полпути упирающегося Миколку, Чугур вдруг развернулся и так долбанул его под грудки, что Миколка, уподобившись ракете, перелетел через высокий забор агронома двора и приземлился там в крапиву с двумя переломанными ребрами. Устранив таким образом непонятливого опекуна, Чугур, не теряя времени, ринулся к Муське и навалил на нее сходу полторы тонны живого веса. Хребтина у Муськи тут же треснула, и она, грохнув на землю, судорожно помахала в воздухе копытами и сдохла.

Такой неожиданный исход привел в дикую ярость необузданное животное, и Чугур заметался по деревне в поиске живых объектов. Но улицы в один миг опустели, словно был объявлен комендантский час.

Эта напряженка длилась до полудня следующего дня, пока не приехал председатель. Он сразу смекнул, что к чему, вышел из машины и стал среди дороги лицом к Чугуру, глядя в его мутные глаза.

Не прошло и минуты, как за заборами стали возникать признаки жизни, подтверждая простую истину, что любопытство всегда пересиливает страх. Даже продавщица магазина и покупатели, которые всю ночь провели в подсобке, высыпали на крыльцо. А тракторист Степка пробрался задами ко двору плотника Захарыча, чтобы поближе посмотреть на трагическую гибель председателя.

— Готовь, Захарыч, двухметровый гроб из еловых досок, — сказал Степка, пристраиваясь рядом с плотником за забором.

— То поглядим ще, — возразил Захарыч. — Евоный кулак як кувалда. Ежели, скажем, тебя в лоб припечатает, так мозги через уши выпрыгнут.

— Меня-то за что?

— А за балобольство, чтобы от бреху отучить.

Между тем, постояв, председатель пошел к Чугуру, говоря ему что-то тихим баском. Зрители затаили дыхание. А Степка с досадою произнес:

— Хошь бы громче говорил что-ли, а то антиресу нет.

— Это тебе не теянтер, чтобы горло драть, — сказал Захарыч. — К

скотине подход нужен.

Чугур, глядя исподлобья на председателя, стоял не шелохнувшись, словно окаменел. Подойдя к быку, председатель провел рукой по его толстой шее, что-то сказал, как бы на ухо, и двинулся в сторону скотного двора. Чугур степенно развернулся и пошел следом.

— Во, братцы, чудо! Заговор председатель знает! — восхищенно воскликнул Степка.

— Какой там заговор, — возразил Захарыч. — Может, он Чугуру про бойню намек сделал. Животное все понимает.

— Ну? — не поверил Степка.

— Вот те и ну — баранки гну. Не всякого, конечно, понимает, а токмо председателя.

На другой день председатель общее собрание затеял и доложил народу, что за самоуправство и ущерб, выразившийся в безвременной смерти коровы Муськи, Миколка от быка отстраняется. А Чугур отдается всему миру на суд. Коли порешат, что на бойню отправить его, то так тому и быть, хотя жалко. Ни в одном колхозе такого быка днем с огнем не сыскать. Редкий бык!

— На бойню его! — крикнул Степка, вспомнив больничную койку.

— Оно-то так, — сказал, как бы рассуждая, Захарыч, — токмо чего-то не хватать будет.

— Верно говорит! — выкрикнул кто-то. — Жалко-то скотину.

— И то правда, — раздался другой голос, — в соседской деревне что? Скучища одна. А у нас события!

— О событиях забудьте, — предостерег председатель, — Бока намну, ежели кто вздумает Миколке подражать. Какое предложение голосовать будете?

— А пушай живет, — согласился Степка. — Сымаю я бойню.

— Оно-то так, — снова, как бы рассуждая, сказал Захарыч, — токмо, думаю, что Семеновне надо от мира потерю возместить.

Так и порешило собрание:

1. Чугура на бойню не отправлять, считая повинным в смерти коровы Муськи конюха Миколу, а не скотину.

2. Выделить сторожу Семеновне корову из колхозного стада взамен утраченной.

3. Приставить к быку по кличке Чугур плотника Захарыча, учитывая его рассудительность и ответственность в характере. Отказать ему в самоотводе, назначив приплату за страх по десять рублей ежемесячно.

ТИШКА

Сатирический рассказ

*«Сие ума не профанация,
а случай алкодеградации».*

Автор

Степан собирался в отпуск.

«Нужно кому-то поручить за хатой приглядывать, — думал он. — Барахла ценного нет, но вдруг трубу прорвет или еще что. Попрошу Гешку. Он холостяк, у него время свободное есть. К тому же задумчивый и надежный, как автомат.» — Степан сбил щелчком со стола таракана и вслух сказал:

— Решено! Вот только надо тараканов поморить.

На следующий день вечером Степан привел Гешку к себе. Сели на кухне за стол. Степан достал бутылку «Каберне».

— Марганцовочки хочешь? — спросил он.

— Валяй, — сказал Гешка.

Степан налил вино в граненые стаканы, сделав выпуклыми поверхности жидкости. Гешка смотрел с восхищением.

— Вздогнем! — сказал Степан.

Вздогнули.

— Хочешь дореволюционный анекдот расскажу? — спросил Степан.

— Валяй, — согласился Гешка.

— Ты сначала скажи — служил?...

— Ну служил. А что?

— Значит, история такая... — стал рассказывать Степан. — Служил один солдатик под началом старшины Кондратюка. Свиристый был стар-

шина. Пишет солдатик письмо в деревню матери: «Дорогая матушка, нижайше прошу тебя купить поросеночка. Назови того поросеночка старшиной Кондратюком. Корми его, лелей, чтоб ни в чем нужды не имел и был справным. А когда я приеду, то самолично зарежу его.» — Степан смотрел на Гешку. Гешка сидел, опустив глаза. Лицо у него было грустное.

— Ты чего не смеешься? — удивился Степан.

— Солдатика жалко, — сказал Гешка.

— Чудак, то ж анекдот!

— Все равно жалко, — уперся Гешка.

— Ну ладно, Бог с ним, с солдатиком. За избой поглядывать будешь?

— Естественно, — заверил Гешка.

Степан поморил тараканов и уехал.

Гешка пришел на следующий день, осмотрел углы, ничего подозрительного не нашел и присел на кухне за стол. Задумался.

На стол выполз таракан. Гешка заинтересовался.

Таракан был черным и большим, как жук. Усы у него были длинные, изогнутые дугой. Они шевелились. А походка была у него вялая и неуверенная, словно «марганцовочки» хлебнул.

Боясь спугнуть, Гешка затаил дыхание, прицелился и ловко схватил таракана за ус. Торжествуя победу, Гешка отнес его в туалет и промыл в унитаз.

Прошел месяц, и вернулся Степан. Пришел Гешка. Сели они за стол на кухне. Степан достал бутылку «Каберне».

— «Марганцовочки» хочешь? — спросил он.

— Валий.

Степан налил вино в граненые стаканы, сделав выпуклой поверхности жидкости. Гешка смотрел с восхищением.

— Ну как? — спросил Степан.

— Порядок, — ответил Гешка, — таракана промыл в унитаз.

— Какого таракана? — удивился Степан.

— Черного, большого, как жук. С усами...

У Степана появилось игривое настроение.

— Гешка, что ты натворил?! Это же был Тишка!

— Кто? — не понял Гешка.

— Дрессированный таракан Тишка. Тараканьи бега видел?

— Видел. В кино.

— Ну вот. А ты его в унитаз!

— Прости, — сказал Гешка, — я не знал, что это Тишка. Странный он был, еле двигался.

— То не странный, а грустный. За мною скучал, — сказал Степан.

— Прости, — повторил Гешка, — я не знал, что это Тишка.

— Ну ладно, Бог с ним, с тараканом, — сказал Степан. — Вздروгнем. Вздروгнули. Гешка ушел задумчивым.

На следующий день, вечером в дверь робко постучали. Степан открыл. Пришел Гешка.

— Можно войти? — спросил он.

— Естественно, — сказал Степан.

Степан налил вино в граненые стаканы, сделав выпуклыми поверхностями. Гешка смотрел с восхищением.

— Ну как? — спросил Степан.

— Прости, — сказал Гешка, — я не знал, что это Тишка.

— Ну ладно, Бог с ним, с тараканом, — сказал Степан, — я пошутил. Вздروгнем!

Вздروгнули.

— Нет, ты не пошутил, — сказал Гешка, — прости!

— Ну хорошо, прощаю, — сказал Степан, — понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Гешка, — спасибо.

— Спасибо — это слишком много, — сказал Степан, — на хлеб не намажешь, в стакан не нальешь.

— Намек понял, — сказал Гешка, — завтра повторю «Каберне».

Гешка ушел задумчивым.

Фантастические рассказы

ИЛЛОНА

фантазм

*«Можно ли считать благотворным влияние
Плеяд или широкой ленты Ориона»
Из «Книги Иова»*

Дачный район на берегу водохранилища Сургутской электростанции — живописнейший уголок, окруженный лесами и болотами. Как только завершается рабочий день, разноцветный рой автомобилей устремляется по шоссе к этим прекрасным окрестностям. Но в тот памятный вечер лил проливной дождь, громыхал гром, сверкали молнии — и все попрятались по домам. Однако, не изменяя своим правилам, я поехал на дачу. В безлюдии есть определенная прелесть, склоняющая к размышлениям, тем паче, когда по крыше барабанит дождь.

Прочитав сенсационную газетную статейку нашего корреспондента из Нью-Йорка под заглавием — «Не пугайтесь серых карликов с огромными глазами», я стал жевать жареное мясо, размышляя об инопланетных цивилизациях и газетных шумихах. Мой скептицизм, как и всякого здравомыслящего человека, отвечал принципу — «Пока не пошушу сам — не поверю».

Я сидел на веранде у окна и, наверное, уснул бы от монотонности дождя и тягучести мыслей, если бы в этот момент под окном не тявкнула собака.

Это был огромный вислоухий пес, принадлежащий дачному сторожу. Говорят, что дворовые собаки очень умны, умнее породных. Поэтому, из уважения, я бросил ему кусочек мяса и, захлопнув окно, вновь предался раздумьям, преодолевая дремоту.

Вдруг яркая вспышка ослепила меня, словно молния ударила в подоконник.

Не успел я опомниться, как образовавшийся за окном вакуум, подобно жерлу гигантского пылесоса, вытянул мое тело прямо через стекло, как беспомощное насекомое. Я упал на мокрый песок, застонав от режущей боли в ухе. Прижав к больному месту ладонь, я к великому недоумению и ужасу обнаружил, что ухо исчезло. Оно, напоминая красную тряпочку, валялось не далее, чем в двух шагах. Я потянулся к этому предмету, но поганый пес сторожа вмиг опередил меня, подскочил и тут же слопал клочок моей бывшей плоти.

Мне стало обидно и я даже пожалел, что кормил мясом неблагодарное животное. Однако более серьезные мысли взяли верх, так как я вспомнил, что мне уже тридцать лет, а я еще не женат. Какая теперь дура выйдет замуж за такого уроды без уха?

Тут я заметил, что место на песке, где я сидел, стало абсолютно сухим, даже штаны высохли, хотя вокруг хлестал дождь. Я озадаченно скосил глаза и замер от изумления...

В трех шагах стояла очаровательная блондинка великолепного роста — этак метра три с половиной. Я задрал голову в зенит, желая заглянуть ей в лицо, и увидел, что она кокетливо улыбается.

«Вот это женщина!» — подумал я с восхищением.

— Мне приятно, что я тебе нравлюсь, — тут же сказала она, прочитав мои мысли. — Значит, мы поладим.

С этими словами она двинулась ко мне, сделав всего один трехметровый шаг. Подняв меня за воротник и поставив на ноги, она что-то приложила к ране. Боль мгновенно утихла.

— Кто Вы?! — спросил я с нескрываемым уважением, ибо почувствовал, что врачующие меня пальчики могут при необходимости связать бантик из кочерги.

— Я — Иллона из созвездия Ориона, — ответила она таким тоном, будто бы прибыла, скажем, из Когалыма.

Теперь только я обратил внимание, что на водной поверхности слегка покачивается огненный шар, а метрах в двухстах от него плавает серебристая тарелочка. По берегу бродили какие-то кузнечикоподобные существа небольшого роста с двумя полушариями глаз, занимающими половину объема головы. Они поглядывали в нашу сторону и, пошагивая, раскачивались так, словно склевывали с травы букашек.

— А это кто? — спросил я удивленно.

— А ну их! — сказала Иллона с досадой. — Это межзвездные контролеры из Плеяд.

«Ну и ну, — подумал я, — даже в космосе нет спасения от контроле-

ров.»

Между тем в руках у блондинки появился какой-то предмет, похожий на пистолетик, и послышался щелчок, как при осечке. Не успев подумать, что все это значит, я увидел перед собою, неизвестно откуда появившегося, моего двойника. У этого типа было весьма удивленное, дурацкое выражение лица. Но зато он выгодно отличался от меня тем, что имел два уха.

— Не переживай, — успокоила Иллона, — это ты видишь себя. Твое ухо уже отросло.

Я благодарно взглянул в ее приблизившееся лицо и обомлел от необыкновенной глубины и синевы ее глаз. У меня перехватило дыхание, словно я нырнул на дно океана.

Восприняв это, вспыхнувшее во мне проявление чувств, она, немного смутившись, с доверительной стыдливостью произнесла:

— Мне не хочется играть в прятки. Я ведь прибыла на Землю, чтобы выйти за тебя замуж.

Несколько опешив, я все же не мог не признаться себе, что мне это льстит и на такой контакт с внеземной цивилизацией я готов пойти. Меня только смущал ее рост.

Снова угадав мои мысли, нежно погладив меня по макушке, Иллона сказала:

— Не волнуйся, милый. Разница в росте — это не самое главное. Главное, что у нас одинаковой формы и величины тазобедренные кости.

Внимательно обзрев ее стройную фигурку, я успокоился и вспомнил, что читал в какой-то газете о подобной девице. Кажется, это было в Бразилии. Она там посетила ресторан, произведя ошеломляющее впечатление. Потом вышла и на чем-то улетела... Но то был ресторан — с высоким потолком! А как, скажем, поместить ее в типовой квартире? Придется совмещать два этажа, разобрав перекрытие. Одежда и простыни — это мелочь: их можно сшить. А спать и на полу можно, особенно в медовый месяц. Устроимся!

Теперь, когда вопрос наших дальнейших отношений был решен, мне подумалось, что пора переходить к конкретным действиям. Я предложил зайти в дачный домик, чтобы ознакомить ее с нашим хозяйством и за бутылочкой шампанского отметить обручение.

Иллона охотно согласилась, вползла в дверь, уселась на полу, вытянув ноги, встряхнула своими прелестными белокурыми волосами и смела всю паутину на потолке.

Удовлетворенный тем, что она вписалась в габарит, я с беспокойством стал думать о предстоящем поцелуе. Стоя не выйдет, так как ей не разогнуться. Да и я в этом случае не смогу дотянуться куда надо.

Поэтому я решил, что пока она сидит, я подойду вплотную, стану на цыпочки и таким образом сумею закрепить наш союз. Но, как назло, в этот ответственный момент за окном замелькали всевидящие пучеглазые головы звездных контролеров. Иллона рассердилась и предложила немедленно отправиться в свадебное путешествие, чтобы избавиться от назойливых посторонних.

Через несколько минут мы забрались в ее огненный шар, в котором была приятная прохлада и уют. Дворовый пес последовал за нами вплавь, проявляя, на мой взгляд, наглую навязчивость. Я замахал на него руками, прогоняя, но Иллона утихомирила меня, сказав:

— Не гони это милое животное, дорогой. Пусть оно будет подарком моему папочке.

— Будь по-твоему, — согласился я и подумал: «В таком случае займусь-ка в дороге изучением процесса ассимиляции четвероногих в астральных условиях. Семейная жизнь, даже в инопланетной среде, не может лишить меня земной привычки поработать.»

Желая тут же написать заголовок будущей диссертации, я метнулся к письменному столу, запрыгнул в высокое кресло и, как бы подтверждая динамичность внезапно родившейся мысли, ударил по столешнице кулаком...

Иллона вскрикнула и закрыла руками лицо.

То, что я принял за стол, оказалось пультом, а удар кулака пришелся на одну из кнопок. Мгновенно что-то сработало, гроыхнуло и мы, рванув с места, куда-то понеслись.

Придя в себя, Иллона деловито осмотрела приборы, облегченно вздохнула и сказала:

— Милый, сколько в тебе необузданных энергий! Не случайно некоторые теоретики Ориона утверждают, что обитатели Земли — потенциальные самоубийцы. Они сначала натворят что-нибудь, а потом начинают думать о самосохранении.

— Увы, — признал я, — это прискорбная истина. Но, скажи, куда мы летим с моей легкой руки?

— Ты счастливчик, — сказала, улыбнувшись, очаровательная инопланетянка. — Мы летим на чудесный Сириус, где живут существа, похожие, как два атома водорода, на вас землян. Их общество достигло исключительного совершенства, так как первобытное состояние, подобное теперешнему вашему, они пережили еще миллион лет назад.

«Отлично! — подумал я. — Посмотрю как выглядит наше социальное завтра».

Как ни странно, а летели мы до далекой звезды не более месяца. Иллона посмеивалась над невежеством утверждения, что скорость света

— это предел, а чтобы я понял степень заблуждения, она привела пример древнего представления наших предков о Земле, оседлавшей трех слонов.

Когда мы прибыли на Сириус, я был приятно поражен помпезным орнаментом праздничного шествия. Каким-то образом Иллона сумела предупредить сирианцев о нашем прибытии и даже снабдить их нужной информацией, так как десятки воздушных шаров, плавающих над толпами братьев по разуму и внешнему обличью, были украшены портретами, изображающими мое волевое, глубокомысленное лицо.

— Это мой маленький сюрприз, — сказала Иллона. — Не правда ли — ты сразу почувствовал себя как дома на городской площади? Так что не удивляйся.

А я, между прочим, не был удивлен, зная себе цену, хотя на родине меня не успели еще оценить. Но главное, к чему я не мог остаться равнодушным, это отточенность форм очаровательного пола. Эти поистине прекрасные, утонченные человекоподобные «насекомые» вились вокруг меня роем, словно я был носителем нектара. Я понял, что освобожденные от проблем эмансипации, они превратились в женщин.

Однако повышенный интерес к моей персоне со стороны сирианок возбудил в Иллоне чувство ревности. Она устроила мне маленький скандалчик, после чего, проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что наш шаролет стремительно приближается к созвездию, в котором с нетерпением ждут меня тесть и теща.

Сойдя с межзвездного корабля, мы попали на юбилейный бал. Молодцеватому папочке Иллоны исполнилось 250 лет и коллектив, в котором он работал, провожал его на пенсию. Когда я увидел праздничный стол, я сразу сообразил, что стою перед лицом животрепещущей тайны долголетия, открывшейся мне в виде всевозможных салатов из шпината и изобилия фруктовых коктейлей. Я тут же решил, что буду впредь питаться и утолять жажду только подобным образом и тем самым смогу еще при жизни вкусить признание моих талантов.

— А вот и наша Крошк! — радостно воскликнул тесть и, обращаясь к гостям, сказал: — Вы знаете — она покоя не давала, требуя разрешения выйти замуж за землянина. Она терпеть не может орионских акселератов, не имеющих недостатков. Хоть умри, а подавай ей мужа с двенадцатью пороками. И вот он перед вами!

Гости дружно мне заплодировали.

Но несмотря на то, что я и дворовый пес стали самыми популярными объектами внимания, меня очень скоро потянуло на родную Землю. Эмигрантская тоска, прочистив мозги, дала мне понять, что лучше купаться в родном болоте, чем в чужом масле. При этом мне хотелось в

качестве сувенира привезти домой какую-нибудь научную разгадку и я уговорил Иллоу сделать одно колечко по окраинам вселенной. Оказалось, что многие мои земляки — корифеи от науки заблуждаются, считая, что вселенная расширяется, а галактики разбегаются. Все выглядело значительно проще. И заключалась эта простота во всеобщем бесконечном вращении, без которого жизнь и материя не могут существовать. Даже на душе стало легче, что материя не истребима, космос заселен и мы не одиноки в бренном мире звезд.

Вернувшись на Землю, я тут же пошел в профком и поставил ребром вопрос о совмещении моей квартиры, нижележащей с квартирой — вышерасположенной. Профком долго не мог ничего взять в толк, пока я не уговорил перенести заседание в спортзал, куда и привел свою не-земную жену.

Обозрев Иллоу, все мужчины стали мне завидовать, баскетболисты восхищаться, а женщины ехидно посмеиваться. Но все же общественность заработала — поставила вопрос перед исполкомом...

Об этих хлопотах узнали соседи сверху, обозвали меня космическим авантюристом и написали жалобу в комиссию по аномальным явлениям, требуя произвести проверку на предмет подлинности инопланетного существа сомнительного роста.

Немедленно спецрейсом из Москвы вылетела комиссия во главе с товарищем Жужомой. Комиссия взяла у Иллоны на анализ кровь и выдала заключение экспертизы о наличии в ней лейкоцитов не земного происхождения.

Вслед за комиссией, по инициативе газеты «Комсомольская Правда», прилетела самодеятельная экспедиция для изучения вопроса контакта с иноземным гоминойдом, получив искаженную информацию.

Учитывая столь пристальное внимание к событию со стороны общественности, науки и прессы, исполком собрал экстренное заседание и внимательно рассмотрел дело о совмещении квартир двух этажей, но вынужден был отказать, так как это не предусмотрено «Основами жилищного законодательства».

Теперь контакты с Иллоной у нас, как праздник. Мы живем, как в разных общежитиях. Она — в созвездии Орион, а я — в Солнечной системе на Земле.

ВУНДЕРКИНД – ДОБРЫЙ ГЕНИЙ

Фантастическая новелла

Никто не догадывается, что я вундеркинд.

Мой отец — известный физик, а мать работает в его лаборатории. Люди они занятые и моему воспитанию не уделяют особого внимания, надеясь, видимо, на наследственность природного такта и интеллигентности.

Когда мои пятилетние сверстники еще ковырялись в песочницах, катались на качелях, играли в пятнашки, меня уже тянуло к книжным полкам отца. К этому возрасту я не только бегло читал на родном языке, но успел изучить основы английского и французского, с помощью словаря переводил любые научные статьи из журналов, которые выписывал отец, хотя еще не понимал их содержания.

В это время мать купила азбуку и урывками стала обучать меня буквам и слогам. Я делал вид, что только познаю азы, а сам, тайком от родителей, заканчивал изучение курса арифметики. Арифметика настолько меня увлекла, что я, не останавливаясь, приступил к изучению алгебры, геометрии и тригонометрии. В математике я интуитивно угадывал заманчивую, таинственную даль неизведанного.

Едва я успел освоить дифференциальные и интегральные исчисления, как меня празднично нарядили и повели в первый класс. Естественно, чтобы не оскорбить чувства товарищей и не внушать зависть, я скрывал свою ученость и, просиживая долгие часы за партой, углублялся в размышления. Таким образом во мне развивалась способность к анализу, умению производить в уме сложные математические действия, тренировалась и укреплялась память. Особое удовольствие от таких занятий я стал получать, когда присовокупил к математике суть

физических явлений.

Однако очень скоро все стали замечать мой отрешенный, отсутствующий взгляд, а учительница частенько обрывала ход моих мыслей восклицанием:

— Дубов! Ты опять витаешь в облаках? Скажи: о чем я говорила?

Я, как автомат, повторял слово в слово ее монотонные фразы, а она недоуменно пожимала плечами.

Меня считали прилежным учеником, ставили хорошие оценки, но я старался особенно не высовываться. Школа уже не могла сказать мне что-то новое, но зато была той средой, на почве которой зрела любовь к людям. Основное же влияние на мое сугубо индивидуальное развитие интересов оказывали родители, особенно отец. Он в разговорах с матерью часто восхищался гениальностью Эйнштейна и Бора.

— Необыкновенно! Потрясающе! — говорил он. — Жаль только, что их открытия создали потенциальную угрозу существованию человечества. Злые гении уже пользуются этим. В конечном итоге наша планета Земля может превратиться в ледяную глыбу.

Мне становилось жутко, когда я представлял себе мертвую, холодную Землю, несущуюся в пространстве. Тогда я решил: злые гении хотят ее погубить, а я постараюсь что-нибудь придумать, чтобы защитить ее.

С этого момента моя жизнь приобрела особый смысл, а намеченная цель определила пути познания. В первую очередь я вплотную занялся трудами Ньютона, Эйлера, Эйнштейна, Бора и Вернадского. Более всего меня поразила гениальность автора «Общей теории относительности», но все же в этой теории чего-то не хватало. Релятивистская теория гравитации также показалась мне неполноценной: она не проясняла многие нюансы небесной механики. В то же время я будто ощущал, что пространство насыщено неведомыми полями, обладает потрясающей энергией вакуума, что вся материя находится в постоянном, нескончаемом взаимодействии, аннигилируя и восстанавливаясь, излучая при этом единое суперполе.

Я был благодарен отцу, нечаянно побудившему меня заняться одной из самых актуальных проблем, и пришел к выводу, что вполне подготовлен, чтобы приступить к первой научной работе.

Я начал издалека, поставив под сомнение утверждение Галилео Галилея, который в свое время опроверг мнение, что легкие тела падают быстрее тяжелых. На мой взгляд, из-за этого ошибочного вывода наука уже несколько столетий топчется на одном месте. Десятки «почему?» ждут ответа. Почему, например, масса дейтрона меньше суммы масс протона и нейтрона, из которых он образуется? Почему массы

одного килограмма урана и килограмма водорода не равны? Какова роль электрона в веществе? Если предположить, что электрон — античастица, то сразу становятся понятными большие величины внутриядерных сил и возникает предположение, что антигравитация возникает в веществе! А если так, то...

Ослепительная, как молния, догадка бросила меня в жар. Я схватил карандаш и лихорадочно стал напосить на листы бумаги цепочку цифр и формул. Я был как в бреду. «Слабые взаимодействия можно сделать сильными... сделать сильными! — мысленно восклицал я и оглядывался, словно кто-то мог это подслушать. — Можно нарушить равновесие между веществом и антивеществом, порождая антигравитационные силы...»

Это было великое открытие! Я изнемог от колоссального импульса напряжения нервов и мыслей. Чтобы избежать безумия, я отбросил исписанные листки и выбежал на улицу. Как угорелый, я носился с ребятами по двору, играя в пятнашки и жмурки. Но, быстро устав, так как не привык к развлечениям такого рода, я, разгоряченный, вернулся домой, чтобы продолжить свои вычисления.

Отец стоял у письменного стола и изумленно вглядывался в исписанный мною листок.

— Гениально! Потрясающе! — восклицал он.

Я кашлянул. Отец живо оглянулся и спросил:

— Что за гений заходил ко мне и оставил это?

— Не знаю. Не видел, — ответил я, пожимая плечами. — Быть может, я не защелкнул на замок дверь, когда пошел гулять, и тогда кто-нибудь мог зайти...

— Может быть... может быть... — раздумывая повторил он. — Но почему не закончены расчеты? Наверное, этот некто хотел посоветоваться... Черт возьми, до чего же гениальная мысль! Неужели до этого додумался один из моих учеников?

Я молчал, не желая открываться. Слишком неправдоподобным и неожиданным мог показаться мой правдивый ответ. Да и преждевременно это было. Нужно еще закончить работу...

Отец, как бы лишившись сил, опустился на стул и, нервно теребя листок, о чем-то стал думать. Я же в ожидании, когда он уйдет, присел сбоку стола. Мне не терпелось продолжить свои расчеты. Я теперь был уверен, что мое открытие станет открытием века. Оно предотвратит любые намерения развязать ядерную войну, оно сбережет мир от случайно нажатой на пульте кнопки, оно не допустит непредсказуемых действий безумцев. Никто никакими силами не сможет поднять в воздух самолеты и ракеты. маньяки будут беситься от бессилия, компьютеры выйдут из строя. Я окружу родную планету полем,

против которого уже не может найтись противодействия. Злые гении потерпят крах. Если отец не ошибается, и я — гений, то я буду — гением добрым.

Зарисовки

ЛЕСНАЯ ГОСТЬЯ

Рассказ

Лес, где жили белки, очень нравился зверюшкам и птицам, так как там стояли кедровые шишки, радовали глаз красные зонтики рябин, росли всякие грибы и ковром устилали землю поросли черники и брусники. Благодатным был лес осенней порой. Сытое его население готовило впрок запасы на долгую сибирскую зиму.

Но к весне кладовые зверюшек снова пусты. Хотя и радостное это время после зимней стужи, зато голодное, и поэтому лесные обитатели постоянно заняты поиском пищи. На то у них и смекалка есть, и природный нюх.

Однако история, которая неожиданно случилась, вызвала у меня удивление и доставила немало приятных забот...

Оставил я как-то осенью в избушке на чердаке с полмешка кедровых шишек. Прележали они там до самой весны, но отсырели немного. Пришлось высыпать их на настил, чтобы подсушить. И такой аромат распространился по дому — будто в кедровом бору. Испытывал я большое удовольствие, когда приходил этим лесным воздухом подышать, а заодно и орешков погрызть.

Однажды залезаю на чердак и вижу: кто-то повадился сюда в гости ходить. Пошелушит несколько шишек погрызет орешки и уходит. Слово бесплатную столовую нашел. Шелуха и скорлупки аккуратными конусочками лежат — сразу видно, что не разбойник какой-нибудь. «Кто бы это мог быть? — подумал я. — Что за таинственный гость?»

А тайна открылась очень скоро.

Вижу я как-то: на высокой елке рядом с домом белка на ветке сидит. Высунула мордашку из-за ствола и с любопытством наблюдает за мной.

А с другой стороны хвост пушистый торчит. «Ну, — думаю, — сейчас я тебя обхитрю.» И обхитрил. Спрятался за сарайчик и наблюдать стал. Мол, как ты, так и я: погляжу из укрытия, что ты делать будешь. А она посмотрела по сторонам, видит — никого нет, попрыгала с ветки на ветку и сбегала по стволу на крыльцо. А оттуда — юрк под дом. Видать, ход потайной нашла.

Решил я белку приручить. Пробрался в дом и, чтобы не спугнуть гостью, осторожно поднялся на чердак. Увидела она меня, но ничуть не испугалась. Только отбежала в угол и уселась столбиком как ни в чем не бывало. «Раз такое дело, — решил я, — то мы с тобою быстро поладим.» Собрал шишки в мешок, а ей несколько штук оставил.

На другой день прихожу опять. Вместо шишек — конусочки стоят. Достал из мешка новую порцию, а в миску воды налил. Только отошел — она тут как тут — подбежала и стала пить.

Так я кормил и поил белку каждый день. Она быстро осмелела, стала грызть у моих ног, а потом из рук решилась взять угощение. Усядусь я перед нею на табурет — и шелкаем оба орешки.

И вдруг... Недели через две забираюсь на чердак, а там, батеньки мои, старый пиджак разорван в клочки и превращен в гнездо. А в нем копошатся и попискивают трое бельчат. «Вот так номер! — удивился я. — Белка-то, оказывается, рожать собиралась у себя в лесу, а я ей квартиру предоставил.»

Стал я приносить ей молоко, кусочки сахара и кое-какие овощи. Любопытно и радостно было наблюдать, как быстро растут бельчата и начинают проявлять интерес к лакомствам, к окружающей обстановке, к внешнему миру, расположенному за пределами чердака. Вскоре они стали выглядеть совсем взрослыми. Они запрыгивали мне на плечи, брали из рук еду, носились по всему дому и даже умудрялись что-нибудь стащить у меня, когда я садился перекусить.

Так продолжалось почти все лето. А в августе они вдруг разом убежали в лес. Но временами то один, то другой бельчонок навещал избушку и с охотой принимал угощения. Поскакав по комнате, по чердаку, они так же незаметно исчезали, как появлялись. У них наверняка появились свои весьма серьезные дела в лесу.

СВЯТОЕ СЛОВО

Рассказ

Внешне она ничем не отличалась от своих породистых сородичей — западно-сибирских лаек: имела рыжеватый окрас с широким белым воротником и белой грудью, универсальность в полевой работе, вольнолюбивый характер, звонкий голос, неумную подвижность и несдержанность чувств при встрече с близкими ей людьми.

И все же у нее была одна отличительная черта — миролюбие. Если не возникало веского повода к схватке. Она не трогала кошек, не обижала маленьких собак, если те не вели себя пагло.

Была она также и очень заботливой матерью. Ни на одну минуту не выпускала из виду своих неуклюжих щенков, не давала им расползаться по сторонам, непрерывно умывала их своим шершавым языком.

Лотта (так звали собаку) всегда проявляла неусыпную бдительность в охране владений дачного участка от кротов, мышей и крыс. Участок располагался на берегу живописного озера, имеющего плавучие острова, поросшие камышом, осокой, чередой, кустарником и небольшими отдельно стоящими деревцами. Эти плавучие острова, соединяясь у берегов под давлением ветра, были излюбленным местом для диких уток и куликов, которые, прилетая весной, гнездились там и выводили потомство. Оттуда часто доносилось призывное кряканье, крики и пiski молодняка, а в утренние и вечерние зори выплывали выводки.

Но нет правил без исключения.

Однажды весной в глубине дачного участка, рядом с изгородью, куличиха построила на грядке гнездо, снесла четыре маленьких яичка и стала высиживать куличат. Стоило появиться там Лотте, как мгновенно сработало ее острое зрение и охотничий азарт. Она бросилась к гнез-

ду.

Испуганная куличиха вспорхнула на изгородь, и ее громкие, пронзительные крики наполнили отчаянием всю округу. Не мешкая к месту происшествия поспешил хозяин собаки, которая уже обнюхивала гнездо.

— Нельзя, Лотта! — сказал хозяин. — Это будут дети!

А куличиха не собиралась улетать, несмотря на появление человека. Она стала кричать еще громче и отчаянней.

Лотта посмотрела на хозяина, и, видимо, в ее памяти возникли образы неуклюжих, пушистых щенят. Она спокойно еще раз обнюхала гнездо и отошла в сторону, удобно разместившись на дорожке между грядок. Куличиха тут же перестала кричать и слетела с изгороди на свои яички.

С этого времени Лотта старалась не тревожить ее, а всякий раз, как появлялась на участке, занимала свою излюбленную позицию на дорожке и, не сводя глаз, подолгу наблюдала за гнездом.

Но однажды у нее лопнуло терпение. Прележав на посту часа два, Лотта вдруг поднялась и неторопливо направилась к гнезду. Куличиха, как и прежде, подняла неистовый крик. А Лотта, обнюхав яички, подняла глаза на крикуху, как бы спрашивая: «И долго это будет продолжаться? Где же дети?»

Эта необычная история имела счастливый конец. Из яичек вылупились четыре куличонка, и мать благополучно переправила своих детей на плавучий зеленый остров.

Вот что значит святое слово — «дети».

Сказки

ЗАВИСТЛИВЫЙ МУЖИК

Русская народная сказка

Жил в одной деревне мужик, всему люду завидовал, а пуще всего — соседу своему. Увидит, что тот колодец у себя вырыл глубиною в пять аршин — и тоже роет, но на десять аршин; заметит, что сосед на мельницу пуд зерна поволок — и тут же в обгон бежит, но с двумя лудами; услышит, что он надумал козу купить — запрыгнет в бричку и в город на базар едет, чтобы две козы приобрести.

Вырос как-то богатый урожай пшеницы. Радуются деревенские, засыпают зерно в закрома и песни поют. А завистливому мужику не в радость все это: кажется ему, что у других лучше урожай, а у соседа и того больше. Злился он, злился, думал он, думал, какую бы пакость сотворить, и задумал — стал у себя мышей ловить и соседу в закрома запускать: авось у того поубавится.

Поймал он однажды мышку, а та и говорит ему: «Я мышка не простая, а двоякая. Не подпускай меня к пшенице соседа: съем я у него долю, а у тебя на золотник убавится». Смекнул он так и сяк и приказывает мышке: «Ешь скорее мое зерно да без остатка, чтобы и у соседа по сусекам опустело». Выполнила она приказ — и заголодали оба соседа. Поголодал, поголодал завистливый мужик и совсем злющим стал. Изловил мышку и говорит ей: «Что толку, что у соседа закрома пусты? Он как по деревне идет, так всяк его угощает жалеючи, а меня никому не жалко. Прибью я тебя!» Взмолилась мышка: «Не прибивай! Я ведь мышка не простая, а двоякая — могу любое твоё желание исполнить. Но не забудь: если мешок денег попросишь, то у соседа вдвое больше появится, и так все остальное». Подумал, подумал завистливый мужик и говорит: «Не нужно мне никакого блага — коль соседу от этого лучше

станет. А сделай-ка вот что: ослепи меня на одно око».

Ослепила его мышка на одно око, а сосед тут же на два ока ослеп. А как ослеп, так выбрался ощупью из избы, сел на завалинку, вылунил бельма и заплакал. Смотрит на него злыдень одним глазом и радуется чужому горю. Порадовался, порадовался, глянул на себя в зеркало — и почернел от злости. Изловил мышку и говорит ей: «Что толку, что сосед на оба ока ослеп? Как сядет он на завалинку, так всяк ему угощение песет жалеючи, а меня одноглазого никому не жалко. Прибью я тебя!»

Взмолилась мышка: «Не прибивай! Я ведь мышка не простая, а двоякая. Я могу твое желание исполнить, но не забудь: что попросишь ты — того у соседа вдвое больше появится.» Подумал, подумал завистливый мужик и решил хитростью свое взять. «Поди-ка ты, говорит, к слепцу с бельмами, да надоумь его попросить денег мешок и с людьми за угощение расплатиться... Но не открывай ему секрет, что двоякая ты.» Отпустил он мышку и размышляет: «То-то я теперь разбогатею всем на зависть. Тот дурень раздаст свои денежки, а у меня их два мешка останется.»

Выполнила мышка приказ, пришла к соседу и говорит: «Это я тебя, мил человек, без хлеба оставила. Но я мышка не простая, могу любое желание исполнить. Попроси денег мешок, чтоб с людьми за угощения рассчитаться.» И ответил мышке горемыка слепой: «То, что я без хлебушка остался, так это четверть беды. Прощаю я тебя за правду. То, что я слепцом стал, так это — половина беды. А открыла она мне глаза на всю доброту людскую. Если я стану мерить эту доброту на деньги, обижу тем людей — вот полная беда будет. Лучше отбери у меня полжизни и раздай ее тем, кто мне хлебушек носил.» Только сказал так — как по соседству, будто пес на издыхании провыл, а у самого оба ока прозрели. Глянул он на сторону — а там завистливый мужик мертвым лежит, заглянул он в закрома — а там полным полно пшеницы, пошарил взглядом по углам в избе — а там бочонок с медом стоит. Говорит он мышке: «Оставайся у меня жить.» И стали они жить в одном доме: мужик над полом, а мышка под полом. Я там был, из той бочки мед пил, и мышку видел.

СКАЗКА О СИНЕГЛАЗКЕ И ВАСИЛЬКЕ

Жила — была девушка. Всем она была хороша: и умом рассудительна, и сердцем чутка, и внешностью привлекательна, и глазами лучиста.

Если у кого горе какое случилось — она и погорюет вместе, и утешить постарается. А если радость вдруг у человека — то она радуется чужому счастью. Все ее любили за это и ласково называли Синеглазкою.

Познакомился с ней однажды мечтательный юноша Василек.

Стал он разговаривать с Синеглазкою — и удивился ее уму незаурядному, стал ей поверять свои печали-мечты — услышал отклик души родственной, стал смотреть в ее глаза лучисто-синие и обомлел от их нежного сияния.

Дрогнуло сердце у Василька. Взял он Синеглазку за руки и говорит:

— Милая Синеглазка, ты — мечта моя. Долго искал я тебя по свету суетному — и вот нашел! Слушаю я твой голос нежный — и не могу наслушаться, говорю тебе о печалях — мечтах моих — и вижу, как они твое сердечко трогают, смотрю в глаза твои чудесные — и чувствую, как млею весь от любви неистовой.

Вysłушала Синеглазка пылкие слова юноши — и полюбила его больше жизни.

Повела она Василька в дом — в светлу горницу, усадила за стол. Ждет — чего он еще скажет.

А Василек смотрит на нее — глаз отвести не может и думает, что хорошо бы так всю жизнь смотреть. Но тут вспомнил он о безжалостном времени, которое отбирает у человека красоту. Охватил его страх,

и говорит он Синеглазке:

— Любимая, ненаглядная моя, охватило меня смятение ужасное, как подумал сейчас о злодействе времени. Отнимет оно красоту твою, потускнеет твой взор ясный, погаснут синие лучи в нем — и развеется в памяти сей прекрасный миг. Позволь мне портрет с тебя написать.

Согласилась Синеглазка -- и взялся Василек за кисти и краски. Положит он синий штрих на холст — посмотрит на Синеглазку, а посмотрев, снова мазок сделает. Стараются Василек, всю душу в портрет вкладывает. Захватила его эта работа, увлекла мысль увековечить мечту — и решил он отказаться от всех земных радостей, пока своей цели не достигнет. Оторвется он от портрета, чтобы поесть или вздремнуть часок-другой, а сам все об одном думает.

Итак: дни сменяли ночи, ночи сменяли дни — много времени ушло безвозвратно, а никак не получается у Василька, чтобы заиграли на портрете глаза живыми синими лучами.

Мучается Василек в бесплодных поисках жизни на холсте, погружается в глубокие раздумья, смотрит вокруг отрешенным взглядом — ничего не замечает. Даже на Синеглазку стал по другому смотреть. Посмотрит — и будто бы не видит, словно не существует перед ним живого человека. Скажет она ему слово ласковое беспокойное: отдохни, мол, любимый, обрати на меня внимание, — а он сердится, просит не мешать думать ему и портрет писать.

Погрустнела Синеглазка. Стала она надолго из дому уходить, чтобы Васильку не мешать и тоску свою выплеснуть. Выйдет на луга коворые, упадет на травушку-муравушку и горько плачет.

И там, где ее слезинки на землю падали, стали вдруг нежно-голубые незабудки вырастать.

Вскоре весь луг этими чудесными цветами покрылся.

А Синеглазка с каждым днем тает и тает от горя. Как былинка, стала тоненькая, как пушинка стала легонькая.

И вот однажды налетел ветер, закружил на лугах вихри ураганные, подхватил Синеглазку и унес в маревую даль.

Затерялась Синеглазка в том мареве и превратилась в мираж.

Когда нет ветра, когда печет зной накаляя землю, поднимается Синеглазка над травушкой-муравушкой и устремляет свой лучистый взгляд в родную сторонку: не видать ли там Василька, не закончил ли он портрет писать?

Много ли, мало ли прошло времени — устал, наконец, Василек от бесплодных стараний, вспомнил он о Синеглазке, захотелось ему доброе слово услышать, теплый взгляд ее на себе ощутить.

Стал Василек звать Синеглазку. Зовет, зовет, — да она ему не откли-

кается. Стал он тогда искать ее. Ищет, ищет — а ее и след простыл. Вышел тогда он из дому и пошел на луга ковровые, посмотрел вокруг и удивился:

«Что за нежные цветы выросли, словно брызги слезинок синие! Отчего бы это?»

Стал Василек вглядываться в маревую даль — и вдруг увидел там Синеглазку. Обрадовался он и побежал к ней. Бежит, бежит — а никак приблизиться не может. Исчезает Синеглазка в том месте, куда Василек прибежит, а в другом появляется.

И так всякий раз...

Вот с тех пор и по сей день гоняется юноша за миражом по полям и лугам, мечется по белу свету, а догнать не может. А там, где приостановится он, постоит в грустном раздумье — цветы васильки появляются.

От того и растут повсюду нежно-голубые незабудки и васильки. Это Синеглазкины слезинки и следы беспокойного, мечущегося юноши.

Исторические очерки

СТРАНА СОКРОВИЩ

Сибирь не только страна сокровищ, но и — страна загадок. С очень отдаленных времен она славилась «мягкой рухлядью» — ценными мехами, в обмен на которые из бухарского и других азиатских стран сюда стекались серебряные и золотые изделия и украшения. «Рассказ о «Золотой бабе» приобрел большую известность в литературе пятнадцатого и шестнадцатого веков. В софийской первой летописи под 1398 годом сказано: «Живяще посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и «Золотой бабе», и волхвам и дрэвью». Многих ученых и искателей до настоящего времени волнует загадка золотого божества.

Русская эпическая фигура Бабы-Яги на страницах сказок — так же появилась из глухих урманов сибирской тайги.

Не менее уникальна и сибирская одиссея Ермака, породившая в народе много песен, преданий и легенд. Ермак — одна из самых загадочных личностей в истории России. Бало ли «призвание» Ермака Строгановыми (о чем говорится в их летописи), какова роль правительства Ивана Грозного в совершившемся походе, или инициатива похода полностью принадлежит казачьей дружине — пока остается предметом спора. Чтобы приблизиться к истине, необходимо понять исторические условия времени и взаимодействия интересов сторон. Пока рассмотрим интересы России и богатых купцов-солепромышленников Строгановых.

Первое знакомство с Сибирью принадлежит Великому Новгороду. В начале одиннадцатого века новгородцы предприняли первый поход в Югру, но потерпели неудачу. Югры побили их и назад вернулись немногие. Но это не остановило предприимчивых новгородцев. Имея издавна сведения о богатстве Югорской земли разными пушными зверями, серебром украшениями из хрусталя и бисера, моржовыми клыками, они желали распространить свою власть в этих местах и собирать дань с туземцев. Поэтому походы периодически возобновлялись. В конечном итоге, во второй половине XIII века Югория уже числилась как Новгородская волость. Однако местные племена не хотели быть данщиками и оказывали яростное сопротивление.

Один из значительнейших походов состоялся в 1364 году, захватив нижнее и верхнее Приобье.

Наряду с завоевательными походами, в Приуралье стали проникать и русские переселенцы. В 1430 году промышленник Калиновский приступил к добыче соли на реке Каме.

Во времена царствования Ивана III было совершено несколько походов. Сведения о них, на основании Архангелогородского летописца, приводит И.В.Щеглов в своем труде «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири». Повторим содержание этих сведений, так как они имеют немаловажное значение для последующих отдельных умозаключений.

1465 г. «Иван III Васильевич велел устюжанину Василию Скрыбе Югорскую землю воевати, а шли с ним хотячие люди, да с ним же ходил князь Василий Вымский Ермолич с Вымичи и Вычекжаны, а пошла рать с Устюга месяца мая в 9 день. Они же шедше да Югорскую землю воевали и полону много вывели, и землю за великого князя привели, а князей Югорских Калпака, да Течика, к великому князю Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них возложил и на всю землю Югорскую, а Скрыбу пожаловал».

1467 г. «Вятчан 120 человек ходили на вогуличей, да с ними пермяки вогулич воевали и князя вогульского Асыку в Вятку привели».

1483 г. «Князь великий Иван III Васильевич послал рать на вогульского князя Асыку, да и в Югру на Обь реку великую; а воеводы были великого князя, князь Федор Курбский Черной, да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними устюжане и волгожане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки; и бысть им бой с вогуличи на усть реки Пельни (при-

ток Тавды, впадающей в Тобол). На том бою убили устюжан семь человек, а вогулич паде много, а князь вогульский Юшман убежал, а воеводы великого князя оттоле пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю, воевали идучи, добра и полону взяли много, а князь вогульский Юшман убежал, а воеводы великого князя оттоле пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю, воевали идучи, добра и полону взяли много, а от Сибири шли по Иртышу реце вниз воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей Югорских воевали и в полон вели; а пошла рать с Устюга мая в 9 день, а на Устюг пришли на покров святая Богородицы (1 октября); а в Югре померло волгожан много, а устюжане все вышли».

1499 г. «Окончательное покорение всей Югорской земли. Совершен большой поход за Урал, под предводительством князя Семена Федоровича Ушатого и Василия Ивановича Заболоцкого-Бражника, начальствовавших над пятью тысячами устюжан, двинян и вятчан. «... и убили воеводы на Камени Самоеди 50 человек, а взяли 200 оленей. От камени шли неделю до первого городка Ляпина; прошли 4650 верст. Из Ляпина встретили с Одора на оленях Югорские князья, а от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках. Ляпин взяли и поймали 33 города, да взяли 1009 человек лучших людей, да 50 князей привели. Да Василий же Бражник взял 8 голов» (Миллер, 50 стр.)

Этот поход длился в течение года.

На основе почерпнутой информации можно сделать весьма очевидные выводы:

- в XV веке племена Зауралья не представляли никакой угрозы русскому государству;

- походы «охочих» русских носили грабительский характер, «добра и полону» брали много;

- Московское правительство ставило цель — добиться вассальной зависимости Югорских народов для пополнения своей казны за счет сбора дани;

- в Югре сохранялся принцип самоуправления — плененные Югорские князья, обещающие платить «ясак», отпускались из Москвы обратно в Югру «пожалованные княжением»;

- фактически не было осуществлено окончательного покорения всей Югорской земли, Югорские народы, после ухода русских войск быстро «забывали» об уплате дани, что и было причиной повторных походов;

- походы осуществлялись только северными путями, указание их маршрутов по Сибири и затрат времени на походы дают возможность получить ориентировочное представление о средней скорости передви-

жения войск;

- потери от болезней иногда превышали потери от военных действий;

- большие потери людей — самоедов и вогуличей — говорят не только о превосходстве вооружения русских, но и об упорном сопротивлении местных народов;

- в летнее время походы осуществлялись по рекам, а в зимнее — на оленях и собачьих упряжках (есть сведения и о конных походах в летнее время);

- переход войск через горы происходил по перевалам северной части Урала;

- Югорская земля, названная вне Сибири, дает основание полагать об укоренении татар на территории бассейнов рек Туры и Иртыша (впервые название Сибирской земли встречается в русской летописи во времена Дмитрия Донского, повествующей о разорении Москвы Тохтамышем: «Тут Тохтамыш искал убежища в Азиатском севере, но в январе 1407 г. убит ханом Шадибеком в Сибирской земле. Так говорят русские временники, в которых при этом случае название сей земли является в первый раз» (Леберг, стр. 63).

Информация и выводы, которые мы имеем, помогут в какой-то мере приблизиться к более правдоподобным версиям о походе Ермака.

В первой половине XV века завоевание 1499 года было частично утрачено. Только некоторые районы за Уральскими горами были данниками великих князей Московских. К ним относились места по обеим сторонам нижней Оби и земли по реке Конде. Поэтому великий князь Василий Иванович имел титул только князя Кондинского и Обдорского. Просто Югория уже подразумевалась лишь по бассейнам рек Сысве и Сосве, а также около Березова. Южная Югория, включая Тюмень, стала называться Сибирью, которою правили Сибирские ханы. Они, вплоть до 1552 года не платили дань Москве, так как были в вассальной зависимости от Казанского Ханства.

После взятия Иваном Грозным царств Казанского и Астраханского, Сибирский князь Едигер бил челом царю и просил взять на свое имя всю Сибирскую землю, защищать ее от врагов и брать с нее дань «собольими и белыми мехами». С этого времени Иван IV стал именоваться повелителем Сибири. Сургутским и всем Югорским князьям царь предписал присылать дань Москве. Его жалованные грамоты купцам и солепромышленникам Строгановым вменяли им в обязанность быть послами Москвы в Сибири. Однако Московское правительство не сумело сохранить достигнутые успехи на восточных рубежах. Не прошло и 10 лет, как они вновь были потеряны.

Начиная с 1558 года, Иван Грозный затеял тяжкие затяжные войны с Ливонией, Польшей и Крымскими татарами. Эти войны отвлекли его внимание от далекого востока, где сами собой разворачивались неблагоприятные события для России. Беззащитная от внешних врагов Сибирь оказалась легкой добычей.

В 1563 году, когда началась война с Польшей, кочевавший с ордой у Арала ногайский хан Кучум (некоторые историки считают его узбеком), нагрянув в Сибирь, убил князей Едигера и его брата Бекбулата, назвал себя Сибирским царем, сделал своими вассалами местные племена и запретил им посылать дань Москве.

Кучум прочно укоренился в Сибири, подчинив себе югров, остяков и вогуличей. Против него была направлена рать под предводительством князя Лыченицына, но Кучум ее разбил, захватив «все пушки и зелье». Родственник Кучума — Маматкул (в летописях он называется то сыном, то братом или племянником) жестоко наказал плативших царю дань остяков, взял в плен их жен и детей, побил служилых у Москвы татар с посланником Третьяком Чубуковым, но не осмелился напасть на Чусовские городки Строгановых.

К этому времени Строгановы, получившие грамоты царя на Прикамские земли, сумели в сравнительно короткий срок построить городки-крепости, создать довольно надежную оборонительную систему в Приуралье и тем самым подготовить благоприятные условия для проникновения колонизации в Сибирь. Наверное, достаточно было бы и одних Строгановых, подкрепленных царскою ратью, чтобы не отдавать Кучуму Сибирь. Тогда бы и не потребовался Ермак Тимофеевич.

СТРОГАНОВЫ

Век XV — один из самых знаменательных для русского народа. Закончив с игом Золотой Орды, россияне на основе разрозненных княжеств приступили к созданию обширного и могущественного государства. В то же время непрерывные войны, чередующиеся то успехами, то поражениями, частые засухи и наводнения, неурожаи, разруха и голод, эпидемии и большая смертность — были тяжкими испытаниями, которые пришлось вынести многострадальному русскому народу.

Набеги воинственных кочевников, плохие погодные условия, отсутствие в те времена наезженных путей по линии Москва — Владимир — Нижний Новгород — не позволяли осваивать под пашни ни земли южных окраин, ни районы Владимира, Суздаля, Ярославля и Нижнего Новгорода. Поэтому центрами освоения земель под пашни, развития

ремесел и торговли становились более северные районы. Даже царская казна Ивана Грозного располагалась в Вологде, среди непроходимых лесов и болот, в местах недоступных при нашествиях врагов.

В таких условиях в начале века возникает в Соли Вычегодской богатейшая вотчина Строгановых.

Аника Строганов — глава дома, основатель знаменитого рода в Московском государстве, отличался незаурядным умом, неисчерпаемой энергией предприимчивости, непомерно волевым и твердым характером, граничащим с жестокостью. Аника держал своих сыновей в страхе и беспрекословном повиновении; за пренебрежение установленными им правилами, непослушание он бросил в Вычегду собственную дочь.

Во времена великого князя Василия Ивановича и княгини Елены, матери и опекунши малолетнего Ивана Грозного, торговый дом Строгановых разбогател до фантастических размеров. Сундуки ломились от золота и драгоценностей. Денег в казне Строгановых было больше, чем у самых именитых сановников государства. Их владения и деловые связи с зарубежьем быстро расширялись, их торговые конторы возникали в разных уголках страны.

Строгановы построили свой флот. Их суда плавали по многим рекам и морям. Аника не только производил хлеб, но и закупал его для казны. Вначале он закупал заморские товары в Архангельске, а затем установил прочные взаимоотношения с бухарскими купцами и другими азиатскими странами. Если ранее зарубежные купцы непосредственно входили в контакт с местным населением Сибири и производили натуральный обмен своих товаров на «мягкую рухлядь», т.е. на соболя, лисицу, бобра, белку и горностая, то теперь на их пути появился Строганов. В устье реки Чусовой выросла торговая контора, окруженная крепостными стенами и охраняемая многочисленной стражей. Отсюда на Нижнее Поволжье ходили струги Строгановых с товарами.

Аника проявлял большой интерес к ничейным прикамским местам, богатым вековыми лесами, землями, пригодными для распашки, а главное — «рассолом». Ведь основной доход приносила соль, добываемая в Соли Вычегодской. Строганов знал, что Соль Камская — не единственное место на Каме, богатое солью. Многие годы он вынашивал мечту, выжидая подходящего момента. Он не скупился на расходы, одаривал нужных ему сановников, оказывал значительные услуги государю за счет своей казны, принимал от правительства заказы на поставку хлеба, мехов и других товаров.

Несмотря на то, что пермские земли периодически подвергались набегам пелымских князей, остяков, татар и ногаев, Строгановы не дума-

ли отказываться от богатств Приуралья, усматривая экономическую целесообразность в строительстве оборонительных сооружений и крепостей. В свою очередь правительство было заинтересовано в укреплении восточных границ, к которым уже существовали наезженные пути. Они шли из Москвы на Вологду, затем по реке Сухоне через Тотьму и Великий Устюг до Соли Вычегодской, а далее либо по р. Вычегде до бассейна Печоры, либо сухопутьем через Чердынью и Соль Камскую до подножья Уральского хребта, перевалив через который, приводили к речной системе: Тавда, Тобол, Иртыш и Обь.

Дождавшись благоприятного момента, Аника Строганов послал в Москву своего сына Григория, который бил челом царю Грозному и говорил: «В осьмидесяти осьми верстах ниже великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны до реки Чусовой лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки (поемные луга) пустые, и всего пустого места здесь 146 верст; до сих пор на этом месте пашни не пахиваны, дворы не ставлены и в царскую казну пошлина никакая не бывала, и теперь эти земли не отданы, в писцовых книгах, в купчих и правящих не писаны ни у кого».

Подкупленные Строгановым царские казначеи и пермский посланник с данью от пермяков подтвердили, что камские места, о которых бьет челом Григорий, «исстари вечно лежат впусе и у пермичей и в тех местах не ухаживают никоторых».

Григорий Строганов просил дозволения поставить на этом месте городок, снабдив его пушками и пищальями; иметь пушкарей, пищальников и воротников для бережения от ногайских и других орд; по речкам и по озерам лес рубить, пашни пахать, дворы ставить, людей призывать нетяглых, рассолу искать и соль варить.

Царь Иван Грозный грамотою 4 апреля 1558 г. пожаловал Григория Строганова этими землями с просимыми им правами и предоставил ему для покрытия расходов льготы на 20 лет от платежа всякой дани, посошной службы и городского дела; людей, которые поселятся у Строгановых, освободил от суда пермских наместников, предоставив их судить и ведать во всем Строганову, но при условии — не принимать к себе ни беглых, ни разбойников.

После царского пожалования Строгановы в 1559 году построили городок Конкор в 20 верстах от устья реки Усолки, но вскоре во имя Преображения построили в нем монастырь и передали его церковникам. А в 15 верстах от него, на той же реке Усолке, в 1564 году построили крепость Каргедан, получившую также название слободы Орел. Затем Строгановы добились разрешения царя на литейное дело и организовали в Орле литье пушек и стволов пищалей для оснащения своих го-

родков.

Орел был похож на усадьбу-крепость. В центре городка стояла церковь с колокольной и господские хоромы с поварнями, погребами и клетями, с баней и хлевами. Усадьбу окружали прочные деревянные стены-срубы в тридцать аршин высотой (около 22 м). Срубы были покрыты глиной, а на открытых участках — камнем. По углам стояли глухие рубленные башни, оштетинившиеся стволами пушек. На башнях день и ночь несли сторожевую службу караулы.

Изготовление Строгановыми большого количества оружия не решало проблемы защиты своих владений без боеприпасов, которыми правительство не в состоянии было обеспечить. Поэтому пришлось самим организовать добычу свинца и селитры и изготавливать порох. Практически во всех вопросах жизнеобеспечения Строгановы могли рассчитывать только на себя. Поэтому, несмотря на оговорку царя в жалованной грамоте о том, что Камский край — «наша (царская) вотчина», Строгановы вынуждены были создать свое мини-государство в государстве Российском и действовать как в своих личных владениях. Если правом на владение укрепленными городками обладали лишь удельные князья, да двое-трое самых знатных бояр, то Строгановым и в этом было сделано редкое исключение.

На все сферы деятельности требовались многие тысячи людей. Поскольку южная часть Сибири еще была под властью воинственных кочевников, удобнее и дешевле было набирать крестьян и служилых людей по деревням и городам, ближе расположенным к Уралу, на проторенном северном пути, идущем через Соль Вычегодскую — главную вотчину Строгановых. Отсюда они и стали направлять ремесленников и крестьян. Однако отбор шел с большой осторожностью, чтобы не нанести ущерба собственным делам. Отбирали выборочно, понемногу от каждой деревни: от отца — сына, от брата — брата, от соседа — соседа. Но многие крестьяне, особенно в неурожайные годы, и прочий бедный люд в поисках лучших мест уходили с Оки и Волги на север, в бассейн Северной Двины, на Вычегду, а оттуда на свой страх и риск двигались в Сибирь без разрешения и средств.

Через Соль Вычегодскую отправлялись в сибирскую тайгу и охотники на пушного зверя, и мастера, и рудознатцы. Шли туда жители Тотмы, Белозерья, устюжане, холмогорцы и даже жители более отдаленных мест.

Собираясь в Соли Вычегодской, они небольшими ватажками отправлялись на поиски счастья в загадочную для них страну Сибирь.

За короткое время Строгановы набрали не одну тысячу человек, и всем хватило работы. Одних только солеварниц на Каме было постро-

сно в 27-ми местах.

Соль Вычегодская в те годы представляла собою базовый город, город-склад, поставляющий в Прикамье многие товары и продовольствие. Именно здесь, в окрестных местах, пополнил свою дружину для похода в Сибирь Ермак Тимофеевич, оставив памятные названия: «Ермакова гора», «Ермаковы колодцы», деревня Ермачиха и др.

Прочно обосновавшись в Прикамье, Строгановы упорно продолжали расширять свои владения.

В 1568 году Якову Строганову, младшему (второму сыну, был еще и самый младший Семен) сыну, были пожалованы земли от устья Чусовой вниз по Каме, всего на 20 верст, с теми же правами и льготами на 10 лет, какие были даны его брату Григорию.

В 1574 году по жалованной грамоте Якову и Григорию — Аникиевым детям, «было дозволено на Тахчее и Тоболе строить крепости, иметь огненные снаряды, пушкарей, пищальников и сторожей от Сибирских и Ногайских людей держать, и около крепостей у железного промысла, у рыбных ловель и у пашен, по обе стороны реки Тобола и по окрестным рекам и озерам, дворы ставить, лес сечь, пашни пахать и угодыями владеть, людей нетяглых призывать, но только ни беглых, ни татей, ни разбойников». Поселенцы на землях юго-западной Сибири освобождались от всякой службы и всяких повинностей. И не только на Тоболе, но и на Иртыше и Оби дозволено было строить крепости, а ратным людям этих крепостей разрешалось ловить рыбу и зверя безобразно 20 лет. На Строгановых налагалась обязанность защищать инородцев и русских поселенцев от нападения ратных людей Кучума и, кроме того, вести с ними войну наступательную, посылать на него «охочих людей, остяков, вогуличей, югров и самоедов с наемными казаками..., брать в плен сибирцев и приводить их в дань за царя».

Успехи Строгановых в расширении своих владений, несомненно, явились результатом совпадения намерений Ивана Грозного и корысти властолюбивых промышленников, которые не желали останавливаться на достигнутом, хотя это и оказывалось непомерной ношей. Потрясающе удивительные милости царя в предоставлении Строгановым столь грандиозных полномочий и прав дают основание полагать о несомненной мудрости Ивана IV. Опыт прошлого, безрезультатность военных походов в достижении конечной цели — бесповоротного присоединения Сибири к России, говорили о том, что без заселения россиян на землях Зауралья не стать Сибири частью государства Российского. Руками Строгановых царь надеялся осуществить эту задачу. Первым шагом царя в этом направлении было принятие в опричину прикамской вотчины Строгановых.

Став опричными слугами, Строгановы в 1572 году наняли к себе на службу 1000 казаков, вооруженных пищальми. Однако, когда местное население Сибири, а в частности остяки из Тахчеи, запросили у них защиты от Кучума, Строгановы не осмелились выступить им на выручку. Для осуществления подобной кампании нужен был человек, обладающий дерзкой храбростью и расчетливой мудростью, коим и явился впоследствии Ермак Тимофеевич. Но не это являлось главной причиной нерешительности Строгановых.

Когда в 1570 году умер глава семьи Аника, наследники-сыновья разделили земли и богатства. Разобщенность поколебала их силу и мощь, финансовое положение резко ухудшилось. Сыновья Аники Григорий и Яков (дожившие до 1578 года) ужесточили давление на местные племена, беззастенчиво грабили их в угоду своей казны. Такие действия разжигали массовое недовольство и порождали восстания. Строгановы заботились прежде всего об охране своих городков на Прикамских землях и не могли себе позволить какие-либо военные походы. Тем не менее с каждым годом положение ухудшалось.

В 1579 году истек срок царских льгот, и строгановские деревни были обложены большими налогами. В результате значительно сократилось производство, почти половина соляного промысла бездействовала. Сундуки промышленников стали пустеть.

Полной неожиданностью для Строгановых было появление в августе 1578 года на реке Сылве дружины Ермака, скрывшейся там от преследования царским войском за разбой казаков в Поволжье. Близкое зимовье опасного соседа обеспокоило Максима Строганова. Он желал избавиться от него и в то же время извлечь пользу.

Дождавшись весны, Максим 6 апреля направил к Ермаку посольного с письмом, в котором убеждал его и его дружину «примириться с Россиею и Богом и идти воевать Кучумово царство». Это предложение, видимо, отвечало намерениям Ермака, так как он 28 июня появился в Чусовском городке. (Эти сведения мы находим только в Строгановской летописи. В более ранней Есиповской и в других летописях об этом сообщений нет). Пополнив свою дружину «охочими» людьми, в основном из деревень Соли Вычегодской, так как Строгановы не желали оголять Прикамские земли, взяв у солепромышленников запасы продовольствия и пороха, Ермак отправился в Сибирь. О мотивах и подробностях этого похода будет сказано в следующих главах настоящего повествования.

Летом следующего года, когда Ермаково войско уже находилось в Сибирских землях, Чусовские городки подверглись нападению вогульского мурзы Бекбелия Агтакова, который был в конечном итоге, после

преодоления Строгановыми растерянности, разгромлен казаками гарнизона, а сам мурза 22 июля 1581 года взят в плен. После этого, примерно через месяц, Пелымский князец, вассал Кучума Аблагирим, со множеством вогуличей разорил строгановские поселения по Каме, Яйве и Сылве, увел с собою в плен много людей и держал долгое время в осаде один из городков на Чусовой. Максим Яковлевич и Семен Аникиевич (дядя Максима) не смогли противостоять многочисленному войску, а Чердынский воевода и Никита Григорьевич Строганов, владелец крепости Орел, не оказали необходимой помощи. Это обстоятельство дало повод потерпевшим подать жалобу в Москву с просьбой, чтобы было повелено из Чердыни, как главного в Перми города, прислать им на помощь войска, а Никите Григорьеву приказать, чтобы он с ними стоял заодно и вогуличам в их вотчине не давал возможности воевать.

В ответ на имя Пермского наместника князя Ивана Елецкого и Никиты Строганова поступила царская грамота, помеченная 6-м ноября этого же года. (Миллер, стр. 115-116).

Сибирский хан Кучум, который зорко следил за состоянием России в военных баталиях, претерпевшей ряд серьезных поражений и сожжение Москвы, усиленно готовился к войне, к захвату Приуральских земель и изгнанию из них россиян. Обеспокоенный большими успехами дружины Ермака, Кучум рассчитывал, что его удар по гарнизонам Приуралья заставит казаков отказаться от продолжения Сибирского похода и побудит вернуться в Прикамье на помощь царским гарнизонам. Но Кучум допустил большую ошибку, думая что Ермак состоит на государственной службе. Ермак на самом деле осуществлял собственные планы и не собирался покидать Сибирь, не доведя дело до полной победы.

1 сентября 1582 года Кучум нанес удар на Чердынь, но взять ее не сумел. И все же войско татар и подвластных Кучуму остяков, вогуличей и башкир во главе с сыном хана Алеем разрушили многие остроги, сожгли слободы и деревни. «Тогда, говорит Миллер, получена была в Москве первая ведомость о Ермаковом на Сибирь предприятии. Чердынский воевода Василий Перепелицын, желая Строгановых привести в подозрение, писал на них, якобы они учиненным донским казакам от себя вспоможением всему несчастью. Виновны, и что казаки своим грабительством вогуличей возмутили, потому что по полученным известиям того же дня, в который вогуличи к городу Чердыню приступали, казаки вогулические жилища огнем и мечом разорили; не меньше же он старался представить ту опасность, какая от Сибирского хана Российскому государству может воспоследовать, ежели оный хан за казацкие поступки России мстить захочет (Миллер, стр. 116; И.В.Щеглов,

стр. 38).

Известно, что донос царю Перепелицын писал, не зная об успехах экспедиции Ермака. Кроме того, сам Перепелицын во время осады Чердыни находился в Москве и не мог знать всех обстоятельств и хронологической последовательности событий. Опальная царская грамота, помеченная 16 ноября 1582 года, пересказав сомнительный по достоверности текст жалобы Перепелицына, предписывала Максиму Яковлеву и Никите Григорьеву Строгановым: «...Приказываю вам немедленно выслать Ермака с товарищами в Пермь и в Усолье Камское, где им должно покрыть вины свои совершенным усмирением остяков и вогуличей; а для безопасности ваших городков можете оставить у себя казаков сто, не более. Если же не исполните нашего указа; если впредь что-нибудь случится с Пермскою землею от Пелымского князя и Сибирского салтана: то возложим на вас большую опалу, а казаков — изменников велим перевешать».

Этот гневный указ Ивана Грозного испугал Строгановых, но вскоре вслед за его получением, пришло известие от Ермака о взятии Сибири. Строгановы возликовали и тут же снарядили гонца в Москву с замечательною вестью. Гнев царя сменился великою милостью. То, за что на них ложилась опала, теперь шло на пользу. Воевода Перепелицын представил их зачинщиками похода казаков, и теперь они не собирались отрицать этого, а даже готовы были провозгласить о своих больших затратах на снаряжение экспедиции и получить царскую благосклонность и награды.

Пользуясь тем, что у них в руках была царская грамота, дающая право основывать городки по Тоболу и другим рекам вплоть до Оби, Строгановы почувствовали себя хозяевами не только в Приуралье, но и за Уральским хребтом. Они немедля разослали своих людей приводить к шерти «инородцев», сборщики ясака отправились не только в мансийские и остяцкие, но и в татарские улусы. Но не долго Строгановы пользовались благоприятным стечением обстоятельств. Через два года погиб завоеватель Сибири Ермак Тимофеевич, умер царь Иван Грозный, и царь Федор насильно отнял у них все, хотя срок льготы истекал только в 1594 году.

Строгановы затратили много усилий, чтобы вернуть милость государя, не жалели для этого денег. Правительство тоже пришло к выводу, что без услуг Строгановых не обойтись. В 1591 году царь Федор вернул для прежнего владения Никите Строганову город Орел с слободою и варницами.

Прошли десятилетия. Во времена царствования Василия Шуйского, за большие финансовые услуги, Строгановым было пожаловано

высокое звание «гостей». Это звание присваивалось только самым богатым купцам России.

Строгановы всегда помнили, что их предки помогли Ермаку в завоевании Сибири. Занимаясь упорядочением своих архивов, они наткнулись на множество документов, относящихся к экспедиции Ермака. Это навело их на мысль об использовании преданий старины для прославления своего рода.

Так возникла летопись, известная под названием Строгановской, отражающая интереснейшие события легендарного похода Ермака.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Пролог	6
Стихи 1970-1990 гг.	7
Стихи 1950-1970 гг.	103
Проза	153
<i>Рассказы:</i>	
Несостоявшаяся любовь	155
Дочь тайги	185
Браконьеры	214
В стороне	224
У костра	247
Чака	252
Сапенька	255
<i>Новеллы:</i>	
Наследник	259
У окна	263
Призрачная явь (фесерическая новелла)	266
<i>Сатирические рассказы:</i>	
Опасное дыхание	274
Светопредставление или Удивительные события, предшествующие исчезновению одного города	276
<i>Юмористические рассказы:</i>	
Эпистолярная история	300
Чугур	305
Тишка	310
<i>Фантастические рассказы:</i>	
Иллона	314
Вундеркинд — добрый гений	321
<i>Зарисовки:</i>	
Лесная гостья	326
Святое слово	328
<i>Сказки:</i>	
Завистливый мужик	331
Сказка о Синеглазке и Васильке	333
<i>Исторические очерки:</i>	
Страна сокровищ	337
Сибирь и Россия	338
Строгановы	341

Рихтер О.Б.

Россыпь: Стихи и рассказы. 352 с., ил.

ISBN 5-88560-113-5

Олег Борисович Рихтер
«Россыпь»

Книга издается в авторской редакции
Художник *дэ Борейша*
Технические редакторы *Д.Е. Леушкин, М.Н. Панов*
Корректор *Т.Е. Федорова*

Подписано к печати 11.07.97.
Формат 84×108¹/₃₂ Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Бумага для офсетной печати.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издание подготовлено к печати при поддержке
издательства «Петрополь» Санкт-Петербургского Фонда культуры.

Лицензия на издательскую деятельность:
ЛР № 030333 от 15.12.1992 г.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов

